М. Н. Покровский

О ЗАДАЧАХ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

Общество историков-марксистов начало работать в 1925 г., в самый разгар восстановительного периода, ближе к его концу. Одной из основных задач этого периода было использование буржуазных специалистов. Нам приходилось строить коммунизм руками некоммунистов», и одним из условий успешности этой стройки являлось то или другое решение вопроса о том, чисты ли и умелы ли эти руки. Отсюда первая задача, за которую должно было взяться Общество в порядке увязки теории с практикой, это — идеологическая проверка своих специалистов, специалистов-историков, доставшихся нам в наследство от буржуазной России. Как раз к тому времени, в конце восстановительного периода, эти специалисты выступили с целым рядом произведений, равнявшихся декларациям (Петрушевский, Тарле, Бахрушин и т. д.). Эти декларации давали возможность установить, что это за люди по своему мировоззрению и насколько они годятся нам в товарищи в деле построения коммунизма. В Обществе был прочитан ряд докладов о работах этих буржуазных специалистов, и доклады эти выяснили, что строить их руками коммунизм во всяком случае не придется.

Общество выполняло тут свой элементарный партийный долг и, повторяю, действовало вполне в смысле директивы об увязке теории с практикой, ибо в руках специалистов, подвергавшихся проработке в нашем Обществе, была тогда как научно-исследовательская работа, так в значительной степени и преподавание в наших вузах. Из'тие из их рук части исследовательской работы — упразднение исторического института РАНИОНа и открытие такового в составе Коммунистической академии — было одним из последствий этой проработки. К сожалению, до более высокой цитадели старой историографии, второго отделения Всесоюзной академии наук, нам не удалось тогда добраться, и сидевшие там махровые реакционеры-историки были сняты со своих постов только в совершенно другой связи и гораздо позже. Нам удалось лишь предотвратить разрастание этого вредного нароста на теле советской историографии, помешав возникновению в стенах Академии наук нового исторического института.

Уже это первое выполнение Обществом историков-марксистов своего прямого партийного долга вызвало явное неодобрение со стороны некоторых кругов, которые тогда еще казались вполне партийными (теперь часть представителей этих кругов уже формально вне партии, а другая часть вполне формально осуждена партией и оставлена лишь под условием исправления). Этим кругам разоблачение буржуазных историков в той форме, в какой оно было произведено в нашей дискуссии и на страницах «Историка-марксиста», показалось «революционным мальчишеством», и один из первых застрельщиков по разоблачению антикоммунистической идеологии нашей старой профессуры — т. Фридлянд — был немедленно за это наказан сверхнахальной рецензией в одном из изданий, фактически редактировавшемся тогда Слепковым, в каковой рецензии решительный автор на трех страницах «неопровержимо устанавливал» тот факт, что учебник т. Фридлянда, по которому учились и учатся все наши комвузы, есть не что иное как безграмотная — со всех точек зрения и с марксистской, и с чисто-исторической — мазня.

В первый раз, таким образом, еще по поводу разоблачения Петрушевского, Тарле и К°, Обществу историков-марксистов пришлось столкнуться с его основным врагом на будущий период — с уклонами. В дальнейшем нам почти

уже не пришлось заниматься отечественными буржуазными историками, ибо наиболее крупные из них были уже нами разоблачены, а о других взяли на себя попечение соответствующие учреждения, и откровенные признаки этих других избавили нас от всякой необходимости, что бы то ни было разоблачать. Человека, который сам о себе заявляет, что он хотел посадить «на всероссийский престол» одного из бывших великих князей, разоблачать в монархизме, конечно, нет никакой необходимости, как нет необходимости доказывать, что лошадь есть лошадь, а не курица.

На новом этапе, таким образом, разоблачать нам приходилось уже не буржуазных специалистов, за исключением западных, — тут наша разоблачительная работа очень запоздала, и, например, разбор теории Допша закончился только в нынешнем году, — а их приятелей и последователей среди партийных уклонистов — правых и «левых». Это была борьба неизмеримо более трудная и нудная, чем предыдущая. В то время как буржуазные историки в качестве честных реакционеров более или менее четко формулировали свои взгляды, оппортунисты из партийных уклонов, за единичными исключениями, всячески этого избегали, оправдывая знаменитую характеристику оппортунизма у Ленина: «Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерные черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенность, расплывчатость, неуловимость. Оппортунист по самой своей природе уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим, невинным пожеланиями и пр. и пр.» [1].

Наши современные оппортунисты особенно любят прятаться за Ленина, стряпая из ленинских цитат такое блюдо иной раз, что от этого блюда не отказался бы ни один меньшевик. Слова — подлинно ленинские, но содержания ленинского в них не осталось ни капли, потому что слова вырваны из контекста и потому что тщательно скрыты от читателя другие слова Ленина, которые об'ясняют цитируемые слова совсем в другом смысле. На неопытных людей, в особенности на неопытную молодежь, этот град цитат несомненно производит известное впечатление. Приходится напомнить, что знаменитая книга Бернштейна — евангелие оппортунизма — тоже усеяна цитатами из Маркса и Энгельса, хотя ее основной задачей было опровергнуть революционный марксизм.

Другой военной маскировкой оппортунизма является самокритика. Когда оппортуниста ловят на том, что он говорит антипартийные вещи, что он, подделывая Ленина, на самом деле борется против ленинизма, сейчас же раздается неистовый визг о зажиме самокритики. Полезно поэтому напомнить, как понимал самокритику Ленин.

Это понимание нашло себе выражение в написанном Лениным проекте резолюции X с'езда нашей партии по вопросу об единстве партии. Ленин здесь твердо устанавливает три признака подлинной самокритики, самокритики так сказать нормальной. Во-первых, критика должна вестись ни в коем случае не в пределах групп, складывающихся на какой-нибудь платформе, а должна направляться «непосредственно на обсуждение всех членов партии». Во-вторых, «всякий выступающий с критикой должен по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов, а по содержанию критики должен своим непосредственным участием в сов-и партработе испытывать на практике исправление ошибок партии или отдельных ее членов». Первую часть этой директивы Ленин специально подчеркивает в конце этого параграфа, требуя, «чтобы критика велась по существу дела, отнюдь не принимая форм, способных помочь классовым врагам пролетариата».

И, наконец, критика «должна быть построена так, чтобы всякое практическое предложение в возможно более отчетливой форме направлялось немедленно без всякой волокиты на обсуждение и реше

---

[1] Ленин, Шаг вперед, два шага назад. Соч., т. V, с. 473.

ние руководящих местных и центрального органов партии» [2].

Само собой разумеется, таким образом, что когда самокритика высиживается группками от двух до пяти человек, причем основные документы этой самокритики выходят на правах «отреченной литературы», не попадая в печать и не доходя до партийных органов, то это не есть ленинская самокритика. Само собой разумеется, что когда критикуют не люди, принимающие участие в общей работе, а люди, упорно отказывающиеся от нее, несмотря на все приглашения принять таковое участие, то это не есть ленинская самокритика. И, само собой разумеется, что когда «самокритика» пытается повалить людей, ведущих отчаянную борьбу именно с буржуазным врагом и в тот самый момент, когда они находятся в разгаре этой борьбы, то это не есть ленинская самокритика.

Настоящая ленинская самокритика, конечно, приносит нам огромную пользу: невозможно отрицать, что если на историческом фронте не образовалось до сих пор ничего похожего на рубинщину, переверзевщину или ошибки школы Деборина, то этим мы обязаны тому, что на историческом фронте самокритика применялась в таких широких размерах, как ни на одном из трех перечисленных фронтов. В дальнейшем мне и придется итти главным образом по линии указаний этой самокритики, настоящей ленинской самокритики. Но прежде небольшое отступление по поводу одного вопроса, который создает у нас некоторую путаницу.

Это вопрос о связи теории и практики. Что без такой связи теории и практики не может быть никакого ленинского изучения какого бы то ни было предмета, что не существует никакой аполитичной науки, которая была бы оторвана от текущей классовой борьбы, — это вещи само собою разумеющиеся. Они для ясности написаны далее в тезисах, и мотивировать их здесь нет никакой необходимости. Но в чем состоит увязка теории и практики на историческом фронте?

[2] **Ленин**, Соч., т. XX, ч. 2, с. 462—463.

Вот тут-то и имеются два понимания этого вопроса, одно из которых несомненно является деляческим подходом к вопросу, т. е. совершенно неленинским, и лишь другое является правильным. Первая форма увязки теории и практики, которую нам предлагают, заключается в том, что историки должны принять самое деятельное участие в приведении в порядок и в разработке наших архивов. Само по себе это совершенно правильно. Историки должны этим заниматься. Но было бы в последней степени куриной близорукостью т а к понимать связь теории и практики в области истории. Это значило бы невероятно принизить науку, которую Маркс и Энгельс готовы были считать «единственной» наукой и о которой они готовы были сказать, что «почти вся идеология сводится или к извращенному пониманию этой истории (истории людей), или к полному абстрагированию от нее. Сама идеология есть лишь одна из сторон этой истории».

Запереть «всю идеологию» в архив — это значит перестать быть марксистом. Суть истории в том, как неоднократно говорилось, что это с а м а я п о л и т и ч е с к а я из всех наук, и ее увязка теории с практикой заключается в том, что история должна непосредственно и неустанно раз'яснять массам происходящую классовую борьбу, вскрывать корни иногда глубоко скрытых классовых противоречий, словом, обнажать и подвергать беспощадному марксистско-ленинскому анализу все те политические конфликты, которые перед нами происходят, что совершенно невозможно без исторического подхода к этим конфликтам. Мне уже приходилось указывать на то, что корни и правого уклона, и «левого» уклона лежат далеко позади нас, лежат не только в первых годах нэпа, когда некоторым товарищам из всех формулировок Ленина по поводу новой экономической политики удалось запомнить только, что «новая экономическая политика означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере», и не удалось запомнить из той же самой речи Ленина его слова, что «диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба, в которой пролетариату приходится бороться со

всем миром», и что нэп есть иное разрешение той же задачи, которая ставилась в первые годы. «Если мы эту задачу пробовали решить прямиком, так сказать лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне, и их не считают ошибками. Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой» [3].

Вот этот ленинский курс был основательно позабыт некоторыми товарищами еще лет десять тому назад, и когда средства достижения социализма резко изменились, эти товарищи остались на старых позициях, на позициях, которые были осуждены Лениным, тоже уже лет десять тому назад. Но, как мне приходилось говорить в одном месте, и это еще не самые глубокие корни теперешних оппортунистических течений. Не говоря уже об общем корне всего оппортунизма — мелкобуржуазности, — это, так сказать, «социологический» корень оппортунизма, — нетрудно проследить в глубь, если не веков, то десятилетий, его конкретно-исторические корни. Причем мы тут имеем любопытнейший факт. Теперешний переплет правого и левацкого уклонов мы встречаем именно в виде переплета еще у народников 70-х гг., которые одним духом утверждали, что тогдашнее Российское государство есть внеклассовая организация и что крестьянин есть герой и творец всей русской истории. Это обожествление задним числом крестьянина-единоличника в наши дни является специально исторической формой борьбы против коллективизации и ликвидации кулачества как класса, и оно логически великолепно уживается с тезой Троцкого, что капитализм у нас «насаждался» внеклассовой организацией, именуемой самодержавием, «насаждался» на чрезвычайно примитивной экономической основе. Почему о социализме в России и могут говорить лишь «люди с совершенно особым устройством головы».

Все это между собою тесно связано, и все это может быть вскрыто лишь и с т о р и ч е с к и м анализом. В этом историческом анализе современного политического положения, без которого (анализа) этого политического положения невозможно понять, и заключается специфическая, истории свойственная, форма соединения теории с практикой.

Все исторические работы Маркса и Энгельса и все исторические работы и анализы Ленина были посвящены э т о й задаче и отвечали э т о й потребности. Ни один из наших великих учителей не занимался историей ради истории. Изучением истории ради истории, в скобках сказать, как теперь можно считать совершенно установленным, занимались всегда или только очень мелкие и бездарные историки, или умные люди, желавшие спрятать свою политическую физиономию под ворохом цитат и при помощи этого вороха фактически провести взгляды, отвечавшие именно политическим интересам того или другого класса. В особенности буржуазная демократия в своей системе одурачивания масс выработала эту формулу «об'ективной» истории, каковая формула, к сожалению, до сих пор еще затуманивает взоры многих наших товарищей. Не то, чтобы они теоретически не признавали, что обслуживание политической борьбы пролетариата с буржуазным миром внутри и вне СССР составляет их главную задачу, — теоретически, т. е. по-книжному, оторванно от действительности, они это понимают, но само это теоретическое понимание гроша ломаного не стоит, ибо оно само по себе есть стигмат, есть каинова печать отрыва теории от практики. Только тот, кто в истории борется за интересы пролетариата, в соответствии с этим выбирает темы, выбирает противника, выбирает то или иное оружие борьбы с этим противником, — только тот является настоящим историком-ленинцем.

По этому фронту нам сейчас необходимо подтянуться и чем скорее, тем лучше. Историкам СССР здесь может быть понадобится меньше усилий, хотя нужно сказать, самое создание истории народов СССР есть еще дело будущего, и целая огромная область — область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как с главной опасностью и с местными национализмами, как с опасностью второстепенной, но

[3] Ленин, Соч., т. XXVII, изд. 3-е, с. 40—44.

не менее настойчиво требующей отражения, — только еще начинает нами разрабатываться. Так что и историкам СССР хвастаться еще особенно нечего.

Но наиболее настойчиво это подтягивание диктуется положением на фронте западной истории. Руководители этого фронта должны были бы заметить, что увязка теории с практикой в их области начинается уже стихийно и помимо них, в низах: фактически студенты-икаписты западники уже все связаны с секциями Коминтерна и там работают, и недаром открывать дискуссию по западной истории приглашен один из руководителей Коминтерна. А где сами западные историки-руководители? Они сидят где-то в дебрях французской революции или истории древнейшего периода германской социал-демократии или еще где-то в довольно отдаленных местах, которые не столько своей отдаленностью, сколько манерой разработки этих мест являют собою несомненный отрыв теории от практики. Тут дело не в хронологии. Энгельс занимался первобытной историей и очень интересовался историей древнего Египта: и то и другое ему было нужно для построения той концепции исторического материализма, которая была совершенно очередным делом в эпоху становления марксизма вообще. Сейчас вопрос о формациях, т. е. вопрос о феодализме, о натуральном хозяйстве, даже родовом быте в порядке изучения народов СССР — актуальнейший вопрос, несмотря на то, что в учебниках истории все эти вещи фигурируют на первых страницах. Дело не в хронологии — дело в подходе, дело в том — изучать ли историю как таковую, попадая в ловушку хитрых буржуазных исследователей, на самом деле преследующих определенные классовые цели, или же брать историю как оружие классовой борьбы, как средство вскрыть все и всяческие «идеологии» как наших буржуазных противников, так и более близких к нам и укрывающихся иногда под партийными лозунгами оппортунистов. В борьбе с буржуазной историографией и с оппортунизмом и в беспощадном разоблачении их и получается основная увязка теории и практики на историческом фронте. К этому, конечно, присоединяется целый ряд конкретных задач, относящихся к истории классовой борьбы, происходящей в наши дни в различных странах, и обслуживание тех организаций, которые без историков обойтись не могут, в первую очередь Коминтерна как на западном, так и на восточном фронте. Без разрешения этого длинного ряда конкретных задач, которых сейчас нет надобности перечислять, наша историческая работа легко может выродиться в полемику, довольно поверхностную и не требующую никаких исторических знаний, и в один прекрасный день мы можем услышать вопрос: а при чем, собственно, тут историки? Общепартийная публицистика великолепно справляется с этим делом.

Этого никогда не нужно забывать. История есть к о н к р е т н о е исследование конкретных общественных вопросов. На этом исследовании мы должны бить нашего противника, и это исследование мы должны ставить так, чтобы оно отвечало нашим задачам. В этом самое главное — в увязке той исторической работы, которую мы ведем, с борьбой пролетариата против наемного рабства. Там, где этой увязки нет, нет настоящей ленинской истории.

ТЕЗИСЫ ФРАКЦИИ СОВЕТА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
О ЗАДАЧАХ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД [1]

I

Резолюция, принятая Обществом историков-марксистов 19 марта 1930 г., в общем определила задачи, стоящие перед историками нашей страны в период социалистической реконструкции. Но с тех пор имел место ряд новых фактов. XVI с'езд нашей партии, выявив полное единодушие в рядах партийной массы, непоколебимое решение партии довести построение социализма в нашей стране до конца в ближайший срок, колоссальный энтузиазм всех как партийных, так и беспартийных рабочих и колхозников в деле этого строительства, отнюдь не дал нам картины полного и искреннего отказа со стороны противников генеральной линии партии и ее руководства от дальнейшей борьбы. Наоборот, тотчас после с'езда, в первые же следующие за ним месяцы, мы могли видеть ряд случаев двурушничества, по своей беззастенчивости превосходивших все предыдущие. Как и констатировал декабрьский об'единенный пленум ЦК и ЦКК, именно «перспектива решающей победы не может не вызвать нового взрыва энтузиазма и нового трудового под'ема среди рабочих и крестьян — но она не может также не усилить злобы и ненависти наших классовых врагов». «В этих условиях обостренной классовой борьбы, — продолжает далее резолюция пленума, — требуется максимальная мобилизация сил рабочего класса, колхозников и всех трудящихся на преодоление трудностей, стоящих на пути социалистического строительства, на пути осуществления лозунга: «пятилетка в четыре года».

В этих условиях установки и в особенности темпы, принятые нами 10 месяцев назад, не могли не оказаться устаревшими. Мы должны ясно и четко себе представить, что нового внесли истекшие 10 месяцев в положение нашей страны, внутреннее и международное.

1. Что касается международного положения, *предвидения относительно возможности вооруженной интервенции со стороны империалистических держав, быстрого приближения решительной схватки между СССР и капиталистическим миром, нашли себе как нельзя быть более убедительное фактическое подтверждение.* Интервенция теперь, при свете разоблачений, данных процессами Промпартии и меньшевиков, стоит перед нами, как совершенно реальная угроза ближайшего времени. Раскрытие ряда шпионских организаций несомненно испортило подготовительную работу интервентов и затруднило им приступ к осуществлению их намерения. Но было бы величайшей наивностью думать, что они от этих намерений отказались. В связи с этим *«общественное мнение»* европейской буржуазии принимает по отношению к СССР все более и более одиозные формы — и даже группы и деятели, казавшиеся к нам очень близкими, *переходят постепенно на интервенционистские позиции* (Матьез). Это ставит перед нами в совершенно новом свете проблему отношений к западноевропейской исторической науке. Все меньше и меньше приходится рассчитывать на буржуазных «левых», все с большей энергией должны мы создавать и там наши коммунистические кадры. Со стороны буржуазной историографии с каждым днем перед нами вырастает все более и более сплоченный вражеский фронт. Все чаще и чаще нам нужно припоминать *слова Ленина*: «...беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука з а щ и щ а е т наемное рабство, а марксизм об'явил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в

---

[1] Приняты фракцией Совета Общества историков-марксистов 6 февраля 1931 г.

обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала». (Ленин, Соч., том XII, ч. 2. «Три источника и три составных части марксизма»).

2. Помимо того, новые задачи ставятся и вызванным всеобщим кризисом капиталистического мира крайним обострением классовой борьбы в Западной Европе. Местами (напр., в Германии) эта борьба принимает явно предреволюционные формы. В то время как буржуазия всем фронтом поворачивается против СССР, массы всем фронтом поворачиваются к нам; борьба с фашизмом, разоблачение социал-фашизма идут вперед гигантскими шагами, влияние коммунизма в массах увеличивается с каждым днем, и с каждым днем эти массы испытывают все более и более жгучую нужду в идеологическом руководстве, в том числе и по линии исторического освещения тех событий, которые разыгрываются перед их глазами, и в которых эти массы являются главным фактором.

В колониальных и полуколониальных странах мы являемся свидетелями величайших событий всемирно-исторического значения. Рабочие и крестьяне Китая под руководством Киткомпартии подняли знамя Советов и, закаляя в борьбе с Чан Кай-ши и мировым империализмом свою красную армию, установили советскую власть на территории многих провинций Китая. Революционное движение в Индии, разоблачая половинчатость и мнимую революционность национал-реформистов из руководства нац. конгресса, подымается на новую, более высокую ступень борьбы с английским империализмом. Знамя революционной борьбы подымается в Индо-Китае и на Ближнем Востоке, в Индонезии и в странах Латинской Америки, в странах Арабского Востока и на Филиппинах. Национально-освободительное движение угнетенных масс колоний и полуколоний становится на фоне общего кризиса мирового империализма одним из важнейших факторов расшатывания капиталистической стабилизации.

Это растущее с каждым днем движение в колониях и полуколониях требует твердого большевистского руководства и борьбы на два фронта с правым оппортунизмом и остатками троцкистской идеологии в вопросах колониальной революции на всех участках идеологического фронта, в том числе и историческом.

3. Внутри нашей страны завершение постройки фундамента социалистического хозяйства с каждым днем уничтожает всякие остатки надежд и чаяний на реставрацию капитализма или сохранение каких бы то ни было его пережитков. Это вызывает бешеную ярость всех слоев, связанных с этими пережитками. В частности, на идеологическом фронте буржуазные ученые, не мирящиеся с социализмом, которому они лицемерно клялись в верности еще вчера, смыкаются в определенные заговорщические группы, связанные с будущими интервентами и состоящие у них на жалованьи. С другой стороны, все виды партийных уклонов, правых и «левых» переплетаются между собой и сматываются в один клубок, об'единенный общей борьбой против генеральной линии партии. Необходимо вести непримиримую борьбу не только с самими уклонистами, но и со всякого рода примиренчеством к правому или «левому» уклону, памятуя, что оппортунизму вообще не свойственны четкие установки и что он всегда старается «проползти ужом» между двумя диаметрально противоположными мнениями.

О необходимости самой зоркой бдительности в этом отношении напоминают нам в особенности только что прошедшие дискуссии на философском, естественно-научном и литературоведческом фронтах. Они показывают нам, как быстро во-время неразоблаченные уклоны оппортунистов вырастают в целые системы меньшевиствующего идеализма или самой грубой механистики. Историки отнюдь не должны считать себя застрахованными от подобного рода опасности; их спасти может только самая решительная, самая беспощадная борьба за чистую ленинскую линию против всяких уклонов и примиренчества к ним.

4. Блестящая победа генеральной линии партии на XVI с'езде никоим образом не означает для историков, как и

для всех партийцев вообще, что наступило «мирное и спокойное время». На деле борьба стала еще более острой, и от нас требуется еще более напряженная бдительность. Но XVI с'езд, помимо этого, напомнил историкам и еще об одной задаче, неудовлетворительно ими до сего времени разрешавшейся. В связи с социалистической реконструкцией XVI с'езд во всей широте поставил перед партией национальный вопрос, указав на особенную опасность, которую в этот момент представляет уклон к великорусскому национальному шовинизму, отражающий «стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии» (т. Сталин). Под тем предлогом, что победа социализма означает, якобы, упразднение национальных отличий, уклоняющиеся к великодержавному шовинизму делают из социалистической реконструкции вывод об устарелости национальной политики нашей партии, о необходимости «подготовить ликвидацию национальных республик и областей», «подорвать принцип национального равноправия» и т. д., забывая слова Ленина, что «национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе».

На историков в связи с постановлениями XVI с'езда ложится не только обязанность всячески разоблачать великодержавный уклон, являющийся главной опасностью на данном этапе, и проявления национального шовинизма в исторической литературе. В этом отношении особенного внимания требуют, в пределах РСФСР, краеведческие учреждения, и особенно ответственная задача ложится на плечи только что созданных Обществом ячеек на местах. Перед нами стоит уже теперь вплотную совершенно положительная задача — создание истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов и помощь в создании самих этих научных исторических сил среди различных национальностей СССР. Наша работа по подготовке исторических кадров должна теперь главным образом стремиться к разрешению этой задачи. Тесная связь в этом деле с теми национальными республиками, которые уже имеют такие кадры (Белоруссия, Грузия, Украина), и дружная вместе с историками-марксистами этих народов борьба как против великорусского, так и против местного национального шовинизма, больше чем когда-либо является нашей обязанностью.

5. В области подготовки кадров вообще перед нами стоит громадная задача улучшения их социального состава. Мы можем уже теперь составить эти кадры сплошь из партийного молодняка, но процент рабочих в этих кадрах все еще недостаточен, а процент рабочих от станка — совсем ничтожен. На отделениях и ячейках Общества на предприятиях лежит забота отбора талантливой пролетарской молодежи путем создания для нее таких условий подготовки к аспирантуре, которые возможно дольше не отрывали бы эту молодежь от производства. Проблема качества при подборе научной смены должна стоять при этом на первом плане — но не следует забывать, что по некоторым важнейшим отделам, например, история партии, история Запада, история зарубежного Востока и т. д. и количество имеющихся кадров далеко не соответствует потребности.

6. Построение базы социалистического хозяйства в нашей стране сопровождается необыкновенным под'емом интереса рабочих масс к вопросам социализма, в том числе и в исторической области. Образчиком может служить то напряженное внимание, с которым рабочая аудитория выслушивала доклады о революции 1905 г., шесть лет назад, в дни 20-летнего юбилея, далеко такого интереса не вызывавшие. Это лишний раз напоминает историкам о другой, части забываемой ими обязанности — нести исторические знания в широкие массы, отнюдь не замыкаясь в рамки «ученых» заседаний и «ученых» журналов, посещающихся и читающихся лишь ограниченным кругом специалистов. Постановка широкого массового исторического журнала, издание для широких масс исторических документов и т. д. являются одной из самых настоятельных, не терпящих никакого отлагательства задач, стоящих перед нами.

Все эти конкретные задачи об'единяются одной основной задачей — обязанностью историков участвовать самым активным образом в построении социализма в нашей стране. «Но что значит построить социализм, если перевести эту формулу на конкретный классовый язык? Построить социализм в СССР — это значит преодолеть в ходе борьбы своими собственными силами нашу советскую буржуазию» (т. Сталин, Об оппозиции, с. 452). У этой буржуазии, в порядке ее борьбы с пролетариатом, имеется обширный идеологический фронт, смыкающийся с правыми и «левыми» уклонами среди членов партии. На своем участке мы должны одолеть этот фронт, разбить это сопротивление буржуазии и тем обеспечить ленинизму решительную и окончательную победу над всякими попытками его ревизии и извращения и над всеми остатками идеологии II Интернационала. Всякая наука есть партийная наука, догмат о беспартийности науки есть одно из вреднейших извращений марксизма, чреватое самыми печальными последствиями. «Маркс всю цену своей теории полагал в том, что «она по самому существу своему — теория критическая и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплоатацией. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории специалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качество ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе» (Ленин, 3-е приложение к III выпуску — «Что такое друзья народа»). История же как наука «сугубо-политическая» должна быть максимально политически заостренной и партийной в большей степени, чем все другие науки, она должна непримиримо бороться со всякими уклонами от ленинского понимания исторического процесса.

Само собой разумеется, что партийность науки обусловливает не только общие взгляды и выводы ученого — она обусловливает и выбор им тем (см. «Труды конференции историков-марксистов», т. I, с. 77). Просто «продолжать» буржуазную науку не должен и не может ни один марксист. Мы должны брать темы, наиболее тесно связанные с той борьбой, в которой мы являемся участниками — освещать то, что буржуазия намеренно оставляет в тени. Особенным предметом нашего внимания должна быть история последних десятилетий.

Непременным условием правильного разрешения этой задачи является возможно полное и точное установление ленинской концепции исторического процесса. До сих пор мы собрали только наиболее полные и яркие высказывания Ленина на этот счет — и то по отношению к истории одной нашей страны. Ленинское понимание Западной истории до сих пор систематически изучено не было. Между тем, писания Ленина насквозь проникнуты историзмом, к каждому вопросу он подходит с исторической точки зрения, и полное понимание ленинского исторического метода может быть лишь результатом анализа всех случаев применения Лениным этого метода. Систематическое и планомерное изучение ленинского наследства в этом направлении составляет не терпящую более ни малейшего отлагательства задачу всех историков-коммунистов и в первую очередь — нашего Общества.

Общество считает решительно ни на чем не основанными слышащиеся последнее время обвинения руководства Общества в зажиме самокритики. Общество категорически заявляет: 1) что

настоящая большевистская и товарищеская самокритика является его основным принципом со дня его основания; 2) что никогда не было и не может быть случая, чтобы кто-либо из членов Общества был из'ят из об'ектов такой самокритики; 3) что эта самокритика должна быть беспощадно ленинской и бить прежде всего тех, кто уклоняется от ленинской линии.

II

Переходя к практической работе Общества историков-марксистов и стоящим перед ним задачам, приходится констатировать, что эта практическая работа по своим темпам не отвечает еще тем требованиям, какие вытекают из общего положения нашей страны и задач марксистско-ленинской науки в период завершения фундамента социалистического хозяйства.

Первым условием этого периода являются подлинно-революционные темпы работы. Всякое ослабление темпов, всякая агитация против «слишком быстрых» темпов составляет в настоящую минуту прямую измену делу рабочего класса. Мы не можем знать заранее ни момента взрыва новой рабочей революции на Западе, ни тем менее момента, когда империалистическая буржуазия сочтет себя достаточно «готовой», чтобы на нас напасть, и единственное средство победить для нас заключается в том, чтобы быть самим готовыми как можно скорее. Ни одного месяца, ни одной декады, ни одного дня терять нельзя.

Общество историков-марксистов, к сожалению, потеряло за истекший год очень много декад и не один месяц, — о днях уже и говорить не приходится.

1. На наше Общество, как на организацию историков, преимущественно партийцев, ложится прежде всего, как одна из элементарнейших обязанностей — освещение перед массами тех знаменательных дат, которые вспоминает по тем или другим поводам рабочий класс нашей страны. Именно на нас, а не на общества старых большевиков или политкаторжан, ложится это как обязанность. За все свое существование Общество подготовило и провело как следует только один юбилей — столетие рождения Чернышевского в 1928 г. Пятидесятилетие «Народной Воли» проходит уже гораздо слабее. Разоблачение исторических ошибок т. Теодоровича составляет бесспорную заслугу Общества, но, пожав эти лавры, на этом Общество успокоилось и дальнейшей агитации в удачно взятом им направлении не развило.

Еще хуже случилось с 25-летним юбилеем 1905 г. Отчет Общества может здесь отметить только два доклада о вооруженном восстании: тт. Невского и Ярославского да одну брошюру по частному вопросу. Не отмечены — и правильно — две брошюры председателя Общества, потому что одна из них возникла по инициативе юбилейной комиссии, другая — по инициативе культпропа Красной Пресни. Юбилей в Москве прошел так, как если бы Общество и не существовало — и лишь благодаря тому, что Общество встрепенулось буквально в последний час, удалось послать 120 делегатов в провинцию. Это, примерно, четвертая часть того, что Общество могло и должно было сделать.

Тринадцатилетие Октября Обществом совсем никак не было отмечено, хотя в центре внимания партийно-научной общественности стоит, между прочим, как раз «теория двух революций» т. Крицмана, концепция чисто историческая, но ее критикой занимаются экономисты.

2. Все более и более вяло реагируя на важнейшие юбилейные даты, Общество обнаруживает не более энергии и в обслуживании дискуссий, которые велись в последнее время в Коммунистической академии. Еще с большим или меньшим правом Общество могло оправдать свой абсентеизм в дискуссии о естествознании, — хотя и тут в область его ведения входит этнология, а в ней, у буржуазных этнологов имеются весьма сомнительные «зоологические» моменты; в Тимирязевском институте есть антропологическое отделение, которым долгое время заведывал человек, ныне обнаруживший черты подлинного белогвардейца (Адлер). Неизвестно, поинтересовались ли когда-нибудь этнологи, входящие в состав нашего Общества, работой этого отделения Тимирязевского института.

Но как никак вопросы этого рода не могли стоять в центре внимания Общества, это ясно. Совсем другое приходится сказать о философской дискуссии. Не говоря уже о меньшевиствующем идеализме, который должен был вызвать реакцию со стороны членов Общества, как партийцев, никто может быть не страдал больше от формализма деборинской школы, чем именно мы, историки. Совершенно абстрактная постановка деборинцами таких понятий, как «общество», «класс», «производительные силы», «производственные отношения» и т. д. — постановка вне времени и пространства, приводила к тому, что получивших подготовку в семинарах деборинской школы начинающих историков приходилось годами переучивать, тратя бесчисленное количество времени на раз'яснение им того, что должно было бы быть в их головах ясно, как день, если бы они прошли хотя бы самый элементарный, но действительно марксистско-ленинский курс диалектического и исторического материализма. Иногда из-за этого чисто историческая подготовка явно страдала, — для нее уже не хватало времени. Вместо изучения исторических фактов на наших семинарах происходила «игра в дефиниции». А поскольку деборинская школа создавала идеологическую базу для «левого» уклона (Стэн, Карев), в разоблачении ее ошибок должен был принимать участие всякий партиец, независимо от его научной специальности.

Между тем участие Общества в этой дискуссии было крайне недостаточным. Мы имели, правда, вполне правильное выступление т. Горина от имени Общества на дискуссии в Комакадемии; но мы не поставили дискуссии о деборинцах у нас в Обществе под соответствующим углом зрения.

Столь же недостаточно было наше участие и в других дискуссиях (литературоведческой, востоковедной дискуссии в ИКП), хотя на этих дискуссиях и выступал целый ряд членов Общества. Особенно это относится к такой дискуссии, как дискуссия востоковедная, которая больше всего касалась нас, как историков, но в организации которой мы не принимали никакого участия. В этом отношении мы можем только отметить проведение нами дискуссии о Гурко-Кряжине, опубликованной в «Историке-марксисте», и активное участие членов Общества в дискуссии, организованной ИКП.

В связи с этим перед нами выдвигается весьма важная задача пересмотра методологических программ наших семинаров под углом зрения итогов и уроков философской дискуссии.

3. Одною из основных задач всякого научного Общества марксистов-ленинцев является обслуживание запросов и потребностей широких масс, в первую очередь пролетарских масс, в области своей специальности. В первой части резолюции было уже указано, какой интерес к истории проявляют эти массы именно теперь. Тем не менее вопрос об издании популярного массового исторического журнала, принципиально решенный два года (!) тому назад, оставался в этой принципиальной стадии до самых последних дней, и его первый номер выйдет лишь в марте.

Не лучше дело идет пока и с другой формой обслуживания пролетарских масс — образованием ячеек и отделений Общества на предприятиях. Пока ячейки и отделения возникают, главным образом, в вузах, среди студенчества, а не среди рабочих — на предприятиях же мы имеем лишь единичные случаи этого рода. Между тем ячейки на предприятиях являются основным средством для действительного орабочивания наших кадров, ибо только они могут дать нам выдвиженцев в аспиранты от станка. Необходимо усилить работу ячеек на предприятиях как по линии научно-пропагандистской, так и по линии подготовки кадров. Необходимо особенно усилить и развить опыт совместных заседаний секций с рабочими.

4. Другой формой обслуживания масс, давно поставленной себе Обществом как важнейшая задача, является контроль над программами и учебниками массововой школы и посильная помощь в составлении тех и других. И тут мы имеем дело с той же классической медлительностью. Критические статьи о программах рабфаков только еще «должны появиться». Между тем ряд статей о программах массовой школы, между про-

чим, и о программах истории, появился уже на страницах партийной печати, без всяких указаний, что к этой критике причастна наша методическая секция. О генеральной проверке всех программ, всех учебников, о составлении плана издания новой учебной литературы при участии секции не приходится и спрашивать.

Между тем перед методической секцией Общества стоит задача участия в перестройке учебно-методической и программной работы в школе в связи с новыми задачами поставленными перед нашей школой вступлением в социализм и завершением построения фундамента социалистической экономики в нашей стране (политехнизация школы, всеобуч и т. д.). Методическая секция должна теснее и глубже войти в учительские массы и взять на себя роль их помощника в работе. Вместе с тем необходимо особенно усилить внимание к программно-методической работе в вузах и комвузах, — работа, которой мы до сих пор почти не занимались.

5. Отнюдь не следует думать, что методическая секция по характеру своей работы является каким-либо печальным исключением. Об одной из самых лучших, секции промышленного капитализма, ее отчет говорит: «На заседаниях присутствуют по большей части те же люди, и притока новых сил не замечается. Большинство товарищей, оканчивающих в настоящее время вузы, примыкает скорее к работе секции по эпохе империализма или к секции по истории пролетариата СССР. Число присутствующих на заседаниях в лучшем случае достигает 30—40 человек; участие в прениях слабое».

Не имея, видимо, материала для заседаний, секция ставит у себя доклады на темы, не имеющие отношения к ее прямым задачам (т. Пионтковский: «Мелкобуржуазные влияния в исторической науке» и «Великорусская буржуазная историография в начале XX века»). В числе намеченных тем имеются столь животрепещущие, как «Французская буржуазия XVIII века в борьбе за левантский рынок» (!).

И это, повторяем, еще одна из лучших секций. В Секции зарубежного Востока «до сего времени не было ни одного доклада, хотя были назначены два доклада». В секции докапиталистических формаций — «до сего времени не удалось поставить специального доклада о феодализме, а доклады о доклассовом обществе и о рабовладельческом способе производства не могут быть признаны с методологической точки зрения удовлетворительными». Всего менее удовлетворительно то, что здесь, как и в соответствующей секции Института истории, основными работниками являются беспартийные. Вообще процент беспартийных среди работающих членов Общества неизмеримо выше, чем среди членов Общества вообще. Только на днях начали работу Секции по истории народов СССР и истории империализма.

В итоге мы должны признать, что работа Общества и всех его секций идет темпами, совершенно недопустимыми для настоящего периода социалистического строительства. Эта медленность имеет несколько причин — в числе их есть и та, что само Общество и планы его работы засорены людьми и темами, которым в боевом Обществе марксистов-ленинцев не место. Часть этих людей могла бы быть лучше использована на более специальной работе, например, по изданию документов, и т. д. В Обществе, преследующем агитационно-пропагандистские задачи, этим политически нейтральным силам в наши дни быть незачем. «Выжав воду», т. е. выбросив нейтральные темы, мы уже тем самым несколько ускорим темпы, — ибо каждая тема отнимает вечер.

6. Но таким «механистическим» способом мы, конечно, не разрешим проблемы не только окончательно, но и вообще сколько-нибудь широко. Суть дела не только в лишних людях и в лишних темах — суть дела в отсутствии таких людей, какие Обществу нужны. Всю работу несут на себе полторы-две дюжины людей, до крайней степени перегруженных, — подавляющее же большинство не только рядовых членов Общества, но и членов его Совета никакой нагрузки по Обществу не несут. Надо поставить совершенно твердо, что билет члена Общества историков-марксистов

не есть только входной билет на заседания — такие входные билеты мы даем гостям, а не членам. Член Общества обязан что-то делать для Общества, для бщей работы. И надо совершенно твердо поставить, что не может быть ни одного члена Совета Общества без нагрузки. Каждый член Совета есть функционер Общества — иначе ему незачем быть в Совете. С этой точки зрения должен быть пересмотрен состав Совета на ближайшем пленуме. Каждый кандидат в члены Совета должен об'яснить, какую именно работу он собирается нести — а те, кто откажется от всякой реальной работы, не должны быть переизбраны в Совет.

7. Если однако указанной реорганизации работы Общества и особенно его Совета может быть достаточно для преодоления того непозволительного отставания в темпах, которое мы до сих пор наблюдали, то этого еще совершенно недостаточно для того, чтобы исправить недочеты в содержании работы Общества.

Наши историки-марксисты до сих пор еще не усвоили себе той четкой классовой точки зрения на «современную науку», — т. е. на буржуазную науку, — какую представители этой последней давно усвоили себе по отношению к нам. Для буржуазного ученого марксистская история не есть наука. В лучшем случае он ее пытается полемически «разоблачить»; в подавляющем большинстве случаев он лишь берет ее на учет, как опасного противника его класса, буржуазии. Он весьма внимательно за нею следит — статьи в «Le Monde Slave» или в «Jahrbücher für Kultur u. Geschichte d. Slawen» показывают, с какой тщательностью буржуазные историки просматривают наши журналы и даже газеты, где только есть исторические статьи. Сказать, что они нас «игнорируют» было бы величайшей несправедливостью — они не так глупы. Но в то же время ни одному из них не придет в голову сокрушаться по поводу того, что он не изучил последних взглядов т. Н. М. Лукина на термидорианскую реакцию — эти взгляды, как научные взгляды, для буржуазного историка попросту не существуют. Все, что пишет марксист, для него интересно лишь как маневр политического противника.

Такой четкой классовой точки зрения по отношению к буржуазной науке у нас еще нет. У многих из нас еще крепко засела в заднем ящике черепа мысль, что есть какая-то историческая наука вообще, от которой нужно «не отстать», не в том смысле, что нужно за нею следить, брать ее на учет и разоблачать ее классовую сущность, а в том, что у этой науки нужно брать проблемы, нужно следовать ее тематике, переделывая только все это по-своему, по-марксистски.

Такой хвостизм по отношению к буржуазной науке должен быть раз навсегда изжит. У нас не только свой метод, но и своя тематика и свои проблемы. Вместо того, чтобы изучать до мельчайших подробностей Французскую революцию, поправляя Матьеза, давно пора приняться за детальное изучение Германской революции 1918—1923 гг., чего еще ни один историк-марксист нашей страны не делал (т. Радек делал это не как историк, а как публицист). Матьезом же нужно заниматься на предмет разоблачения его буржуазной сущности, которая могла быть вскрыта, конечно, ранее его последних заявлений, поставивших эту сущность вне всяких сомнений. Нам давно пора приняться за историю послевоенного германского рабочего движения, которое уже имеет свою историю, и весьма почтенную даже по размерам (почти сто лет назад Луи Блан писал «Histoire de dix ans», наши «dix ans» куда посодержательнее истории Луи Филиппа). Торговый договор России с Францией 1786 г. смело можно предоставить досугам б. академика Тарле и вспомнить, что мы до сих пор ничего не сделали для изучения истории Версальского договора, тогда как, не считая весьма неполных американских публикаций, наиболее полный и наиболее доступный материал по этому вопросу лежит именно в наших архивах. Нами должна быть поставлена история последних десятилетий Индии и Китая, которая находится в монопольном распоряжении двух-трех авторов, причем контролировать этих авторов мы лишены всякой возможности, так как никто из нас этими вопросами не занимался.

Если прибавить к этому историю народов СССР, о чем говорилось выше, историю Октябрьской революции и наших «десяти лет», то мы получим для Общества почти необозримое поле деятельности на совершенно новой, еще не вспаханной почве. Лишь перейдя на эту почву, Общество действительно станет тем вождем марксистского исторического движения не только в нашей стране, каким оно должно быть по своим заданиям. И лишь тогда оно привлечет новые и свежие силы, теперь часто идущие по другим направлениям. И это нужно сделать как можно скорее.

В этом отношении громадное значение приобретает необходимость теснейшей увязки работы Общества с работой как Института истории при Комакадемии, так, в особенности, с институтами Ленина и Маркса — Энгельса. Что касается второго, то до последнего времени он в лице своего старого руководства — Д. Б. Рязанова являлся ревностным хранителем исторической методологии II Интернационала, принципиально отрицавшим ленинское понимание истории. При этом продукция ИМЭ выпускалась в недопустимо медленном темпе, что в значительной степени об'ясняется тем, что к пользованию архивными богатствами института был допущен узкий круг работников. Ныне, когда связь Д. Б. Рязанова со II Интернационалом формально установлена, и Рязанов отстранен от заведывания ИМЭ, нужно ожидать, что ИМЭ, все более и более будет сближаться с Комакадемией и Институтом Ленина.

Центрархив в последнее время слабо удовлетворяет потребности научно-исследовательских организаций. Крайне необходимо увязать издательскую работу Центрархива с планами работ институтов, подчинив ее общественному контролю последних.

«Историк-марксист» несмотря на ряд достижений (освещение важнейших дискуссий, ряд статей руководящего характера и пр.) еще не превратился в боевой орган марксистско-ленинской теоретической мысли, быстро откликающийся на все злободневные вопросы исторической науки, и выходит нерегулярно.

Вся работа Общества должна быть проникнута одной мыслью и подчинена одной основной задаче — пропаганде ленинизма в истории и борьбе со всеми противниками его на историческом фронте. Эта пропаганда по самому существу не может быть отвлеченной и книжной, она должна быть теснейшим образом увязана с текущей работой партии и Коминтерна, которым нужны «грамотные историки», как выразился представитель Коминтерна на дискуссии по поводу истории Запада в ИКП. Нужны именно «грамотные» историки, т. е. владеющие техникой исторической науки и обладающие положительными знаниями в этой науке. Помочь нашей молодежи овладеть этой техникой и этими знаниями может и обязано наше Общество.

Организационные задачи Общества историков-марксистов

1. Реализация постановления I Всесоюзной конференции историков-марксистов о превращении Общества историков-марксистов во всесоюзное общество.

2. Созыв совещания Совета Общества с отделениями и включение в Совет представителей мест.

3. Созыв республиканских и краевых конференций историков-марксистов с постановкой докладов от Общества.

4. Подготовка ко Второй всесоюзной конференции историков-марксистов к концу 1931 г.

5. Установление систематической связи с зарубежными историками-марксистами.

6. Систематические выезды членов Совета на места для руководства и укрепления работы местных отделений. Установить порядок, согласно которому каждый член Совета систематически интересовался бы одним из отделений Общества.

7. Для повышения квалификации историков, работающих на местах, поручить Ин-ту истории организовать непрерывный 2-месячный семинарий повышенного типа по методологии истории.

8. Укрепление существующих и создание новых ячеек содействия Обществу при крупных фаб.-зав. предприятиях, научно-исследовательских и науч-

но-вспомогательных учреждениях. Созыв конференции ячеек содействия, находящихся в Москве, в конце академического года.

9. Организация широких дискуссий по актуальным историческим проблемам.

10. Организация совместных заседаний с ОВМД, Обществом аграрников-марксистов, Обществом государственников-марксистов и Институтом языка и литературы по ряду смежных актуальных вопросов.

11. Организация проверки исполнения всех отраслей работы Общества путем прикрепления членов Совета к работе секций. Ответственность за работу по отдельным отраслям: массовую, архивную, литературно-издательскую, музейную, энциклопедии возложить на членов Совета. Раз в три месяца заслушивать их отчеты на президиуме Совета.

12. Выработка единого согласованного плана работы Общества и всех его отделений и ячеек на местах.

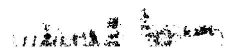
13. Тщательный пересмотр всего состава Общества под углом зрения, активного участия членов Общества в работе и их борьбы за марксистско-ленинские принципы в исторической науке.

14. Учесть количественный и качественный состав историков и централизовать план подготовки кадров историков-марксистов. Особенное внимание обратить на подготовку кадров для нацреспублик.

15. Проводить массовую научно-популярную работу на фабрично-заводских предприятиях и с пропагандистским активом путем организации цикла лекций и массовых докладов.

16. В работы секций внести методы социалистического соревнования между ними и считать необходимым создать ударные бригады для разработки наиболее актуальных проблем.

17. Усиление распространения массовых изданий Общества, в первую очередь журнала «Борьба классов».



ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ОТ 7 МАРТА 1931 г. о Д. Б. Рязанове

Д. Б. Рязанов, защищая меньшевистские взгляды на ленинизм, отрицая его особую роль как марксизма эпохи империализма, сознательно отрывая историчекое исследование от запросов партии и Коминтерна, приютил в стенах Института Маркса и Энгельса и его изданиях антипартийные и контрреволюционные элементы и взял на себя защиту наиболее враждебных коммунизму представителей буржуазной профессуры.

Обществу историков-марксистов в продолжение долгого времени приходилось преодолевать упорное сопротивление Д. Б. Рязанова в борьбе за ликвидацию исторического института РАНИОНа, в борьбе с реакционными поползновениями Академии Наук, в борьбе за распространение ленинских взглядов в исторической науке.

Ныне меньшевистская линия в работе Д. Б. Рязанова нашла свое завершение в прямой поддержке меньшевиков-интервентов и измене партии, за что постановлением ЦКК ВКП(б) он исключен из рядов партии как предатель и изменник.

Постановляя исключить Д. Б. Рязанова из числа членов Общества и членов Совета, президиум Общества историков-марксистов призывает всех марксистов-ленинцев, в ответ на предательство Рязанова, удесятерить свои усилия для борьбы с традициями II Интернационала, для борьбы за превращение истории пролетариата и марксизма в подлинно-партийную науку, служащую задачам партии и Коминтерна, за полное торжество ленинизма в нашей науке.

Д. Кин

О ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, БУРЖУАЗНЫХ РЕСТАВРАТОРАХ И МЕЛКОБУРЖУАЗНОМ ЛИКВИДАТОРСТВЕ

Политическая программа буржуазных реставраторов

В первоначальный период нэпа, когда советская власть совершала отступление с целью перегруппировки сил и подготовки нового наступления против капитализма, часть буржуазных идеологов и специалистов «сменила вехи», «приспособилась» к советской власти, надеясь на ее эволюционное перерождение на путях нэпа. Другая часть буржуазной интеллигенции и «бывших людей», продолжавшая мечтать о вооруженном свержении советской власти, на время притаилась и предоставила слово устряловщине.

«Белогвардейщина передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкараууливает, имея опору и поддержку западноевропейского капитала...» «Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира...» «Надо ясно знать своего врага. Его не так видно, когда он перешел за границу, но посмотрите — он передвинулся не очень далеко, самое большое на несколько тысяч верст, а передвинувшись на это расстояние, притаился. Он цел, он жив, он ждет» [1], говорил Ленин 27 марта 1921 г. на Всероссийском съезде транспортных рабочих. А ровно через год — 27 марта 1922 г. — на XI съезде партии Ленин говорил: «Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил» для «упорнейшего наступления вперед». И тогда же он предупреждал партию: «Что будет завтра, это мы еще посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг» [2].

Ленин призывал прислушиваться к голосу Устрялова, говорившего: «Я за поддержку советской власти в России, хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию, я за поддержку советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти». «Враг, — предостерегал Ленин по поводу устряловского «прогноза», — говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит» [3]. Устряловские надежды разделяли многие представители буржуазной интеллигенции. На недавнем процессе «Промпартии» вредитель Ларичев в своих показаниях на Верховном суде говорил:

«Когда начался период нэпа, то это послужило толчком к возрождению среди этих кругов надежды на осуществление опять-таки своего идеала — демократической республики, но уже не путем открытого сопротивления, а путем возможного, как в данном случае надеялись, перерождения советской власти. Причем побудительным поводом к этому было то толкование, которое инженеры дали объявленному в то время нэпу. Ясное дело, что толкование это было именно в том направлении, что советская власть идет на сдачу первоначальных, установленных при совершении Октябрьского переворота позиций, что допущение в некоторых областях частной собственности, — в частности в торговом обороте, мелкой промышленности,— влечет за собой вообще возможность восстановления в широких размерах частной промышленности и кроме того дает возможность говорить о сохранении привычных форм — форм капита-

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 165, 167.

[2] Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 39.

[3] Там же.

листического ведения хозяйства частной промышленности».

Буржуазные реставраторы надеялись на «углубление» нэпа и перерождение советской власти. Их надежды были жестоко разбиты жизнью.

Буржуазные идеологи в первоначальный период нэпа почти открыто заявляли о своих классовых чаяниях. Политическую программу буржуазной реставрации в 1921 г. в «Вестнике сельского хозяйства» вполне откровенно сформулировал пресловутый проф. Б. Д. Бруцкус: «Я остаюсь при убеждении, что идея правового и демократического государства, как творческая идея, не исчерпана».

Реконструктивный период социалистического строительства, наступление социализма против капитализма по всему фронту, ликвидация кулачества как класса в процессе сплошной коллективизации вызвали отчаянное, бешеное сопротивление уходящих классов. Буржуазно-помещичьи группы объединились вокруг «Промпартии», буржуазно-кулацкие элементы вокруг Трудовой крестьянской партии, и мелкобуржуазные городские и отчасти среднего калибра нэпманские элементы объединялись вокруг меньшевистской группы. Разумеется, грани между этими группами в социальном отношении представляются чрезвычайно подвижными, условными. Но все они единым фронтом в тесном союзе и в тесной зависимости от западно-европейского империализма подготовляли свержение диктатуры пролетариата и реставрацию капитализма.

Третьей силе весьма энергично объективно помогали уклонисты и оппозиционеры в ВКП. Вот почему борьба на два фронта и с примиренчеством, борьба против правого уклона как главной опасности на данном этапе является необходимой составной частью борьбы против третьей силы.

«Теоретическое» обоснование и экономическая программа буржуазных реставраторов

Эволюционировавший от эсерства к кадетизму проф. Н. Д. Кондратьев, пользуясь щелью некоторой легальности, открывшейся на недолгий период в начале нэпа, звал прочь от планового советского хозяйства к «здоровому» буржуазно-капиталистическому хозяйству. В докладе III Всероссийскому агрономическому съезду под заглавием «Изменения мирового и русского сельского хозяйства за время и после войны и основные задачи нашей сельскохозяйственной политики» в 1922 г. Н. Д. Кондратьев, проповедуя чисто струвианскую идею свободы развития производительных сил сельского хозяйства, требовал правовых гарантий свободы крестьянского хозяйствования.

«Мало предоставить хозяину свободу деятельности, — писал Н. Д. Кондратьев, — необходимо создать твердую и ясную правовую гарантию его сельскохозяйственной инициативы. Пока не будет в стране твердых правовых гарантий и гарантий самих этих гарантий, в виде процессуального права, до тех пор у хозяина не будет достаточной почвы для инициативной напряженной хозяйственной деятельности» [4].

Наряду с этим Кондратьев требовал там же подчинения нашего хозяйства мировому капиталу, требуя широких правовых «гарантий» для концессионного капитала: «Основным препятствием для импорта капитала, даже в наиболее тяжелых формах концессий, являются наши правовые условия. В этом важном для нас вопросе импорта капитала необходимо достигнуть наибольшей ясности и решительности».

Кондратьев ратовал за развитие национального русского капитала, раз мы «приветствуем вхождение иностранного».

Чрезвычайно характерным для «теоретических» исследований проблем советского хозяйства буржуазными и мелкобуржуазными сторонниками реставрации является игнорирование ими роли диктатуры пролетариата, отрицание специфических закономерностей переходного периода.

В книге «Рынок и его регулирование во время войны и революции», выпущенной советским издательством

---

[4] «Вестник сельского хозяйства» № 6—7, М. 1922, с. 19.

«Новая деревня» в 1922 г., Кондратьев писал:

«Идея замены стихийных факторов хозяйственной жизни рациональными неизмеримо труднее при ее осуществлении, чем при ее теоретическом и идеологическом конструировании. Мы видели, что мероприятия регулирования иногда не приводят ни к каким положительным результатам, иногда приводят не к тем результатам, которые ожидались; и эти неожиданные результаты (как например монополия хлебной торговли вместо монополии хлеба) отнюдь не могут быть рассматриваемы как показатели успеха регулирования. Прямых показателей положительного воздействия регулирования мы имеем очень немного» (с. 201).

К идее примата стихийности над плановостью Кондратьев возвращается неоднократно и в последующие годы.

В «Критических заметках о плане развития народного хозяйства» в 1927 г.[5] Н. Д. Кондратьев повторяет старые идеи о невозможности или об очень относительной и ограниченной возможности при диктатуре пролетариата сознательного планового регулирования хозяйства: «Наши усилия и мероприятия для реализации заданий могут сделать многое. Но все же они не всесильны. Они будут развиваться в конкретной обстановке будущего, в которой огромное значение имеют чисто стихийные процессы».

Разумеется, с отрицанием роли диктатуры пролетариата было связано у буржуазных экономистов отрицание роли пролетариата как класса-гегемона, способного к руководству трудящимся крестьянством.

Другой член «Трудовой крестьянской партии», Дояренко, писал в 1921 г. в «Вестнике сельского хозяйства» № 1:

«Крестьянское хозяйство, руководимое хозяином с его волей, с его понятием о нуждах и технике хозяйства, почти недоступно внешнему воздействию, помимо воли хозяина, и во всяком случае такое воздействие не ведет хозяйство по пути устойчивого прогресса. Этим крестьянин резко отличается от своего собрата — рабочего, который в процессе производства играет пассивную роль орудия, руководимого и управляемого чужой волей и чужим разумом» (разрядка моя — Д. К.).

Подобно Кондратьеву и Юровский игнорирует особенности экономического развития при диктатуре пролетариата, не проводя почти никакого различия между развитием советского и капиталистического хозяйства; он считает, что наше хозяйство проходит те же фазы подъемов и кризисов, что и хозяйство капиталистическое лишь, в несколько модифицированном виде.

«Советский Союз переживает в настоящее время, — писал в 1926 г. Л. Юровский, — фазу хозяйственной конъюнктуры, не представляющую собой ничего необычного для современного хозяйства, фазу вполне типичную и для других стран, но только глубоко модифицированную особенностями советской экономической системы... Мы имеем товарное и притом денежное хозяйство, и элементы планового регулирования тесно переплетаются в нашей экономической системе с элементами стихийного выявления действия хозяйственных сил. Притом, если наша система ставит себе целью подчинять хозяйственную стихию хозяйственному плану, то это не исключает того, что нередко и хозяйственный план строится под влиянием хозяйственной стихии»[6].

Особенности советской экономики по сравнению с буржуазной Юровский расценивает очень невысоко. «Преимущество (советского хозяйства — Д. К.) заключается в том, что мы в состоянии дольше сдерживать напор тех сил, которые стремятся разрушить систему хозяйственного равновесия. Но мы не в состоянии игнорировать (?!) действие этих сил»[7].

Теоретическим позициям буржуазных реставраторов соответствовала и определенная программа экономической политики, сводившаяся к тому, чтобы свер-

[5] «Плановое хозяйство» № 4, с. 3.

[6] Л. Ю. Юровский. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики, М. 1926, с. 22.

[7] Там же, с. 47.

нуть Октябрьскую революцию на буржуазные рельсы.

Кондратьев и К° пропагандировали реставрацию частной собственности на землю, срыв национализации земли под видом уплаты компенсации за капитал, вкладываемый в почву землепользователями. Они требовали и поощрения налоговых льгот кулацким хозяйствам, предлагая положить в основу сельхозналога обложение земли.

В 1927 г. в начальную эпоху реконструктивного периода Н. Д. Кондратьев выступил с тезисами о «задачах в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией». Кондратьев проповедывал ограничение темпа промышленного строительства, настаивал на энергичном развертывании легкой промышленности и нащупывал пути к срыву монополии внешней торговли; он предлагал легализовать кулака, выступал против ставки на бедноту в деревне, призывал к отказу «от протекционизма и филантропии в отношении немощных хозяйств и бесхозяйственных форм кооперации». Кондратьев выступал против «крайностей» индустриализации, поддерживаемый в этом вопросе сочувствующими ему правыми оппортунистами вроде тт. Теодоровича и Смирнова. Тов. Теодорович в «Большевике» №1(17) за 1925 г. утверждал, что «Кондратьев совершенно следует линии Ленина», что «все заподозривания по адресу Кондратьева были просто ребячьими придирками».

Прикрываясь маской чистой науки и ученого жречества, Н. Д. Кондратьев протаскивал в наши журналы премудрость государственных мужей Антанты (по выражению одного из критиков Н. Д. Кондратьева — т. Осинского), готовясь перейти на прямую службу к государственным мужам Антанты.

Буржуазные экономисты развивали идею потухающей кривой развития советского хозяйства и у порога реконструктивного периода заявляли, что с этого момента возможность такого же быстрого развития хозяйства, как в восстановительный период, исключена.

«Исчерпав тот фонд оборудования, который был унаследован от дореволюционной эпохи, и вынужденное строить свои предприятия заново, хозяйство Советского Союза будет нуждаться в крупных основных капиталах и не сможет поэтому расти в том чрезвычайном темпе, в каком до настоящего года совершался так называемый «восстановительный процесс» [8].

Юровский, подобно Кондратьеву, выступал против программы индустриализации страны и против монополии внешней торговли, угрожая ростом товарного голода и размычки с крестьянством. «Предложение заключается в преодолении товарного голода дальнейшим форсированием производства вплоть до того момента, когда расширенная промышленность даст рынку все необходимое ему количество товаров... Недостатком этого предложения является его полная неосуществимость... Форсирование развертывания хозяйства при наличии такого недостатка ведет не к сокращению, а к усилению бестоварья... Это видение (о возможности ликвидации товарного голода — Д. К.) носит характер только миража [9]...».

Ставя вопрос о ресурсах дальнейшего расширения кредитования, Л. Юровский приходит к тому, что эти средства можно найти лишь в крестьянском хозяйстве. Но на передачу этих средств государству крестьянство не пойдет, поэтому «все пересмотренные хозяйственные планы должны быть ориентированы в сторону восстановления соответствия между реальными ресурсами страны и намеченными программами». Роль теорий буржуазных экономистов-реставраторов, как идейных истоков взглядов и платформы правых, достаточно ясна.

Слепков на переломе от восстановительного к реконструктивному периоду, в 1925 году говорил о «расширении нэпа», повторяя меньшевистские зады о неонэпе и идеи буржуазных реставраторов об углублении нэпа. Борясь против троцкизма как главной опасности в восстановительный период, партия в лице т. Сталина в то же время отбросила

---

[8] Л. Юровский, Наше хозяйственное положение, с. 50.

[9] Там же, (разрядка моя — Д. К.).

прочь эти правооппортунистические установки попутчиков в борьбе с троцкизмом. В основе экономических взглядов Кондратьева, как и Юровского, лежала и лежит насквозь буржуазная теория равновесия, защищавшаяся профессором от вредительства в течение многих лет.

И в методологическом отношении смычка теоретических воззрений кондратьевщины со взглядами правых по линии теории равновесия и организованного капитализма, раскритикованных Лениным и Сталиным, несомненна.

Октябрьская революция и сухановщина

Одной из наиболее характерных фигур переходной идеологии от мелкобуржуазных ликвидаторов внутри партии к буржуазным реставраторам вне партии является Суханов. Сухановщина — вот квинтэссенция всей премудрости троцкистов, полутроцкистов и правых оппортунистов. Сухановщина — это та идейная платформа, которая ведет направо к откровенным буржуазным реставраторарам и «налево» к оппозициям ВКП.

На тринадцатом году пролетарской революции Суханов повторяет старые зады о сущности нашей революции. Прошедшие годы революции его мало чему научили. Для меньшевиков типа Суханова и Громана Октябрь являетя буржуазной революцией, и их цель — борьба за буржуазно-демократическую реставрацию, как бы она ни вуалировалась. Классическое определение сухановщины дал Ленин в заметке «О нашей революции». Он определил сухановщину как «учебник по Каутскому», как чуть-чуть подкрашенный реформизм героев II Интернационала. А известно, что в наше время «учебник по Каутскому»—это социал-фашистский учебник контрреволюции. «В своем поведении, — писал Ленин о мелкобуржуазных демократах типа Суханова, — они **обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством»** [10].

В статье «О чистке партии» в 1921 г. Ленин настойчиво предостерегал партию в отношении меньшевиков. «Меньшевики как течение доказали за период 1918—1921 гг. два своих свойства: первое — искусно приспособляться, «примазываться» к господствующему среди рабочих течению; второе — еще искуснее служить верой и правдой белогвардейщине, служить ей на деле, отрекаясь от нее на словах» [11]. Эта священная ненависть Ленина к меньшевикам целиком оправдывается и последними годами. Меньшевизм дал себя почувствовать и в теории, и в практике нашего строительства, рубинщина, рязановщина, меньшевиствующий идеализм в философии, вредительство в плановых экономических органах, — таковы разнообразные проявления и отражения меньшевизма в нынешних условиях.

Застывшие на учебнике по Каутскому, не понявшие своеобразия форм и порядка исторического развития России, «наши реформисты, мелкие буржуа, корчащие из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не прейдеши) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту норму до крайности шаблонно и узко» [12]. Более меткую характеристику сухановщины трудно дать. Трусливый реформист Суханов, «боящийся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней... в то же время прикрывает свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством». Суханов называет себя революционным марксистом и сторонником III Интернационала [13]. Но он не ушел от тех взглядов, которые исповедывал в 1917 г., будучи новожизненцем и «левым» интернационалистом.

«Сойдутся ли все социалистические группы в решении проблемы власти, или, быть может, разгулявшаяся стихия

---

[10] Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 109 (разрядка моя — Д. К.).

[11] Там же, т. XXVII, изд. 2-е, с. 13.

[12] Там же, т. XVIII, ч. 2, с. 110.

[13] На недавно закончившемся процессе «Союзного бюро» РСДРП Суханов снял эту маску (настоящая статья была написана до процесса).
Д. К.

будет использована некоторыми из них для безумно ребяческих попыток установления диктатуры пролетариата и немедленной дележки неубитого зверя»[14], с этой мыслью, как с писаной торбой, Суханов носился всю революцию 1917 г. С идеей социалистической коалиции он не расстался до конца. Как в 1917 г., так и теперь, Суханов исходил из того, что в нашей стране нет объективных предпосылок для построения социализма и что спасения нужно искать в демократии.

Наиболее выпукло изложил меньшевистскую концепцию Октября Рожков. Ближайшими причинами революции Рожков считает объективную необходимость создания «самостоятельного культурного хозяйства». По Рожкову в революции вопрос шел о том, кто и какими методами это хозяйство создаст. Этот путь, вследствие слабости и хищничества буржуазии, указал пролетариат, а в пролетариате — отсталые неквалифицированные его прослойки, «не проводившие резкой грани между программой-минимум и программой-максимум, и игнорировавшие вопрос об экономической незрелости России для социалистического переворота».

Как характеризует Рожков Октябрьский переворот?

«Началась диктатура пролетариата в союзе с крестьянством в надежде в будущем положить основу общеевропейской социалистической революции», пишет он[15]. Рожков изображает Октябрь, как чисто национальную и в известном смысле общенациональную революцию. Интернационального значения революции он не понимает. Октябрь для него — предельная буржуазно-демократическая революция, которая во имя завершения и закрепления демократических задач должна была выйти из рамки демократической революции к социалистическим мероприятиям. «Октябрьская революция была более решительной победой над царизмом, чем революция Февральская»[16]. «Чтобы окончательно уничтожить царизм, необходимо было величайшее одушевление трудящихся масс, их энтузиазм, а это одушевление, этот энтузиазм были бы недостижимы без передачи земли крестьянам и фабрик рабочим. В этом, независимо от идеологических предпосылок Октябрьской революции, была объективная национальная причина необходимости национализации земли, фабрик, заводов и банков»[17]. В гражданской войне со стороны советской власти Рожков подчеркивает почти исключительно лишь антикрепостнические тенденции (конечно крепостнические черты контрреволюции играли в гражданской войне большую роль), а **не основные** черты — антикапиталистические, антиимпериалистические, антиинтервенционистские. Новую экономическую политику Рожков характеризует как «государственный капитализм с некоторой примесью капитализма частного» в результате уступки крестьянству и городской демократии. Рожков выступает как прямой сторонник насаждения государственного капитализма в форме концессий и считает, что производство средств производства должно быть в основном и главном передано концессионерам (где уж власти отсталых рабочих строить социалистическую тяжелую и в том числе машиностроительную индустрию!). «Может быть ни в какой отрасли производства нельзя найти более уместного поля для концессионной деятельности частного капитала, как именно здесь». Можно не бояться передачи концессионерам тяжелой промышленности: «Концессионное право обеспечивает интересы социалистической государственности»[18].

В вопросе о развитии сельского хозяйства Рожков выступает целиком против ленинского кооперативного плана. Кооперирование по Рожкову — лишь путь очень медленного подъема «маломощных середняцких и бедняцких крестьянских хозяйств». Кооперирование —

---

[14] Н. Суханов, Записки о революции, изд. 3-е, Гржебина, П. 1919, с. 21 (разрядка моя — Д. К.

[15] Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. XII, с. 299.

[16] Там же, с. 304.

[17] Там же, с. 304.

[18] Там же, с. 320, 321.

лишь «подсобное и подготовительное средство не более»[19]. Можно уже на основании этого представить себе, что говорит Рожков о коллективизации! Рожков предлагает широкую концессионную и арендную политику в области сельского хозяйства. В этом он видит спасение для советской власти. «И зажиточные, и середняцкие, и бедняцкие элементы деревни получат удовлетворение своих интересов и все явятся несокрушимой опорой советской власти, которая таким образом сможет безусловно смело смотреть вперед и без всякого беспокойства и нервности ждать неизбежных глубоких перемен в мировом хозяйстве и обществе»[20]. Разумеется, эта «мирная» меньшевистская утопия увенчивается идеей врастания капиталистического свинства в социализм.

Эту оценку Октябрьской революции, как буржуазной по существу, разделяет и богдановец Базаров. В предисловии к сборнику «На пути к социализму», вышедшем в 1919 г., Базаров заявляет: «Вывод .., вполне на мой взгляд подтверждаемый событиями последних двух лет, состоит в том, что — за отсутствием культурных предпосылок — о свободном «товарищеском» социализме в ближайшем будущем не может быть и речи; революционная задача времени, даже для самых передовых стран, объективно ограничена заменой бесконтрольно-анархического капитализма капитализмом подконтрольным, более планомерным и государственно-упорядоченным». Выставляя это положение, жестоко осмеянное Лениным в заметках по поводу «Записок о революции» Суханова, Базаров становится вместе с тем на путь апологии великодержавного шовинизма и империализма; Базаров говорит о «прогрессивной объединительной тенденции в мировом масштабе» наступательного империализма. Само собой, это был лишь необходимый мостик к той роли агента международного империализма и интервенции, какую объективно играли Суханов, Базаров и Громан. У «советского» Базарова отрицательное отношение к диктатуре пролетариата проявилось в своеобразной форме нигилизма игнорирования диктатуры пролетариата.

Базаров, сравнивая советское хозяйство с капиталистическим и характеризуя положение класса-диктатора, говорит о «существенно новом (?!) положении рабочей силы в производственном процессе». П. Маслов еще более резко, чем Базаров, отрицает роль и значение специфических закономерностей советского хозяйства на манер Кондратьева и Юровского.

«Национализация крупных промышленных и торговых предприятий — земель, банков и т. д., — говорит П. Маслов, — в Союзе советских республик привела к образованию, наряду с частным товарным хозяйством общественного товарного хозяйства. Хотя общественное товарное хозяйство ставит иные задачи, чем индивидуальное частное, хотя в связи с этим и метод хозяйствования в общественном хозяйстве иной, тем не менее общественное, как и частное хозяйство, подчиняется общей закономерности хозяйственных явлений и должно руководствоваться некоторыми общими экономическими законами»[21].

Меньшевистская группа, охаивая советский строй в замаскированной, а иногда и в более открытой форме, занималась апологией капитализма. Взять к примеру такую завуалированную формулировку, преподносимую Базаровым.

«Те новые общественные отношения, которые установились после Октября 1917 г., — пишет В. Базаров в 1919 году, — радикально изменяли экономическое (?) положение рабочей силы как в городе, так и в деревне, и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым». Не говоря уже о буржуазной теории равновесия, с точки зрения которой рассматривает экономические отношения СССР Базаров (здесь он не одинок и далеко не оригинален), отметим, что Базаров весь вопрос сводит к двусмысленной формулировке о невозможности восстановить довоенный не дооктябрьский) тип хозяйствен-

[19] Там же, с. 324.

[20] А. Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. XII,

[21] П. Маслов, Народнохозяйственная эффективность и трудоемкость капитальных затрат, «Вестник финансов» № 10, 1927, с. 59.

ных отношений. В цитированных словах нельзя не констатировать прикрытое повторение старой идеи Базарова о том, что к довоенному капитализму возврата нет, а путь лежит к планомерному, государственно-упорядоченному капитализму, т. е. попросту к государственному капитализму.

Если Базаров, как мы видели, недооценивает диктатуру пролетариата, то Суханов советскую власть характеризует, как систему политического господства двух классов—пролетариата и крестьянства. Сравнивая основные принципы буржуазной экономики с принципами советской экономики, Суханов писал в сборнике, изданном в 1927 г. Коммунистической академией:

«Задачи советского государства состоят в том, чтобы самому строить экономику — в интересах новых господствующих классов»[22].

В свете этого высказывания со всей ясностью обнаруживается классовая сущность сухановско-бухаринской теории врастания в социализм.

«В области теории социалистического движения, — писал там же Суханов, — при господстве капитализма идея врастания социализма в буржуазный строй была проявлением самого скверного вида реформизма, оппортунизма, ренегатства, и она же по сю сторону революции стала лозунгом социалистического строительства. Во всех этих вывертываниях наизнанку общественных явлений смелость и ясность мысли сделали свое дело»[23].

Защита кулака, отрицание возможности строительства социализма прячутся у Суханова под завесой теории врастания в социализм.

На дискуссии в Аграрном институте Комакадемии в 1929 г. по вопросу о «Достижениях и трудностях колхозного строительства» Суханов говорил, совершив известный «сдвиг» от теории кооперативного врастания кулака в социализм к идее классовой диференциации внутри колхозов:

«Доклад озаглавлен «Достижения и трудности колхозного строительства». Я не скажу, чтобы он развернул перед нами картину, подобную той, какую нарисовал некогда Плеханов (Плеханов писал о мертворожденных дореволюционных земледельческих артелях, сравнивая их описание с прогулкой по кладбищу — Д. К.). Но, во всяком случае он развернул картину не особенно утешительную. Мы видим в колхозах развитие социальных противоречий». И далее: «Вне машин, механически организующих производство, решительно нет никаких оснований ожидать, чтобы колхозное движение стало на твердую почву»[24].

На путь замазывания роли кулака, на путь развенчивания идеи социалистического переустройства деревни стал и Базаров. Рассматривая известную ленинскую постановку вопроса об укладах в нашем хозяйстве, Базаров совершает ловкий кунстштюк — он почти целиком игнорирует простое товарное производство, т. е. в основном середняка, и говорит лишь о кулаке-ростовщике, затушевывая ту роль, какую кулак играл в производстве.

В. А. Базаров в статье «Принципы построения перспективного плана»[25] писал в 1928 г.:

«В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной». Это отрицание возможности социалистического переустройства деревни Базаров обосновывает чисто меньшевистско-троцкистской теорией о том, что пролетариат свернет себе шею на крестьянстве:

«Патриархально-натуральный уклад — это крепость, о стены которой бессиль-

---

[22] «Основные начала землепользования и землеустройства». Сб. статей, докладов и материалов, изд. Комакадемии, М. 1927, с. 92 (разрядка моя — Д. К.).

[23] Там же, с. 89.

[24] «Достижения и трудности колхозного строительства». Дискуссия в Аграрном институте, М. 1929, с. 83—85.

[25] «Плановое хозяйство» № 2, 1928, с. 42.

но разбиваются волны культурного прибоя, в недрах которой крестьянин, как улитка в своей раковине, почти недоступен влиянию окружающей среды и во всяком случае, находится вне пределов досягаемости для государственной плановой политики»[26].

За Сухановым и Громаном поспешали и поспешают правые и полутроцкисты. Каким бы флером, какими бы выкрутасами ни прикрывали «герои оговорочки» свои теоретические построения, оппортунисты всех разновидностей приходят к отрицанию возможности построения социализма в нашей стране, взгляду, основанному на непонимании истинного характера взаимоотношения пролетариата и крестьянства в пролетарской революции, непонимании того, что диктатура пролетариата есть союз рабочего класса и крестьянства под руководством пролетариата, ведущего курс на уничтожение классов в нашей стране. Троцкисты и правая оппозиция скатываются к социал-фашистскому, буржуазно-реставраторскому пониманию характера нашей революции.

Правые, троцкисты и полутроцкисты на деле примыкали к такому пониманию характера нашей революции, который роднил их со взглядами буржуазных реставраторов. Объективно правые сыграли и играют роль политической агентуры классовых врагов в партии. Правые субъективно далеки от политической программы буржуазных и мелкобуржуазных реставраторов, но, по существу, своей программой они тянули и тянут страну на путь капиталистической реставрации.

Неслучайно поэтому и представители «Промпартии», и кондратьевцы, и меньшевики вроде Суханова и Громана различными путями, но все без исключения, приходили к идее создания власти совместно с правыми. Более тонкую и прикрытую форму создания власти на основе коалиции реставраторских элементов с правыми дает Суханов.

На словах Суханов заявляет себя противником буржуазной демократии и сторонником Октябрьской революции, он не мыслит блока с другими социалистами иначе, как на условиях «признания» завоеваний Октябрьской революции и советской власти. Но Суханов стоит за «реформирование» советской власти, за «расширение советской демократии» и привлечение к власти сухановцев и кондратьевцев, он за сотрудничество сухановцев с правыми коммунистами, благо, в лице последних Суханов чувствует почти своих людей. О победе правых коммунистов уже много лет назад мечтал Чаянов.

Автор буржуазно-кулацкой утопии Кремнев-Чаянов в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» так рисовал в 1920 г. будущее России в Европе, вернувшейся от социализма к капитализму. В его контрреволюционной утопии борьба двух фракций коммунистов приводит к победе правых. «Правые коммунисты остались победителями ценою установления коалиционного правительства и видоизменения конституции, уравнением силы воты крестьян и горожан... Крестьянское большинство постоянно прибывает во ВЦИК и съездах, и режим путем медленной эволюции становится все более и более крестьянским», пока наконец после восстания не устанавливается чисто классовый крестьянский совнарком.

Таким образом, Суханов, Чаянов и иже с ними проповедывали определенную политическую программу, которую разделяют и буржуазные реставраторы: через коалицию с правыми коммунистами, через победу правых к политическому господству буржуазии.

Идея широкой коалиции от «Промпартии» до правых, как мечтали кадетские группировки вредителей, или коалиции «социалистов», «признающих завоевания Октября», с правыми коммунистами, как мечтал Суханов, тесно смыкалась с прошлыми взглядами правых, не потерявшими своего значения и для настоящего.

Октябрьская революция в оценке правых

Начнем с характеристики исторических взглядов правых на нашу революцию.

---

[26] «Принципы построения перспективного плана». «Плановое хозяйство» № 2, с. 44.

Экскурс в область истории — очень полезное дело, ибо, по известному выражению М. Н. Покровского, «история есть политика, обращенная в прошлое». «Буржуазная революция не кончилась,— говорил т. Рыков на Всероссийской апрельской партконференции 1917 г., — поскольку она не кончилась, постольку революционная демократия должна вступать в блок. Путь блока был достаточно запачкан, но я думаю, что в том размахе революции, как теперь, мы обязаны работать».

Из чего исходили при этом правые? Тов. Рыков ответил тогда же на апрельской конференции на этот вопрос:

«Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого»[27].

Правые большевики в революции 1917 года застряли на превратно оппортунистически понятом лозунге революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, они защищали лозунг союза пролетариата с мелкой буржуазией, с крестьянством в целом, они не понимали того, что в революции 1917 года нельзя было итти вперед, не идя к социализму а итти к социализму значило перейти от союза со всем крестьянством, от демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в своеобразной форме уже осуществившейся в февральско-мартовской революции, правда в форме двоевластия советов и Временного правительства, — к революции пролетарской, к опоре на беднейшее крестьянство при нейтрализации середняка и борьбе против кулака.

Каменев, как и все правые, считал, что революция должна еще пережить особый период революционно-демократической диктатуры, которую они толковали совершенно в духе буржуазной демократии, цепляясь за блок с мелкобуржуазной соглашательской демократией.

В Октябре правые, не поняв социалистического характера Октябрьской революции, требовали однородного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков. С ленинизмом такая постановка вопроса не только ничего общего не имела, но была глубоко враждебна ему.

Партия в качестве переходного этапа к единовластию большевистской партии установила коалицию с левыми эсерами. Правые же в своих требованиях отвергали диктатуру пролетариата вообще.

Зиновьев и Каменев от правых позиций в Октябре пришли позднее к «левым» позициям, но, по существу, основных своих взглядов они не изменили.

После победы Октябрьской революции правые мало изменили свои взгляды на революцию, скатываясь к оценке Октября как буржуазно-демократической революции.

Тов. Бухарин, признав ряд принципиальных и теоретических своих ошибок, сделал некоторые серьезные шаги, приближающие его к генеральной линии партии, но он недостаточно проанализировал и разоблачил свои теоретические ошибки, запечатленные в ряде книг и статей. Вот почему борьба со взглядами Бухарина и правых чрезвычайно важна.

В «Политическом завещании Ленина» т. Бухарин писал:

«Если у нас социалистическая революция в значительной мере держится на том особом сочетании классовых сил, которое было учтено еще Лениным, то это «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» (т. е. союза рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса) должно быть продлено и удержано во что бы то ни стало, ибо если лишиться этого особо благоприятного сочетания классовых сил, то выпадет вся основа развертывания социалистической революции в нашей стране».

И далее:

«Главной гарантией социалистического строительства у нас есть забота о наиболее благоприятном сочетании классовых сил, которое обеспечило бы нам возможность дальнейшего строительства социализма... забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз «строительной форме»[28].

---

[27] «Протоколы Петроградской общегородской и Всероссийской конференций РСДРП(б) в апреле 1917 г.», речь т. Рыкова, с. 72.

[28] Бухарин, Политическое завещание Ленина, 1929, с. 8, 21.

Нынешний период революции т. Бухарин характеризует как сочетание «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в «строительной форме». Говорить о союзе пролетариата с крестьянством, о «крестьянской войне», — как это делает т. Бухарин, значит говорить о движении крестьянства вообще, крестьянства в целом, что, по Ленину, соответствует буржуазной революции.

Неудивительно, что учителю вторили его ученики. Тов. Розит в статье «Основные вопросы пятилетнего плана землеустройства», напечатанной в 1928 году, находил, что

«за истекший период работа по землеустройству была в основном направлена на ликвидацию феодально-помещичьих остатков в области земельного строя. Разверстка помещичьих земель, устранение чересполосицы между бывшим помещичьим и крестьянским землепользованием и между отдельными селениями, принадлежавшими в прошлом разным помещикам, устранение выросшей на этой основе много- и мелкополосицы и дальноземелья — все это в основном означало ликвидацию остатков помещичьего феодального строя в области землепользования.

Ликвидация феодально-помещичьих остатков была главным делом советского землеустройства прошлой полосы. Освобожденное от этих пут крестьянское хозяйство получало мощный толчок для своего роста»[29].

Интересно в связи с оценкой нашей революции у правых остановиться на работах т. Дубровского.

С. М. Дубровский, который не может считаться выучеником Бухарина, но является его несомненным последователем в ряде основных вопросов теории, в своих «Очерках русской революции» писал: «Революция резко изменила все эти условия (крепостнической эксплоатации); произошла грандиознейшая чистка под капитализм». Любопытна оценка нэпа у Дубровского:

«Причудливая диалектика исторического развития поставила в порядок дня деревенской жизни вопрос о капитализме, и нужно сказать, что еще никогда в России капитализм не имел в деревне столько шансов на успех, как теперь». «Советская власть показала всей новой экономической политикой, что она идет на реставрацию капитализма, где нужно в интересах народного хозяйства». Дубровский выступает как певец капиталистической реставрации, растущего кулака. Дубровский толкует нэп, как «стратегическое отступление социалистического города перед напором капиталистической деревни»[30]. Дубровский выступает в духе Кондратьева против индустриализации, утверждая в брошюре «Реконструкция сельского хозяйства и классовая борьба в деревне», что «проводимая в настоящее время индустриализация страны неизбежно обостряет борьбу между пролетариатом и крестьянством в целом».

Правооппортунистические взгляды Дубровского в ряде вопросов упираются в непонимание сущности переходного периода вообще: в своей брошюре «К вопросу о сущности «азиатского способа производства и т. д.» он характеризует этот период как особую общественэкономическую формацию.

На дискуссии в ИКП Дубровский говорил: «У нас социалистический уклад, который существует реально, не создает своей собственной социалистической формации. Потому что у нас социалистический уклад является лишь первым этапом развития коммунистического общества»[31]. Пойми, кто может!

Слепков в более замысловатой форме, но также защищал реформистскую оценку нашей революции. Ленинский взгляд на нее Слепков характеризовал как троцкизм.

«Тов. Сталин, — писал Слепков в № 9 «Большевика» за 1925 год,—утверждает, что идея диктатуры пролетариата была не чужда т. Ленину уже в 1905 году. Это верно и неверно... Неверно, что т. Ленин считал неизбежным превращение демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру про-

[29] Д. Розит, Вестник землеустройства и переселения, кн. IX, сентябрь — октябрь 1928.

[30] «Очерки русской революции», с. 353, 259 357.

[31] «Против механистических тенденций», ИКП, 1930, с. 43.

летариата. Неверно потому, что при задержке мировой социалистической революции внутренние российские отношения ставили объективную преграду для этого превращения. Бланкистами большевики никогда не были».

Слепков совершенно ничего не понял в революционно-диалектической, глубоко-действенной постановке вопроса у Ленина и Сталина о соотношении между российской и международной революцией, не понял ленинской идеи перерастания, идеи непрерывной революции и стоял на точке зрения ограничения революции 1905 г. буржуазными рамками. Он не понял идеи Ленина о том, что, доведя демократическую революцию до конца, «мы сейчас же начнем переходить как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» [32].

Умудрившись исказить ленинское учение о непрерывной революции, Слепков тут же (ловкость рук прямо изумительная!) умудрился взять под защиту... теорию перманентной революции «тт. Троцкого и Парвуса», говоря, что в 1905 г. «тт. Троцкий и Парвус (!!) выбросили тактический лозунг диктатуры пролетариата, как заключительного звена [33] перманентной революции в 1905 г.». «Строгий критик» т. Сталина, ученик Бухарина Слепков счел за благо обойти следующее совершенно неоспоримое положение т. Сталина в книге «О Ленине и ленинизме: «Ленин предлагал увенчать дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники «перманентной» революции думали начать дело прямо с власти пролетариата...» [34]. У Слепкова все получалось шиворот-навыворот[35].

Выступая против ленинской оценки нашей революции, правые приходят к идее классового сотрудничества пролетариата и основных масс крестьянства с кулачеством и буржуазной интеллигенцией, они скатываются к теории «мирно-спокойно-свободно-веселого врастания капиталистического свинства классового капиталистического свинства в социализм». В 1924 г. в речи «Ленин как марксист» Бухарин впервые начал развивать свою теорию врастания в социализм. Эту теорию подхватили ученики из бухаринской школы молодых».

В «Большевике» № 5—6 (21—22) за 1925 г. Слепков в споре с М. Н. Покровским писал: «Мы допускаем даже, что нам придется, быть может, легализовать в деревне аренду и наем рабочей силы для крепкого мужика, но это не будет опасным только тогда, когда будет расти и крепнуть, «социалистическое кооперирование» (кавычки Слепкова — Д. К.). крестьянства. Так истолковывал суть решений XVI конференции Слепков, не понимая, что они шли навстречу середняку, а не крепкому мужику.

Помимо всего прочего здесь налицо была проповедь самотека. Крепкий мужик развивается сам по себе, но это не опасно, ибо «социалистическое кооперирование» также развивается само по себе. В будущем же эта коллизия как-нибудь благополучно разрешится—очевидно... путем врастания кулака в социализм — идея, которую Бухарин позднее во всей полноте развернул в своей пресловутой брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок». К идее врастания кулака в социализм, к мысли о внуках кулака, которые скажут когда-нибудь спасибо диктатуре пролетариата, Бухарин пришел путем отказа от классовой борьбы, путем замены ее в чисто богдановском духе идиллией мирного соревнования пролетариата и буржуазных элементов на фронте культуры.

---

[32] Ленин, Соч., т. VIII, с. 186.

[33] «Большевик» № 9, рецензия Слепкова на книгу т. Сталина, О Ленине и ленинизме.

[34] Сталин, О Ленине и ленинизме, М. 1925, изд. 3-е, с. 38.

[35] Непонимание ленинской идеи перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую характерно и для т. Бухарина. По отношению к 1905 г. он говорит не о возможности перерастания, а о намеке на возможность перерастания. Н. Бухарин в статье «Революция 1905 г.» в «Вестнике труда» № 12 (61), 1925 г. писал: «На очереди дня стояла, таким образом, буржуазная революция против помещика. Но в то же время в России она пришла слишком поздно, тогда, когда уже вырос могильщик самой буржуазии — пролетариат. Отсюда уже намек на возможность ее «перерастания» в революцию против буржуазного режима, что удалось реализовать только через много лет».

«Эпоха перехода от капитализма к социализму, — писал Н. Бухарин в статье «Буржуазная революция и революция пролетарская», — эпоха диктатуры пролетариата есть борьба. Но если до установления некоторого нового общественного равновесия это есть форма более или менее (!) открытой борьбы (нельзя не вспомнить по этому поводу ленинскую критику взглядов Бухарина по вопросу о классовой борьбе, высказанных последним в «Экономике переходного периода»—Д. К.) [36], то в последующую фазу эта борьба между капитализмом и социализмом приобретает вид маленьких, но великих в своем целом, стычек на фронте культуры, технической ловкости и умелости, организационного опыта и навыков, идеологической борьбы во всех отраслях общественной надстройки. А так как все эти процессы затвердевают в определенной квалификации людях, от числа и качества которых зависит дальнейший ход развития, то эта культурная борьба есть прежде и раньше всего борьба за администраторский и идеологический классовый кадр [37].

Правые целиком затушевывали сущность ленинского учения о диктатуре пролетариата как высшей форме классовой борьбы пролетариата. В этом отношении правые недалеко ушли от Суханова с его народнической теорией мирного вовлечения и «врастания» кулака через кооперацию в социализм или Чаянова с его теорией кооперативной концентрации всего индивидуального крестьянского хозяйства. Прав был т. Постышев, когда писал в юбилейной статье «Партия к 13 годовщине»: «Разве не две капли воды это чаяновское «растворение» индивидуальных хозяйств и бухаринская теория «врастания кулака в социализм».

Несмотря на формальное признание социалистического характера нашей революции и возможности построения социализма в нашей стране правые по существу приходят к отрицанию путей и средств, ведущих к построению социализма и социалистическому переустройству деревни, и тем самым приходят к фактическому отрицанию возможности построения социализма.

В основе бухаринских взглядов лежит теория равновесия. Согласно этой теории равновесия Бухарин рассматривает в «Экономике переходного периода» государство как систему классового равновесия в обществе. Эта концепция пронизывает всю «Экономику переходного периода».

Теорию равновесия Н. Бухарин в статье, посвященной профессору И. Павлову, «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем», доводит до крайних пределов.

«Внутри нашего Союза мы уже, так сказать, вчерне достигли уравновешивания социально-классовых элементов на основе пролетарского господства. Не даром Ленин, вождь интернационального пролетариата, стал национальным героем нашей страны. А внешнее равновесие «советской системы» развивается с постоянным плюсом в нашу сторону» [38].

В 1917 году правые обвиняли Ленина в троцкизме, в перепрыгивании через стадию революционно - демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и аграрно-крестьянской революции в перепрыгивании через мелкую буржуазию. На апрельской конференции 1917 года обвинение в троцкизме было одним из основных обвинений, выставленных правыми против Ленина. И Ленину приходилось в связи с этим отвечать на эти обвинения: «Троцкизм без царя, а правительство рабочее. Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата», ну это было бы скачком через мелкую буржуазию. Но мы говорим: «Помогай революции через Совет Р и С Д» [39]. Линия Ленина вела к перерастанию буржуазно-демократической революции в пролетарскую путем взятия власти советами.

---

[36] «XI Ленинский сборник», замечания Ленина на «Экономику переходного периода»

[37] Н. Бухарин, Сб. «Атака», с. 210, (разрядка моя — *Д.К.*)

[38] Н. Бухарин, Сб. «Атака», с. 491 (разрядка моя — *Д. К.*). Статья т. Бухарина была написана в 1924 г.

[39] Ленин, Соч., т. XX, изд. 2-е, с. 253.

Обвинения в троцкизме были снова, ряд лет спустя, выдвинуты против партии теоретиками врастания кулака в социализм, проповедниками классового мира, сторонниками черепашьих темпов развития социалистической промышленности. И теперь обвинение партии в троцкизме так же бито позорно, как было бито в 1917 году.

Если уже говорить о том, кому близка идеология контрреволюционного троцкизма, то во всяком случае это относится целиком к правым. Правые, как и Троцкий, оценивают по существу нашу революцию как буржуазную, прикрывая эту оценку всякими словесными декларациями о социалистическом характере нашего строительства.

Между троцкистской и правобухаринской (но ближе к последней) оценками нашей революции стоит концепция т. Крицмана, в основе которой лежит механистическая методология, роднящая в определенном отношении взгляды троцкизма с бухаринскими. По мнению т. Крицмана (см. сб. «Пролетарская революция и деревня»), в Октябрьской революции «тенденции противопомещичьей крестьянской революции получили свое осуществление в самом чистом виде» (с. 50). Тов. Крицман, вульгарно-механистически пытаясь объяснить сложный характер Октября, изображает его как «историческое совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции» (с. 82). На целиком механистической точке зрения двух революций— социалистической и буржуазной—в Октябре стоит и т. С. А. Пионтковский. Октябрь не единая революция, представляющая собой единый, неразрывный исторический процесс пролетарской революции, доделывающей гигантскую работу ликвидации остатков крепостничества в России, а две различных революции, «толкающие друг друга вперед», «совпадающие во времени и пространстве». Неслучайно т. Крицман изображал комбедовское движение в деревне, как мелкобуржуазную антикапиталистическую революцию. Взгляды т. Крицмана на нашу революцию основываются на неверной по существу троцкистской теории о том, что Россия до Октября являлась колонией иностранного финансового капитала. Неслучайно схема (в самом буквальном смысле схема, голая схема) т. Крицмана увенчивается теорией мирного экономического вытеснения кулаков, отрицанием целесообразности раскулачивания в условиях социалистического строительства и врастанием кооперированного мелкобуржуазного хозяйства в государственное социалистическое хозяйство. Тов. Крицман не видел процесса переделки диктатурой пролетариата хозяйства основных крестьянских масс в процессе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Троцкизм о характере нашей революции и строительстве социализма

Троцкиствующие господа иногда утверждают, что Троцкий оценивает как буржуазное перерождение лишь настоящий период революции, считая его «бонапартизмом», задним ходом революции от Октября к Февралю, а Октябрьскую революцию он мол считает социалистической. Дело, однако, обстоит совершенно не так. Достаточно ознакомиться с последним «теоретическим» трудом Троцкого «Перманентная революция», чтобы убедиться, что дело обстоит далеко не так.

Согласно концепции Троцкого русская революция лишь начинается как чисто рабочая революция, совершаемая изолированными силами пролетариата. При задержке международной революции, которая единственно по Троцкому может превратить ее в подлинно социалистическую революцию, она приходит в столкновение с крестьянством и погибает или постепенно перерождается в буржуазную демократию.

На следующем этапе, после Октября, Троцкий говорил о том, что в нашей стране можно начать социалистическую революцию, можно даже начать строить социализм, но до победы международной пролетарской революции социализма нельзя построить. Этим по существу отрицался социалистический характер революции.

Далее Троцкий и троцкисты заговорили о том, что партия ведет страну к тер-

мидору, СССР дает задний ход от Октября к Февралю.

Троцкий начинает теперь «углублять» свои прежние оценки Октября и приходит к мысли о том, что грехопадение нашей революции началось в Октябре. Он утверждает, что в отсталых странах диктатура пролетариата — путь к демократии. Контрреволюционная сущность троцкизма обнажилась целиком и полностью во всей неприглядности.

Разбирая вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, Троцкий пишет в «Перманентной революции»:

«...Большевистский лозунг действительно осуществился не в смысле морфологического намека, а в смысле величайшей исторической реальности. Только он осуществился не до Октября, а после Октября (!). Крестьянская война, по выражению Маркса, подперла диктатуру пролетариата. Сотрудничество двух классов осуществилось через Октябрь в гигантском масштабе. Тогда каждый темный мужик понял и почувствовал даже без ленинских комментариев, что большевистский лозунг воплотился в жизнь. И сам Ленин оценил именно эту Октябрьскую революцию — ее первый этап — как подлинное осуществление демократической революции[40] и тем самым как подлинное, хотя и измененное воплощение стратегического лозунга большевиков».

Троцкий обходит ленинское положение о том, что в Октябре 1917 года социалистическая революция попутно разрешила буржуазно-демократические задачи и в то же время созданием политического господства пролетариата, проведением рабочего контроля, явившегося переходом к национализации промышленности, отменой частной собственности на землю, проведенной пролетарской диктатурой, подготовила предпосылки для развертывания основного — социалистического содержания революции при побочном и молниеносном разрешении буржуазно-демократических задач.

В другом месте Троцкий пишет, разбирая лозунг революционно-демократической диктатуры: «Эта формула идет еще дальше. Ее можно понять в том смысле, что революционная власть должна непосредственно сосредоточиться в руках крестьянства. Но эта формула при более широком толковании, внесенном в нее самим ходом развития, объемлет и Октябрьский переворот, который привел пролетариат к власти, как «агента» крестьянской революции. Такова «амплитуда» толкований формулы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»[41]. И такое понимание революции Троцкий приписывает Ленину! Он совершенно игнорирует вопрос о том, в каком контексте и в каком смысле Ленин говорил о сочетании пролетарской революции с разрешением буржуазно-демократических задач в деревне.

Так понимает Троцкий основные моменты в учении Ленина, так оценивает он Октябрьскую революцию, лишний раз подтверждая этим ревизионистскую сущность обвинений партии в троцкизме со стороны правых и, наоборот, подчеркивая общность троцкизма с правыми в основных оценках нашей революции.

Оценка Троцким Октябрьской революции как революции в основном демократической основана на историческом троцкизме.

Оценивая Октябрьскую революцию как революцию буржуазно-демократическую, пытаясь доказать, что только тактика троцкизма может обеспечить победу пролетарской революции, Троцкий в последних своих произведениях совершает еще более открытую и развернутую атаку на ленинизм, чем даже в «Уроках Октября».

В 1905 году Троцкий говорил о «самоограничении» большевиков, в 1928 г. он говорит о гибельности ленинского лозунга. В «Перманентной революции» он утверждает, что большевистская формула революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства привела к катастрофе и в китайской революции.

---

[40] Л. Троцкий, Перманентная революция, с. 110 (разрядка моя — *Д. К.*).

[41] Л. Троцкий, Перманентная революция, с. 70—71 (разрядка моя — *Д. К.*).

«Можно допустить, что в этой ее (формулы революционно-демократической диктатуры — *Д. К.*) алгебраичности была — до известного момента — ее сильная сторона; но в этом же и опасности ее, которые у нас достаточно ярко обнаружились после Февраля, а в Китае привели к катастрофе»[42].

Л. Троцкий выступает против курса Коминтерна на образование советов и осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Китае.

Он проповедует теорию перманентной революции в Китае.

В то же время для Троцкого (см. его «Перманентную революцию») диктатура пролетариата в отсталых странах есть путь к буржуазной демократии и только.

Фальшь этой теории бросается в глаза особенно в связи с тем, что Троцкий начисто отрицает возможность построения социализма в одной стране — не только сравнительно отсталой, но и в наиболее передовой.

«Если традиционное мнение гласило, — пишет Л. Троцкий в «Перманентной революции», — что путь к диктатуре пролетариата лежит через долгий период демократии, то теория перманентной революции устанавливала, что для отсталых стран путь к демократии идет через диктатуру пролетариата»[43].

Доводя свою концепцию до полного логического завершения, троцкисты в одном из последних номеров «Бюллетеня оппозиции», называют хозяйственный строй в СССР «государственным капитализмом». Экономика новой оппозиции, идеи «госкапитализма» снова вытаскиваются на свет божий и служат службу современному контрреволюционному троцкизму. Троцкий злобно критикует политику партии в деле проведения сплошной коллективизации, говоря о том, что колхозная верхушка, «бюрократия» превратится в новых кулаков-капиталистов. Свои взгляды Троцкий обосновывает тем, что коллективизация может быть социалистической лишь при том условии, что она целиком будет базироваться на высокой машинной технике. Из сложения лодок не получить парохода, — писал Троцкий по поводу политики нашей партии в вопросе развертывания низших форм колхозов как пути к перестройке технической базы производства, пути к высшим формам коллективизации. В своих взглядах Троцкий ничуть не оригинален. Взгляды Троцкого лишь одна из сторон сухановщины.

Подобно Суханову и Троцкий намекает на то, что в основе колхозного движения лежит «угроза», безвыходность, «бесперспективность крестьянского хозяйства.

Сухановщина — такова суть взглядов контрреволюционного троцкизма.

Тов. Сталин на VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 г., анализируя взгляды Троцкого на нашу революцию, говорил: «К чему сводятся по сути дела новые аргументы Троцкого? Они сводятся к тому, что ввиду своей экономической отсталости мы не доросли до социализма, что у нас нет об'ективных предпосылок для построения социалистического хозяйства, что наше народное хозяйство превращается ввиду этого и должно превратиться в придаток капиталистического мирового хозяйства, в подконтрольную хозяйственную единицу мирового капитализма. Но это есть «сухановщина», откровенная и ничем не прикрытая сухановщина»[44].

Подобно буржуазным и мелкобуржуазным экономистам и троцкисты не понимают специфических закономерностей, свойственных переходному периоду. Они полагают, что наличие товарных отношений в нашем хозяйстве ведет к результатам, аналогичным с теми, какие характерны для капитализма. Троцкисты, как и представители всех разновидностей оппортунизма и буржуазного реставраторства, не понимают соотношения политики и экономики при диктатуре пролетариата. Но, разумеется, проявления этого непонимания различны по своему содержанию и оттенкам.

И правые и троцкисты не понимают двойственного характера нэпа. Правые

[42] Л. Троцкий, Перманентная революция, с. 71 (разрядка моя — **Д. К.**).

[43] Там же, с. 15 (разрядка моя — **Д. К.**).

[44] И. Сталин, Об оппозиции, с. 439

забывают о том, что «советский строй дает колоссальные возможности для полной победы социализма. Но возможность не есть еще действительность. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий...» (Сталин). Правые считают, что наличие советской власти и нэпа само по себе обеспечивает в порядке самотека, без классовой борьбы, без реконструкции народного хозяйства, без активной политики социалистическое переустройство деревни, победу социализма.

Иное — троцкисты. Они игнорируют роль диктатуры пролетариата и роль партии. Е. А. Преображенский в «Новой экономике» при анализе закономерностей советского хозяйства абстрагировался от политической «надстройки» в виде советской власти и от экономической политики советского государства.

Преображенский оценивает наше государство nur ökonomisch, ставит знак равенства между советским государством и советским хозяйством, не понимая значения и сущности пролетарской диктатуры как государственной организации рабочего класса и союза рабочего класса с основными массами крестьянства под руководством пролетариата, союза, направленного против капитализма, к уничтожению классов.

«Троцкисты не понимают того, что советский строй дает колоссальные возможности для полной победы социализма» (Сталин). Они не видят всех тех возможностей, которые «таятся в недрах нашего хозяйства и которые открываются лишь в ходе работы» (Сталин). Точка зрения Преображенского, отождествляющая советское государство с государственным советским хозяйством, приводила к сухановщине, к непониманию огромнейшей роли политической надстройки в переходный период. Преображенский свою антиленинскую методологию прикрывает тем, что он лишь временно, лишь в интересах «чистого» анализа абстрагируется от политики и экономической политики советского государства, но это пустая отговорка. Платформа «оппозиционного блока» во всех основных своих положениях была основана на том, что в деревне у нас господствуют и побеждают товарно-капиталистические отношения.

Любопытно, что «левые» позиции Преображенского сочетались с чисто право-оппортунистическими представлениями о нэпе и о характере его развития.

«Для государственного хозяйства пролетариата было бы полнейшим (и глупейшим) самоубийством пытаться бить капитализм на арене свободной конкурентной борьбы **уже на теперешней стадии развития** социалистического хозяйства», писал Преображенский в 1926 г. [45].

Таким образом будущее нэпа Преображенский представлял как свободную конкуренцию окрепшего советского хозяйства с хозяйством капиталистическим. Так на деле мнимая «левизна» сочетается с правым оппортунизмом и наоборот. Отсюда сближение троцкистов с правыми, на этой почве вырос и «лево»-правый блок.

Право-«левацкий» блок о характере нашего государства и строительстве социализма

К сухановщине скатились и полутроцкисты, отрицающие положение, выставленное т. Сталиным на XVI съезде партии, о том, что наша страна вступила в фазу социализма. Капитуляция перед сухановщиной и перед троцкизмом в этом вопросе у «леваков» и двурушнического право-«левацкого» блока совершенно неслучайна. «Леваки», извращая большевистские принципы в отношении середняка, приходили к неверным антиленинским взглядам в таком важном вопросе, как вопрос о коллективизации, о социалистическом переустройстве деревни.

«Левацкая» постановка вопроса об организации бедноты, о союзах бедноты вытекала из ревизионистской оценки Октября. В 1918 г. организация комбедов объяснялась необходимостью развернуть пролетарскую революцию в деревне, укрепить диктатуру пролетариата в деревне. Революционейшие «леваки», совер-

---

[45] «Новая экономика», изд. 2-е, с. 142 (разрядка моя — Д. К.).

шенно чуждые исторической диалектике, спустя свыше 10 лет выступают с требованиями, означающими не что иное как провозглашение лозунга «третьей революции», пролетарской революции в деревне. Здесь налицо своеобразная смычка с идеей «антикулацкой революции» у Бухарина. Эта смычка не случайна. Сочетание правых и «левых» идеек вполне закономерно.

На XVI партконференции Ломинадзе развивал более чем умеренную, точнее сказать, правооппортунистическую перспективу социалистического переустройства деревни в процессе сплошной коллективизации и борьбы против кулачества. «Вот когда у нас будут машинно-тракторные станции не в 3—4 местах, а когда они захватят значительную площадь земли, когда будет действительно осуществлена коллективизация огромных масс крестьянства, тогда и будут созданы предпосылки для экономического о т м и р а н и я кулака, конечно все это будет происходить в процессе бешеной классовой борьбы, бешеного сопротивления капиталистических хозяйственных форм, но только тогда и м о ж н о б у д е т с т а в и т ь в о п р о с — допускать или нет этого экономически подорванного кулака в колхозное движение. Н о э т о м у з ы к а д а л е к о г о б у д у щ е г о (!!). Мы делаем сейчас только первые шаги по пути коллективизации крестьянских хозяйств» [46]. Как мало эта «музыка далекого будущего» гармонировала с действительным поворотом основных масс крестьянства к социализму, к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, происшедшему вопреки пророчествам Ломинадзе! Неслучайно эта установка была дополнена отложенным про запас своеобразным вариантом врастания кулака в социализм в виде теории «отмирания» кулака.

Другой лидер право-«левацкого» блока, Сырцов, по вопросу о коллективизации накануне XVI съезда партии давал такие правооппортунистические оценки:

«Думать сейчас, что один факт образования колхозов уже радикальнейшим образом немедленно перестраивает отношения между городом и деревней, не приходится» [47].

Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства ставится по-новому, и на первых порах неизбежны новые осложнения... Крестьяне, организованные в колхозы, могут на первых порах сделать ложные шаги в отношении рабочего класса» [48].

Здесь любопытно сочетание троцкистских установок с правыми.

В небезызвестной брошюре Сырцова. эти идеи были высказаны с предельной ясностью. Весь этот убогий оппортунистический идейный багаж целиком позаимствован у правых и меньшевиков: «лево»-правый блок сложился на основе правой экономической платформы. Подобно правым и троцкисты, и полутроцкисты, и право-«левацкий» блок с точки зрения темпов нашего развития «оказались самыми поганенькими капитулянтами» (Сталин).

Правые, троцкисты и полутроцкисты сходятся на меньшевистском понимании нашей революции. Особенно ярко это сказывается в оценке пролетарского государства. Троцкий говорил о «далеко непролетарском характере нашего государства», затем он стал говорить о бонапартизме. Правые со своими кулацкими теориями точно так же приходят к отрицанию диктатуры пролетариата. «Лево»-правый блок кричит о «феодально-барском» характере соваппарата, о феодально-барском отношении его к нуждам рабочих и трудящихся масс. Сырцов рисует порочный, замкнутый круг бюрократизма в нашем государственном аппарате, утверждая, что борьба с бюрократизмом ведет к добавочному росту бюрократизма. «Лево»-правый блок кричит об удушении инициативы самодеятельности рабочего класса, о том, что бюрократ эксплоатирует подъем трудящихся масс, о недооценке сил рабочего класса.

Поневоле вспоминаешь при этом ленинскую статью «Новые времена, старые ошибки в новом виде», в которой Ленин

[46] XVI конференция ВКП, Гиз, 1929, с. 152 (разрядка моя — *Д. К*).

[47] С ы р ц о в, Задача партии в деревне.

[48] Там же, с. 55.

отвечал на крики «рабочей оппозиции» и меньшевиков о недооценке партией сил рабочего класса.

До чего все эти новейшие идеи Троцкого, правых, «леваков», и право-«левацкого» блока стары! Разве отрицание пролетарского характера нашего государства и нашей революции не ведет к меньшевикам, к Устрялову и Милюкову? Как ни своеобразные взятые в отдельности взгляды на характер октябрьской революции прямых буржуазных и мелкобуржуазных реставраторов, правых троцкистов и полутроцкистов, как равно и взгляды их по вопросу о дальнейших путях революции, все же в основных моментах понимания нашей революции все они сходятся. Базой этого идеологического сродства являются буржуазно-кулацкие и мелкобуржуазные социальные группы, не отделенные китайской стеной и от определенных слоев рабочего класса.

Меньшевизм и оппортунизм на путях к Октябрю и после Октября выступали и выступают в двух ипостасях — правой и «левой»—и дополняются примиренчеством к ним. Ленинизм побеждает в теории и на практике путем беспощадной борьбы против всех проявлений мелкобуржуазного ликвидаторства, представляющего не что иное как ворота для буржуазной реставрации. От взглядов и дел троцкистов, полутроцкистов и правых, как главной опасности на данном этапе, теоретически и практически путь ведет к Сухаову, Громану, Кондратьеву, Рамзину. Третьего пути не дано.

Н. Лукин

НОВЕЙШАЯ ЭВОЛЮЦИЯ АЛЬБЕРА МАТЬЕЗА

Как наука политическая по преимуществу, история во все времена была наиболее ходким орудием борьбы на идеологическом фронте. Что касается истории Великой французской революции, протекавшей в чрезвычайно острых формах классовой борьбы до террора и гражданской войны включительно, то наибольший интерес к ней всегда совпадал с эпохами новых социальных катаклизмов: 48-й год во Франции, Парижская Коммуна, русская революция 1905 года неизменно давали мощный толчок дальнейшей разработке тех или иных сторон Великой буржуазной революции. В богатейшем опыте этой эпохи позднейшие историки в сущности искали разрешения жгучих проблем своей современности, причем как тематика, так и трактовка событий определялась социальной базой того или иного исследователя.

Октябрьская революция снова оживила этот интерес к героической эпохе в истории буржуазии. Об этом свидетельствует как наша марксистская историческая продукция последних 10—12 лет, так и многочисленные работы западноевропейских, преимущественно французских, буржуаных историков, посвященные этой эпохе. В борьбе с большевизмом французские империалисты мобилизовали своих как либеральных, так и реакционных ученых. Нашумевшая брошюра Олара «Насилие и Французская революция» (1921 г.) или «Французская революция» Пьера Гаксотта почти в одинаковой степени проникнуты ненавистью к коммунизму и диктатуре пролетариата, осуществляемой в Советской России. Параллельно и тем же единым фронтом шла борьба буржуазных историков с революционным марксизмом-ленинизмом, этим испытанным оружием пролетарской борьбы. «До сих пор история не сохранила воспоминания о какой-либо революции, которая была бы борьбой антагонистических классов в собственном смысле этого слова», — писал известный знаток экономической истории Франции — Анри Сэ. «Марксизм — ограниченная теория, поскольку она полагает, что голова всегда управляется желудком», — читаем в одной из статей Олара, написанных им для белоэмигрантского журнала [1].

Особняком в этой борьбе стоял проф. Альбер Матьез. Одно время член французской компартии, потом беспартийный радикал, входивший в Комитет интеллектуального сближения между Францией и Советской Россией, крупнейший специалист по истории Великой французской революции, считавший себя марксистом, «другом Советской России» — Матьез во многом разделял наши научные установки, широко применяя классовый анализ к своим историческим работам, в которых определенно чувствовалось влияние практики победоносной пролетарской революции. Реабилитируя Робеспьера, якобинскую диктатуру и террористический режим, он становится в резкую оппозицию Олару и его школе. Правда, Матьез никогда не был последовательным марксистом, на что неоднократно указывал наш журнал в рецензиях на его новейшие работы, большая часть которых была переведена за последние годы на русский язык. И самое безоговорочное увлечение Робеспьером не было какой-то случайностью: оно свидетельствовало о том, что, оставаясь на мелкобуржуазной точке зрения, Матьез никогда не мог понять, что мелкая буржуазия, политическим представителем которой был «неподкупный», уже в силу своей классовой сущности была неспособна разрешить те грандиозные социальные проблемы, которые стали перед революцией, как только она исчерпала свое буржуазное содержание. Отсюда—переоценка Матьезом так называемых «вантозовских законов, которые, по его мнению, означали приступ к «социальной революции». Менее всего можно было считать Матье-

---

[1] «Голос минувшего» на чужой стороне» 1926, с. 7—8.

за марксистом по его подходу к вопросу о диктатуре, под которой он всегда разумел лишь парламентскую, а не революционную диктатуру. Как бы то ни было, за последнее время мы считали Матьеза и его группу хотя и стоящими на перепутьи, но значительно приближавшимися к нам. На этом этапе мы считали полезным его сотрудничество, поскольку в своих работах он вел борьбу с революционными силами Франции и открыто выражал свои политические симпатии Советской России. Поэтому и ряд товарищей наших находил тогда возможным сотрудничать в его журнале «Annales historiques».

С новой стадией развития, в которую вступил за последние два года Советский Союз, с одной стороны, и капиталистический мир, с другой, — Матьезу пришлось занять более определенные позиции, более четко выявить свою политическую и научную платформу. Перед ним были две дороги: либо дальнейшее приближение к нам (в эпоху пролетарской революции переход отдельных представителей интеллигенции и даже целых групп на сторону рабочего класса вполне закономерен), либо присоединение к лагерю наших врагов. Матьез, как сейчас увидим, предпочел последнее.

Типичный представитель радикально настроений мелкобуржуазной интеллигенции, Матьез готов был примириться с существованием диктатуры пролетариата в Советской России, поскольку он надеялся на близкое перерождение ее в любезную его сердцу демократию.

Новая историческая полоса, в которую вступило наше пролетарское государство за последние два-три года, разбило эти иллюзии вдребезги. Неожиданные для буржуазного мира грандиозные успехи нашего социалистического строительства, воскресившие среди империалистов идею единого антисоветского блока и вооруженной интервенции против Советской России, чрезвычайное обострение классовой борьбы в нашем Союзе, бросившие между прочим часть наших ученых в ряды подпольных контрреволюционных вредительских организаций, неизбежные суровые репрессии, которым подверглись участники этих организаций, наконец, наступление грандиозного мирового кризиса и рост революционного движения в капиталистических странах и колониях,—все это повело к созданию единого фронта мировой буржуазии и ее идеологов против страны Советов. Недавний процесс Промпартии неопровержимо доказал всю реальность и близость вооруженной интервенции, подготовляемой Францией и ее союзниками против Советского государства. Эта новая ситуация повела к дальнейшей диференциации среди западноевропейских историков: она толкнула Матьеза в объятия его вчерашних политических противников.

Уже в статьях о Бабефе, напечатанных в «Revue des cours et conferences» за 1929 год, Матьез решительно разошелся с Марксом в оценке Бабефа, у которого, по мнению Матьеза, не было никакой самостоятельной коммунистической системы. С точки зрения Матьеза вся социальная программа Бабефа может быть выведена из вантозовских законов [2].

Предисловие к «Термидорианской реакции», помеченное июлем 1929 г., определенно свидетельствовало о том, что Матьез сильно колебнулся вправо. «Я пишу, — говорит он там, — не для того, чтобы катехизировать или чтобы рекрутировать сторонников с той или с другой стороны, а лишь для того, чтобы учить и ознакомлять с фактами. Я считал бы себя упавшим в собственных глазах, если бы я, берясь за перо, заботился о тех или иных политических партиях, которые извлекали бы из моих писаний выводы для политики нынешнего дня во Франции или заграницей (разрядка моя—Н. Л.). Пусть люди действия — красного, черного, или белого— стараются использовать мои книги для своего дела, это неприятность, которую я должен переносить спокойно. Ни их похвалы, ни их оскорбления не заставят меня отклониться от моего пути. Если история — политика прошлого, то это не является еще основанием для того, чтобы делать ее низкой прислужницей политики, тем более политики настоя-

[2] См. «Revue des cours et confirences», 1929, №№ 14, ст. 15.

щего (разрядка моя—*Н. Л.*). Она не имеет иного смысла, как совершенно независимо говорить то, что она считает истинным; тем хуже для тех, кому эта истина неприятна» [3].

Итак, да здравствует аполитичная наука! Матьезу безразлично, кто будет его хвалить или критиковать: «красные» или «черные», советские марксисты или французские черносотенцы типа Гаксотта, Ленотра или Барту!

Почтенный историк с необычайной легкостью позабыл, что именно «красные» оценили в нем крупнейшего из современных исследователей Великой французской революции, что именно в Советской России его работы приобрели наибольшую популярность, что только советские историки-марксисты поддерживали его в борьбе с либеральными и реакционными историками, тогда как «белые» (школа Олара) презрительно замалчивали его труды, а «черные» третировали его как «террориста за работой» или как «профессора гражданской войны на кафедре Сорбонны».

Уже это выступление Матьеза нельзя расценивать иначе, как подготовку к сдаче им своих позиций перед контрреволюционным блоком либеральных и реакционных историков, как недвусмысленную попытку отмежеваться от марксизма, особенно в лице его последовательных представителей — советских историков-коммунистов [4].

В дальнейшем Матьез не удержался и на этой позиции и пошел дальше к полному и окончательному разрыву со своим научным и политическим прошлым. 18 января 1931 г. в бульварной газетке «Matin» появился протест представителей французской интеллигенции против расстрела 48 вредителей, организаторов голода. Среди прочих «защитников цивилизации», вроде адвоката Кампинчи, выступающего во французских судах в качестве политического защитника наших белоэмигрантов, красуется и имя профессора Сорбонны Альбера Матьеза. А двумя месяцами раньше Матьез выступил на страницах своего журнала с демонстративным вызовом советской исторической науке [5].

В сентябрьско-октябрьском номере «Annales historiques» он поместил статью казанского доцента Бушмакина, посвященную разбору различных точек зрения на 9-е термидора в новейшей исторической литературе [6]. К этой статье, дающей совершенно беспомощный анализ различных концепций 9-го термидора и извращающей концепцию т. Фридлянда, Матьез сделал редакционное примечание, которое заслуживает быть приведенным целиком.

«...Мы публикуем, — пишет Матьез, — эту статью одного из наших русских корреспондентов без пространных комментариев, которых она заслуживает. Наши читатели сами восполнят этот пробел. Но нам казалось интересным познакомить их с методом многих современных русских историков. Этот метод состоит, во-первых, в том, что они строго разделяют и даже противополагают друг другу политическое и социально-экономическое об'яснение событий, во-вторых,— в том, что в прошлом они всюду выискивают борьбу классов, даже в тех случаях, когда эту борьбу нельзя выявить за отсутствием какого-либо документа, даже в тех случаях, когда те, которые принимали в ней участие, даже не подозревали об этом (même ceux qui la menèrent n'en eurent pas conscience). Одним словом этот метод состоит в том, что историческую науку, которая является только истолкованием текстов, подчиняют априорной догме, которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым на манер катехизиса (Subordonner la science historique à un dogme à priori qui est un certain marxisme, compris et pratiqué à la façon d'un cathéchisme)».

Это как нельзя лучше доказывает, что в этой стране в настоящее время история слишком часто перестает быть независимой и покорно уступает давлению всемогущей политики, которая навязывает ей свои концепции, свои очередные лозунги, даже свои выводы. Можно, наконец, заметить, что г. Бушмакин, повидимому, не читал моих последних очерков, посвященных термидорианскому кризису, делу Легрэ и заседаниям 4 и 5 термидора обоих Комитетов — Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности».

Как видит читатель, вся соль этого примечания вовсе не в оценке действительно слабой статьи никому неведомого, малокомпетентного Бушмакина (Матьез мог ее и не печатать, мог сне-

---

[3] A. Mathiez, La réaction thermidorienne, p. VII—VIII.

[4] Рецензия на эту работу была помещена в № 15 журнала «Историк-марксист».

[5] Это выступление было тогда же отмечено мною на заседании Секции промышленного капитализма Института истории Общества историков-марксистов.

[6] «Le neuf Thermidor dans la nouvelle littérature historique» par M. Bouchemakine. «Ann hist», 1930, № 5.

стись по поводу нее с теми советскими историками, с которыми он годами поддерживал связь, но он этого не сделал!): злополучная статья послужила лишь удобным предлогом, чтобы обрушиться на советскую марксистскую историческую науку вообще.

Обвинения, выдвинутые против нас Матьезом, настолько неожиданны и неприличны в устах человека, до последнего времени претендовавшего на звание марксиста, и в то же время настолько мало оригинальны, что казалось на них не стоило бы и возражать серьезно. Но положение Матьеза как главы определенной, до сего времени близкой к нам школы, а также публичный характер его антисоветского и антимарксистского выступления заставляет нас дать ответ по существу.

Итак, нашей марксистской исторической науке предъявлены следующие четыре обвинительных пункта: 1) она не понимает, что одно и то же явление можно объяснить и политическими, и социально-экономическими причинами; 2) она ищет борьбы классов даже там, где ею и не пахнет; 3) она превратила марксизм в догму, в катехизис; 4) она — и это самое ужасное — откровенно партийна!

Поводом к первому обвинению могла послужить статья новоявленного историка Бушмакина, за которого мы ни в какой мере не отвечаем. Никто из советских историков, действительно занимающихся историей Великой французской революции, не сомневается, что непосредственной причиной переворота 9-го термидора были разногласия внутри самого революционного правительства. Но подлинный марксист не может остановиться на политической поверхности явлений: он должен вскрыть классовую природу этих разногласий; ибо 9-е термидора—событие чисто «политическое» — имело столь важные социально-экономические последствия, что в конечном счете оно может и должно быть об'яснено теми социально-экономическими сдвигами и обусловленным ими изменением в соотношении классов, которые предшествовали термидорианской катастрофе.

Второе. Как это ни странно, но «марксисту» Матьезу невдомек, что борьба классов не перестает быть борьбой классов и в тех случаях, когда она ускользает от сознания самих ее участников. И тут приходится привести цитату из Маркса, хорошо известную любому студенту наших социально-экономических вузов, но на сей раз позабытую Матьезом.

«Если в обыденной жизни,— читаем в «18-м брюмера»,— различают между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и делает на самом деле, то еще более следует различать в исторической борьбе между фразами и иллюзиями партий и их действительным организмом, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной природой [7].

А несколькими строками выше Маркс говорит:

«На различных формах собственности, на социальных условиях существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, понятий и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивидуум, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности» [8].

«Mutatis mutandis», это замечательное место можно применить и к самому проф. Матьез, который, беря на себя роль какого-то «беспристрастного» суперарбитра между «белыми» и «красными», воображает, что он стоит выше классов и партий и служит одной лишь научной истине. В действительности же как его прежние колебания, так и его теперешняя позиция отражают настроения мелкого буржуа, вечно колеблющегося между пролетариатом и крупной буржуазией. Это, конечно, не значит, как отметил тот же Маркс, что «все демократические представители — shopkeepers (лавочники) или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от лавочников, как небо от земли. Их делает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки, которых не переступает мелкая буржуазия, и что они

---

[7] К. Маркс, 18 брюмера Луи Бонапарта, «Б-ка марксиста», вып. VII, с. 34.

[8] Там же, с. 33—34.

поэтому теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и классом, который они представляют»[9].

Подписывая протест представителей французской интеллигенции, или печатая свое примечание о методах научной работы современных советских историков, проф. Матьез воображает, что спасает принципы «цивилизации», попираемые советскими террористами, или защищает «чистую», «объективную», «внепартийную» науку. На самом же деле он является не более как рупором «взбесившегося мелкого буржуа», который держит сейчас общий фронт со всеми господствующими классами. Выступая против революционного марксизма в области исторической науки в тот момент, когда все реакционные силы открыто подготовляют вооруженную интервенцию против Советского Союза, Матьез, сознательно или бессознательно, вступает в тот общий антисоветский хор, которым дирижируют заправилы европейской империалистической политики, и тем самым берет на себя в этот решающий исторический момент долю ответственности за подготовляемую интервенцию и ее последствия.

Проф. Матьез утверждает далее, что вся историческая наука является и сводится только к истолкованию текстов. Он не хочет понять, что как выбор текстов, так и их истолкование определяются прежде всего социально-политическим лицом историка. В противоположность Матьезу мы утверждаем, что история была и остается одной из самых «партийных» наук, что — сознательно или бессознательно — историки всегда выполняют определенный социальный заказ, и чем крупнее фигура историка как ученого, тем ярче выступает в его работах его связь с определенными классами или политическими группировками. И это в одинаковой степени относится как к буржуазным, так и к пролетарским историкам. Разве Моммзен не имел в виду Бисмарка, когда искал свой идеал социальной монархии в эпохе императорского Рима? Разве все работы Олара не пропитаны стремлением найти в истории Великой революции оправдание той борьбе за «вечные» принципы демократии, которую французские радикалы так плохо вели в эпоху 3-ей республики? Разница лишь в том, что последовательные марксисты открыто признают и подчеркивают, что, беспощадно вскрывая все формы классовых противоречий и классовой борьбы как в прошлом, так и в настоящем, и доказывая историческую неизбежность замены современного капиталистического общества социалистическим, они тем самым помогают пролетариату в его классовой борьбе с буржуазией. В этом смысле мы не стыдимся признать, что наша марксистская наука находится «на службе» у пролетариата и коммунистической партии, но гордимся этим.

Если г-н Матьез отныне отдает свое перо на службу французскому империализму — тем хуже для него! При этом невольно вспоминаются слова Ленина: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»[10].

Остается еще один пункт, после чего мы можем распрощаться с г. Матьезом. Обвинение в том, что мы превращаем марксизм в «догму», в некий «катехи-

[9] К. Маркс, 18 брюмера Луи Бонапарта, «Б-ка марксиста», вып. VII,

[10] Ленин, Собр. соч., т. XII², с. 54 «Три источника и три составных части марксизма».

зис», — не ново: оно выдвигалось ревизионистами всех мастей против представителей подлинного, не кастрированного революционного марксизма. Хорошо известно, что сам Маркс видел особую ценность своей теории в том, что «она по самому своему существу есть теория критическая и революционная».

Так беспощадная логика классовой борьбы вскрыла до конца мелкобуржуазную сущность теоретических и политических установок Матьеза и толкнула его в стан наших врагов.

В одном из частных писем, которые мы однако считаем себя в праве использовать как имеющие общественно-политическое значение, Матьез договаривается до реакционнейших и чисто идеалистических благоглупостей вроде того, что как бы ни краток был период террора в эпоху французской революции, его, видите ли, «было достаточно, чтобы заставить народ ненавидеть республику и задержать на целое столетие торжество демократии». Но ведь ничего подобного не писал никогда даже Олар, по сравнению с которым до сих пор мы считали Матьеза весьма левым!

А в последнем номере своего журнала (январь 1931 г.) Матьез возобновляет свою атаку против нас, с удовольствием ссылаясь на статью белоэмигранта Востокова («Le Monde slave»). Какая трогательная картина: «друг Советской России» под ручку с русским белоэмигрантом! Чем это лучше, чем сотрудничество г. Миркина-Гецевича в оларовском «La Révolution française»? И не пора ли г. Матьезу пригласить наших белоэмигрантов для сотрудничества в «Annales historiques»? Кто знает, может быть и до этого доживем!

Анализируя научные работы Матьеза, мы всегда вскрывали в той или иной степени их псевдомарксистский характер. Теперь это надо сделать более решительно и более четко.

ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ

БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ ЗАПАДА В СССР (ТАРЛЕ, ПЕТРУШЕВСКИЙ, КАРЕЕВ, БУЗЕСКУЛ И ДР.) [1]

М. Зоркий. (Председательствующий). Сегодняшнее заседание является первым в ряду открытых заседаний нашей секции, посвященных современной буржуазной исторической науке в Советском Союзе. Что касается исторической науки дореволюционной, то она — во всяком случае в отношении так называемых «русских» историков — уже подверглась довольно основательной критике со стороны марксистов. Труды М. Н. Покровского и руководимых им семинаров выполнили в этом отношении огромную работу. Гораздо меньше сделано в отношении так называемых «всеобщих» историков. Эта задача еще впереди.

Сегодняшнее заседание будет посвящено главным образом послеоктябрьскому периоду русской историографии Запада. Этот период конечно имеет для нас особый и далеко не только академический интерес. Общество историков-марксистов уже неоднократно выступало против отдельных представителей современной буржуазной исторической науки в Советском Союзе. Имена академиков Тарле, Петрушевского и др. не в первый раз прозвучат в этих стенах, но эта критика теперь вступает очевидно в новый этап, непосредственно связанный с новым этапом развития классовой борьбы и соцстроительства в нашей стране.

Борьба эта требует от нас известных обобщений, требует, чтобы по всему фронту была вскрыта связь между буржуазной исторической наукой и буржуазной контрреволюцией, связь до самых глубоких идейных ее истоков. Разумеется эта связь не только идейная, разумеется под маской беспартийности здесь в буржуазной исторической науке скрывались, существовали и развивались контрреволюционные тенденции. Эта маска беспартийности могла вводить в заблуждение только наиболее наивных и доверчивых в нашей среде, лишенных в той или иной мере классового чутья. Теперь всем ясно, что эта маска беспартийности часто скрывала за собой всего-на-всего промпартийца.

На данном собрании мы займемся главным образом выяснением идейной связи между буржуазной исторической наукой и интересами того класса, который она представляла. С этой точки зрения мы и подойдем к Тарле, Петрушевскому и др.

Вводное слово скажет Н. М. Лукин.

Н. Лукин. Процесс социалистической реконструкции нашего народного хозяйства, сопровождающийся невиданным обострением классовой борьбы, не мог не получить соответствующего отражения и в области идеологии. Вот почему борьба на идеологическом фронте приобретает сейчас особо важное значение для нашей партии. «Роль передового борца, — говорил Ленин, — может выполнить только партия, руководимая передовой теорией». В этой борьбе за чистоту революционной марксистско-ленинской теории наше общество историков-марксистов должно принять самое активное участие.

Как и везде, на историческом участке идеологического фронта мы наблюдаем за последние годы значительное оживление антимарксистских течений, усиленный напор со стороны враждебных марксизму сил. Этого мало. В пределах нашего Союза ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации встретила активное сопротивление со стороны части наших буржуазных

---

[1] Открытое заседание Методологической секции от 18 декабря 1930 г.

историков. Некоторые из вчерашних наших идейных противников стали деятельными участниками антисоветских организаций, вроде академиков Тарле или Платонова.

Таким образом грань между идеологией и политикой здесь совершенно стерлась. В сущности говоря, оправдался прогноз, сделанный нашим Обществом еще в марте этого года. В резолюции, принятой тогда, между прочим говорилось, что «каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя». Особенно верным этот прогноз оказался в отношении Тарле.

Напор на советскую науку по линии идеологической борьбы идет сейчас и со стороны западноевропейских историков. Но здесь социальная обстановка, в которой выявляется этот напор, несколько иная. Рост мирового экономического кризиса, обострение классовой борьбы во всех странах, успехи нашего социалистического строительства, — вот что дало толчок к дальнейшей диференциации среди западноевропейских историков, вот что толкнуло значительные ряды этих историков к тому антисоветскому блоку, который сейчас сколачивается на Западе буржуазией и ее правительствами в целях организации интервенции.

В качестве иллюстрации можно привести например известный протест против расстрела 48 вредителей, помещенный не так давно в «Фоссише Цейтунг» и подписанный несколькими десятками виднейших деятелей искусства, литературы, науки и техники, среди которых можно встретить и имена виднейших немецких историков.

Мы уже не говорим о реакционно настроенных историках, всегда относившихся враждебно к стране Советов. В антисоветский лагерь переходят сейчас даже историки, примыкающие к мелкобуржуазному радикализму. Эти историки, еще недавно считавшие себя «друзьями Советского Союза» и «советского народа», еще недавно разделявшие во многих отношениях нашу научную платформу, солидаризировавшихся с нами по целому ряду отдельных научных проблем, теперь под видом защиты исторической науки от политики солидаризируются с тем общим антисоветским хором, которым дирижируют заправилы европейской империалистической политики.

Наиболее яркий образчик такого превращения дает известный историк Великой революции Альбер Матьез, демонстративно выступивший на страницах своего журнала «Annales historiques» против советских историков-марксистов, якобы превративших марксизм в догму, подчинивших свои научные выводы задачам текущей политики и ищущих классовую борьбу даже там, где нет никаких следов ее существования. Так буржуазная историография все теснее сплачивается в единый антимарксистский и антисоветский фронт. При этом невольно вспоминаются слова Ленина: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но в с я казенная и либеральная наука з а щ и щ а е т наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» [2].

В этих условиях борьбы как на «внутреннем», так и на «внешнем» фронте задачи, стоящие перед историками-марксистами, становятся особенно ответственными.

Я не буду сейчас подробно останавливаться на этих задачах, ибо этот вопрос мог бы послужить темой для специального доклада. Я только укажу, что наряду с чрезвычайно важной задачей массовой подготовки и марксистски-ленинского воспитания новых кадров перед нами стоят такие задачи как систематическое изучение ленинского на-

[2] Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XII, с. 54, «Три источника и три составных части марксизма».

следства, как научное исследование в духе Маркса и Ленина новых исторических областей, еще недостаточно подвергшихся марксистскому анализу, и в первую очередь—изучение истории народов СССР, послевоенного империализма, истории Коминтерна, выяснение классовой подоплеки как правого уклона, так и так называемых «левых загибов» в нашей партии, изучение с этой же точки зрения различных уклонов в национальном вопросе и т. д. и т. п.

Разрешение этих важнейших задач нашего исторического фронта предполагает консолидацию наших марксистских сил. Эти силы за 13 лет существования советской власти значительно выросли и окрепли, мы завоевали целый ряд новых отраслей исторического знания, но тем не менее в эпоху реконструктивного периода остро чувствуется вся недостаточность достигнутых нами успехов. Консолидация эта предполагает беспощадную борьбу с чуждыми марксизму историческими концепциями и их пережитками как в нашей собственной среде путем большевистской самокритики, так в особенности в трудах буржуазных историков.

Первую из этих задач я сейчас оставляю в стороне и обращаю ваше внимание на вторую, поскольку наше сегодняшнее собрание имеет вполне определенную цель — разоблачение антимарксистских концепций буржуазных историков. Одной из важнейших задач, стоящих сейчас перед нами, является разоблачение целого ряда буржуазно-исторических концепций, особенно концепций тех историков, которые оказались связанными с контрреволюционными и вредительскими организациями. Мы должны беспощадно разоблачать не только явно антимарксистские, но и полумарксистские или псевдомарксистские исторические работы, вышедшие из-под пера этой группы буржуазных историков Запада.

Такое разоблачение приобретает особо актуальный характер в наши дни, когда процесс Промпартии вскрыл перед нами истинные настроения и действия большой группы ученых-специалистов. В сущности один из уроков, который мы можем извлечь из этого процесса, сводится к тому, что по отношению к целому ряду буржуазных ученых мы переоценивали степень их лойяльности к советской власти. Повторяю, этот процесс должен послужить нам предостерегающим уроком. Мы должны будем теперь гораздо осмотрительнее и строже подходить к тем беспартийным ученым-специалистам, с которыми так или иначе приходится работать, которых нам так или иначе приходится использовать.

Эта оценка, это вскрытие классовой сущности буржуазно-исторических концепций, разумеется, возможны лишь в известной исторической перспективе. Для того, чтобы правильно оценить новейшие исторические работы, нам необходимо проследить развитие историографии в рамках нашего Союза за известный длительный период, по крайней мере за весь послеоктябрьский период.

Анализ исторических работ отдельных деятелей буржуазной историографии в нашем Союзе будет дан теми товарищами, которые выступят здесь сегодня вслед за мной.

В мою задачу входит наметить лишь самые общие линии, по которым развивалась работа буржуазных историков Запада в СССР.

Октябрьская революция, последовавшая за ней гражданская война, восстановительный, а затем реконструктивный период сопровождались весьма сложным процессом диференциации среди тех историков-специалистов, которых мы унаследовали от времен царской или буржуазно-помещичьей России. В процессе этой диференциации откристаллизовались две больших группы. Одна из них, несомненно, отразила на себе процесс разложения тех классов, идеологическим представителем которых эта группа буржуазных ученых была еще до революции. В своих исторических концепциях, возникших уже после Октября, эта группа не могла не отразить тех настроений и стремлений, которые создались внутри этих классов, разбитых или уничтоженных в процессе революции и гражданской войны, так же, как она не могла не отразить на себе настроений кулацких элементов города и деревни, как они сложились в послеоктябрьский период.

Такова одна группа буржуазных специалистов.

От нее следует резко отличать другую группу наших беспартийных историков, которые искренно связали свою судьбу с судьбами пролетарского государства, которые действительно работали и работают с нами не за страх, а за совесть и которые в той или иной степени тяготеют и тяготели к марксизму, в какой степени—это вопрос другой.

Позвольте сначала остановиться на первой группе буржуазных историков, на той группе, которая находилась в тесной связи со старыми классами царской России и которая не могла не отразить в своих исторических концепциях разложения этих старых классов.

Внутри этой группы, в свою очередь, можно наметить несколько подгрупп. Первая подгруппа — это историки Запада, занявшие с самого начала резко враждебную позицию по отношению к Октябрьской революции, советской власти и марксизму. Наиболее видным представителем этой группы можно считать бывшего профессора Московского университета Виппера. На примере Виппера мы видим с чрезвычайной наглядностью, как резкий поворот в политических установках производит иногда полную метаморфозу во всей научной физиономии ученого, во всем его историческом миросозерцании. В самом деле кто такой Виппер? Это — крупный ученый, в свое время чрезвычайно радикально настроенный, в значительной мере тяготевший к марксизму, в особенности во время и после революции 1905 года, профессор, который оставил при своей кафедре целый ряд социал-демократов, профессор, которому принадлежат такие работы, как «Общественные учения и исторические теории в связи с общественным движением на Западе», или «История Римской империи» и т. д., человек, который на кафедре Московского университета всегда вел беспощадную борьбу с историками-идеалистами. И вот этот самый человек после Октябрьской революции радикальным образом меняет свою политическую позицию. Он становится ярым противником советской власти, явным врагом большевизма, а вместе с тем меняется все его историческое миросозерцание. Прочтите его брошюру — «Кризис исторической науки» или сборник его статей, объединенных под названием: «Гибель европейской культуры», или его «Ивана Грозного» и вы почувствуете всю разительность этой метаморфозы. В этих работах проф. Виппер откровенно признает, что если раньше он призывал своих слушателей к усиленному изучению социальной истории и социальной борьбы, то это было ошибкой: нужно изучать не историю масс, а историю отдельных личностей; нужно от культа масс перейти к культу героев. Но этого мало. Он считает, что в своих прежних работах, он недооценивал роли идей, и он готов принять формулу XVIII века «Мнения правят миром». Он кается в своем пацифизме и провозглашает самый зоологический национализм; утверждает, что война есть одна из величайших культурных ценностей, что война является важнейшим воспитательным, облагораживающим фактором во всей мировой истории. В области этнологии Виппер переходит от историзма к самому наивному рационализму XVIII века. Проф. Виппер, как известно, не удержался в Советской России, он эмигрировал и благополучно скрылся с нашего научного горизонта. Такова одна подгруппа в этой большой группе буржуазных историков.

Вторая подгруппа — это историки, также принадлежавшие когда-то к радикальному лагерю, также, хотя и в гораздо меньшей степени, чем проф. Виппер, тяготевшие к марксизму, но в противоположность ему оставшиеся в Советской России, примирившиеся с советской властью и честно работавшие с нею. И все же с дальнейшим развитием пролетарской революции их историческое миросозерцание претерпело весьма значительную эволюцию в том смысле, что представители этой подгруппы пошли вспять по пути от так называемого социологизма к идеализму. Так случилось например с академиком Петрушевским, который, правда, еще в начале 1900 г. отмежевался от марксизма, но который все же даже в 1915 г. (в брошюре «К вопросу о ложном стиле исторической науки») воевал с Риккертом. Теперь (в предисловии к последнему (1928 г.) изданию

своих «Очерков») Д. М. Петрушевский отказался даже от так называемой «социологической» точки зрения, сдал свои позиции перед Риккертом и солидаризировался с антимарксистской концепцией Допша. Нынешнее издание «Очерков» является по сути дела совершенно определенным, хотя и замаскированным нападением на марксизм.

Среди группы буржуазных историков, можно наметить еще одну категорию, это — буржуазные историки-идеалисты, которые никогда не грешили не только марксизмом, но и симпатиями к оному, это историки, связанные в свое время не с радикальными течениями в нашей дореволюционной общественности, а с довоенным буржуазным либерализмом. Этих историков Октябрьская революция только укрепила в их идеалистических позициях. С другой стороны, эти историки, оставаясь в той или иной мере хранителями традиций царской России в области внешней политики, и после Октября продолжали свою борьбу с марксизмом в тех или иных формах. Сюда я отношу таких историков Запада, как Кареев, Егоров, академик Бузескул и т. д. Проф. Карееву здесь будет посвящен особый доклад, поэтому я сейчас могу ограничиться только указанием на то, что его антимарксистская работа протекала главным образом на страницах иностранной печати. Перечитайте его рецензии, помещенные в «La Revolution française», в «Revue historique», или написанную им главу, посвященную русской исторической науке советского периода в «L histoire et les historiens depuis cinquante ans», и вы увидете, что все его последние работы проникнуты определенной тенденцией, которая сводится главным образом к игнорированию значения марксистских работ, вышедших за последнее время, и затем к целому ряду антимарксистских вылазок. Эта тенденция еще ярче сказывается в большой работе, вышедшей из-под пера Кареева в последние годы. Я имею в виду его трехтомник «Историки французской революции». Там очень многие историки французской революции — марксисты не упоминаются вовсе; работы других недооцениваются. Или к историкам-марксистам причисляются такие люди, которые как например Блос не имели никогда никакого отношения к марксизму в области теории.

Наконец четвертая подгруппа, самая по-моему зловредная, это — группа буржуазных историков, сознательно маскировавшихся под марксизм, проталкивавших под видом марксизма абсолютно чуждые и враждебные марксизму концепции. Наиболее видным представителем этой группы является академик Тарле, которому, как вы знаете по процессу Промпартии, предназначалась видная роль в будущем правительстве, имевшем возникнуть, как предполагалось, на развалинах советской власти. Именно академику Тарле намеревались вручить торпфель министра иностранных дел.

После Октябрьской революции одно время Тарле как-будто занимал тоже довольно откровенную антибольшевистскую, антисоветскую позицию. Если вы сейчас возьмете его работу «Революционный трибунал во время французской революции», то вам бросится в глаза, до какой степени тенденциозный характер носит эта работа. Весь подбор документов в этой книге сделан с таким расчетом, чтобы у читателя создалось впечатление, что революционный трибунал эпохи Великой французской революции, по существу говоря, карал без всякого разбора и, отправляя на гильотину главным образом всякую мелкоту, оказывался совершенно беспомощным в отношении действительно крупных противников революционной власти.

Но затем началась маскировка под марксизм. Надо признаться, что академику Тарле эта маскировка одно время удавалась блестяще. Известно, что его работы печатались в «Историке-марксисте» и «Архиве Института Маркса и Энгельса», что другие его работы попадали на страницы «Revue marxiste», где печатались Раппопортом. Только его последняя работа «История Западной Европы в эпоху империализма» сыграла роль той лакмусовой бумажки, которая обнаружила его истинное лицо, и Тарле был разоблачен на страницах «Историка-марксиста». Здесь, с одной стороны, было совершенно определенно выяснено, в какой степени Тарле подменяет марк-

сизм фатализмом, до какой степени его работы проникнуты антантофильскими тенденциями. Теперь в свете политической биографии Тарле становится понятно, куда тянулись нити его антантофильской ориентации.

В чем выразилась эта ориентация? Коротко говоря, она выразилась главным образом в изображении германского империализма особо зловредным, в попытке взвалить на германскую социалдемократию всю ответственность за мировую войну, в недооценке роли России и Великобритании в деле подготовки мировой войны, в оценке сараевского убийства, Брестского мира и т. д.

Его антимарксизм сказался в анализе социальных сил накануне мировой войны, в его утверждении, что накануне ее рабочий класс во всех важнейших капиталистических государствах уже переходил на рельсы классового сотрудничества с буржуазией и т. д.

На Тарле я и закончу характеристику этой группы буржуазных историков, которая, как я повторяю, уходит своими корнями в прошлое, которая была связана с господствующими классами царской России, разбитыми в процессе революции, и которая не могла поэтому не отразить в своих позднейших работах реставрационных стремлений этих классов...

Я снова возвращаюсь ко второй группе беспартийных историков, которые в той или иной степени вполне искренно тяготели и тяготеют к марксизму. Среди таких историков можно указать имена проф. Косминского, Преображенского, Сергеева, Сказкина и др. Это та группа, которую можно назвать нашими попутчиками. Анализируя работы этих историков, мы должны со всей суровостью беспощадно разоблачать имеющиеся у них искажения марксизма, вскрывать псевдомарксизм некоторых из этих товарищей, которые иногда вполне искренно считают себя марксистами, но на деле таковыми не являются.

Нужно твердо помнить, что еще недостаточно проявить особый интерес к изучению экономической истории, чтобы быть зачисленным в марксисты. Недостаточно проводить и классовую точку зрения в своих исторических работах, чтобы получить право на это звание. Успехи марксизма в области социальных наук настолько велики, что не испытать на себе влияния марксизма в настоящее время часто чрезвычайно трудно, особенно в пределах Советской России. Я укажу на такой разительный пример, как академик Бузескул. Правда, я имею в виду не его историографическую работу, а еще ненапечатанный им доклад, сделанный в стенах Академии наук на тему об отношении либеральных историков эпохи реставрации к Июльской революции. В этом докладе академик Бузескул, правда чрезвычайно примитивно, неуклюже, но все-таки старался связать исторические концепции с различными политическими группировками, с настроениями определенных общественных групп накануне Июльской революции. Еще Ленин сказал, что недостаточно признавать, что история есть борьба классов. Недостаточно повторять эту формулу, выдвинутую еще историком реставрации Гизо. Марксист лишь тот, кто не только признает факт борьбы классов, но и приемлет социалистическую революцию как ее неизбежный результат. Но такой последовательный историк-марксист, действительно сознавший неизбежность социальной революции как конечного результата классовой борьбы, не может не перейти в ряды нашей партии. Для этого конечно недостаточно тех робких шагов по части сближения с марксистской теорией, которые наблюдаются в построениях этой группы наших историков, которых я назвал попутчиками. Нужно сознаться, что не только в среде наших тяготеющих к марксизму попутчиков, но и в нашей собственной среде порой все еще злоупотребляют термином «марксист», толкуют его чересчур «либерально», что несомненно является отголоском традиций II Интернационала; забывают например, что всякий, претендующий на звание историка-марксиста, должен целиком разделять марксистско-ленинскую теорию, что признание диалектического материализма как единственно правильной философской теории и умение применять диалектический метод в своей специальной области является обязательным для всякого исто-

рика, претендующего называться марксистом. Несомненно, что у наших попутчиков, у этих тяготеющих к марксизму историков, оставшихся нам в наследство от буржуазной России, очень часто наблюдаются не марксистские, а псевдомарксистские построения, которые мы должны беспощадно разоблачать. Но я совершенно определенно и решительно должен подчеркнуть, что эту группу беспартийных историков мы должны резко отличать от первой группы, которую я ранее охарактеризовал. Мы должны помочь своей товарищеской критикой этим попутчикам осознать свои ошибки. Мы должны помнить, что и в этой группе в дальнейшем весьма возможна диференциация, мы должны помнить, что именно в наш период обостренной социальной борьбы очень многие из тех, которые сейчас идут с нами и считают себя марксистами или почти марксистами, отойдут от нас и может быть перейдут в лагерь первой группы. Но во всяком случае было бы большой политической ошибкой огульно зачислять и эту группу наших попутчиков в ту большую группу представителей буржуазной исторической науки, о которой я говорил выше.

С. Кривцов. Когда приходится задумываться над тем, нет ли чего-нибудь общего у буржуазных представителей так называемой всеобщей истории у нас после Октябрьской революции, когда ищешь этого общего, всем им присущего признака (я главным образом имею в виду ту наиболее ярко выраженную антимарксистскую группу, о которой говорил т. Лукин), то стараешься найти некоторое общее классовое содержание, которое имеется во всех их выступлениях. Обдумывая свое сегодняшнее выступление, я вспомнил одну цитату из одной очень интересной книжки. Я сначала ее зачитаю, а потом скажу — кто это писал, когда, и какое это имеет отношение к интересующему нас вопросу:

«Раз сидели мы, тоскуя, в редакции уже закрытой большевиками социалистической газеты «Власть народа». И было уже время расходиться. И один из членов редакции, стоя уже со шляпой в руках у двери, вдруг обратился к нам:

— А помните ли вы, господа, городового?

Все удивились немножко.

— Помните ли вы, — продолжал тот, — этого скромного труженика, который за какие-то сорок рублей в месяц и днем и ночью охранял наш с вами покой?... И с семьей ухитрялся жить на эти гроши... Когда нужно — обмерзал на посту, когда нужно — погибал от пули... Помните ли вы его?

— Помним... — отозвались голоса смущенно.

— А помните ли вы, как звали мы его за все это?

— Помним. Фараоном...

— А как, господа, по совести: ведь стыдно?

— Немножко стыдно...—сознался кто-то.

— Ну, слава богу, хоть немножко...».

В чем здесь суть? Я привел вам цитату из книжки Ивана Наживина «Что же нам делать?», вышедшей в Ростове-на-Дону в 1919 г. при Деникине. Наживин пережил очень интересную эволюцию. В свое время он был учеником Толстого, проповедывал непротивление злу, а затем, после социалистического переворота, пришел к идее о том, что «они» обижали «городового». Городовой здесь является, очевидно, каким-то символом, т. е. он является представителем класса, представителем государства, который охраняет спокойствие семьи и т. д.

Если с этой точки зрения подойти к тому, что писалось после Октября в нашей исторической литературе буржуазного толка, то мы увидим везде эту реабилитацию городового, реабилитацию государства. В самом деле характерно, что по существу на всем протяжении этой послеоктябрьской историографии мы имеем стремление к изучению общественных отношений именно с этой точки зрения. Прежде ряд историков пытался изучать экономические отношения, и уже как отображение этих отношений — государственное управление. Теперь, после Октября, мы имеем у тех же лиц как раз обратное. Конечно это не случайное явление, и это можно совершенно четко сопоставить с тем падением демократической буржуазной государственности, которое мы сейчас воочию

наблюдаем на Западе. Яркое выявление фашизма является по существу оборонительной реакцией буржуазного общества против надвигающейся социальной революции. Эта фашизация, с одной стороны, приводит к колоссальной власти государства, которое формально делается независимым от общества и которое оберегает это общество, а с другой стороны, появляется стремление до известной степени возвеличить личность. Характерно отношение итальянских фашистов к Муссолини как к вождю. Вождь пишется с большой буквы и т. д., и т. п.

Если мы с этой точки зрения подойдем к русским западноевропейским историкам, то увидим, что эта реабилитация государственности, реабилитация определенной государственной деятельности, — я позволил себе в частной беседе выразиться «реабилитация мерзавца», — получает в высокой мере видное место. Если вы вспомните пренебрежение, которое на заре русской радикальной общественности вызывала фигура околоточного и человека в гороховом пальто у Салтыкова-Щедрина (хотя он сам был крупным бюрократом) и сравните с приведенным выше восторженным отношением Наживина к городовому, то тут, как вы видите, мы имеем полную переоценку ценностей.

Возьмем Виппера. Я хотел бы вам напомнить ряд его статей, которые начали появляться со времени мировой войны и печатались в известном органе воинствующего русского империализма, в органе Рябушинского «Утро России». Там в одной очень любопытной статье он солидаризировался со взглядами, высказанными итальянским историком Ферреро, и указывал, что буржуазное общество качественно ниже, чем феодальное, потому что качество продукции тогда являлось делом первой важности, а в буржуазном обществе мы имеем только господство сплошного количества.

Это стремление реабилитировать прошлое проскальзывает у него и дальше. Возьмем его работу об Иване Грозном. Это был выдающийся государственный деятель, который мог остановить намечавшуюся боярскую реакцию (Ивана Грозного конечно только относительн можно назвать мерзавцем).

Затем возьмем его отношение к П рижской Коммуне, его статью, о кот рой говорил т. Лукин. Здесь мы имее как раз обратное тому, что у него был раньше, о чем он говорил в своих рад кальных лекциях, которые мы с т. Л киным слушали в Московском униве ситете даже после 1905 г.

Перейдем к другим историкам; воз мем хотя бы западноевропейского ист рика Гревса. Он за последнее время вы пустил ряд книг, в частности, очень лю бопытную «Историю одной любви». Э история любви Виардо-Гарсиа и Тург нева. В нашей литературе установилас на отношения этих двух лиц определен ная точка зрения; о ней еще мамаш Тургенева говорила, что вся беда И Сергеевича в том, что он влюбился цыганку, а он однолюб. Мать Тургене относилась отрицательно к цыган Виардо, так как та его определенно об рала. Теперь посмотрите, что получаетс у Гревса. Полная перестановка! Оказ вается, что не Тургенев всего себя отд вал Виардо-Гарсиа, а наоборот он пол чал от нее все, он обязан ей расцвето своего творчества и т. д.

Возьмем Тарле и его марксистообра ность. Он в 1905 г. пострадал в Пете бурге, он был ранен. Но любопытно, чт общественная классовая значимость ег деятельности и его антантофильства пр обретает только теперь определенны смысл. В самом деле, он должен б быть министром иностранных дел анта товского правительства в нашем, н знаю каком, государстве, если бы Про партия победила. Он доказывал, что в зло от немцев, что союзники, Пуанкар и др. совершенно чисты, как агнцы н порочные. Мы видим у него определе ную установку (которая нам тепер вполне понятна) вплоть до явной фал сификации фактов.

Возьмем Кареева. Он характерен те что всегда выступал против марксизм и эту самую линию он продолжает в сти и теперь[3].

Тов. Лукин говорил относительно Б зескула. Очень характерна его книжка

[3] Во время дискуссии Н. И. Кареев бы еще жив (Ред.).

русской и западноевропейской историографии. Любопытно исследовать его установку.

Наконец, чтобы не утомлять вашего внимания, я хотел бы сказать несколько слов еще только о двух историках: о Петрушевском (о нем речь будет вестись особо) и о Ростовцеве, о котором зря забывают.

Весною 1928 г. мы в Обществе историков-марксистов дали резкую критику методологических воззрений Петрушевского. В апреле 1929 г. начата набором и окончена печатанием в марте 1930 г. работа Петрушевского о Виноградове как социальном историке. За слабые места он хвалит Виноградова, а за сильные — осуждает.

«Воспитанный в немецкой, германистической вере в свободную сельскую общину, подкрепленной русскими народническими влияниями, видя в «открытой» романтически настроенной фантазией немецких ученых конца XVIII и начала XIX столетий общегерманской марке точку отправления в социальной эволюции всех германских племен и вместе со всей школой общинников представляя себе эту эволюцию как постепенное перерождение свободной общины в крепостную вотчину, Виноградов естественно должен был решительно выступить против утверждения (Сибома)...» (с. 11—12). Классовый, общественный смысл этого утверждения более чем ясен. Или еще более четкая формулировка этой же точки зрения: «И прежде не для всех приемлемая вера Виноградова в коллективный характер права собственности на землю, которой владела сельская община в ранний период англосаксонской истории, разделяемая им с другими приверженцами теории первобытного земельного коммунизма, за это время стала еще менее приемлемой...» (с. 26). Тут ведь именно корень зла — коммунизм; вот зло наших дней!.. Он не указывает даже того, о чем говорят немецкие и английские исследователи, а именно, что в работах Виноградова есть известные моменты диалектики, которые ему, как историку, свойственны. Этот момент у Петрушевского совершенно выпадает.

В заключение я хочу остановиться на Ростовцеве. Его основные работы, вышедшие во время революции, напечатаны еще в «Вестнике Европы», в этом «красном гробу», как характерно был назван этот журнал Михайловским. Статьи были посвящены рождению римской империи. Статьи были напечатаны в 1918 г., в том году, когда этот «красный гроб» исчез навеки. Характерно то, что Ростовцев всячески прославляет Октавиана Августа за то, что он после годов «bellum civile» — гражданской войны — дал гражданский мир, умиротворил Рим. Здесь вы прямо читаете сквозь строчки, что мы, дескать, надеемся, и у нас в России явится такой же успокоитель, этот самый Октавиан Август, который уничтожит гражданскую войну и принесет с собой своеобразный золотой век.

Вот мне кажется, та общая линия, которая прослеживается в установке ряда буржуазных историков Запада, полученных нами в наследие от прежнего строя. Под этим углом зрения, под углом зрения неизживаемого стремления этих источников к буржуазному реставраторству, мы и должны рассматривать те или иные их выступления. Нам нужно помнить то, чему учил Ленин, подходя к вопросам философии. Он говорил, что основная задача наша — вскрывать классово-общественный смысл, который имеет та или иная философия, то или иное философское выступление.

В связи с раскрытием контрреволюционной работы Промпартии и др. организаций, «чисто-научные» выступления многих историков приобретают своеобразный специфический характер. Этот момент и дает, по-моему, общую линию, которую мы должны разоблачать. Затем существует ряд «молодых» историков, которые колеблются между марксизмом и буржуазным реставраторством. Сюда я включаю ту группу историков, о которой говорил т. Лукин, которых он считал марксистообразными, но по существу они колеблются между ортодоксальным диалектическим материализмом и вульгарным экономическим материализмом типа, скажем, Роджерса, а отсюда легко перерастают в простое буржуазное реставраторство.

В отношении этих историков наша задача заключается в том, чтобы произвести диференциацию, что мы политически и проводим. Таким образом мы заставим эти колеблющиеся элементы встать либо на сторону экономического материализма, струвизма, либо на сторону диалектического материализма Маркса — Ленина — Энгельса. Третьего среднего решения нет.

Я считаю, что основной задачей Общества историков-марксистов и ряда других организаций, которые занимаются или ведают делом истории, является вопрос о кадрах. Мы видим, что и Рамзин составлял себе кадр преемников, и Тарле, и другие пытались создать себе преемников, которые должны были с честью нести их знамя. Нам нужно будет обратить самое пристальное внимание на этих преемников, которые проходили свою аспирантуру под влиянием буржуазных реставраторов.

Ф. Потемкин. Я скажу несколько слов о последней работе Тарле. Хотя мне и трудно сказать сегодня что-либо существенно новое по сравнению с тем, что мне уже приходилось писать за последние два года, но то обстоятельство, что нас от Тарле отделяют теперь не только теоретические разногласия, но — говоря без метафоры — отделяет толстая стена с крепкой решоткой, заставляет нас снова и более заостренно высказаться о его псевдомарксистских взглядах и псевдонаучных приемах исследования. Неслучайно самое название последней работы Тарле: «Рабочий класс в первые времена машинного производства» (разрядка моя — **Ф. П.**). Останавливаясь в своем исследовании на замечательнейшем периоде в истории французского капитализма, на том периоде, который должен быть назван эпохой промышленной революции, Тарле совершенно «позабывает» о марксистской терминологии. Во всей книге вы не найдете сколько-нибудь близкой к марксизму методологической установки в важнейших проблемах промышленной революции. Нигде нет твердых, категорических высказываний о том, что Франция данного хронологического отрезка, т. е. первой трети XIX в. переживает такой период, который является периодом тягчайших страданий рабочего класса. Это первое замечание относительно общей установки работы Тарле.

Что касается отдельных глав книги, то в первую очередь наше внимание привлекает глава о «Лионском рабочем восстании 1831 г.». Присмотримся внимательно к тому, как Тарле изображает причины восстания 1831 г., и мы увидим, как проделывается фокус «подражания» Марксу, как Тарле гримируется под марксиста. В этой главе можно найти очень много «сочувствия» рабочему классу. Положение рабочих шелкоткачей в Лионе перед восстанием изображается как очень тяжкое. Тарле не только не скрывает, но даже резко подчеркивает, что зарплата была чрезвычайно низкой, что потребление продуктов было весьма скудным, между тем как продолжительность рабочего дня была непомерной. Затем Тарле переходит к вопросу о причинах восстания, и тут он утверждает что накануне восстания был тяжелый экономический кризис, что лионская шелковая промышленность переживала очень тяжелые дни. Эти затруднительные обстоятельства «фатально» предопределяют поведение капиталистов. Фабриканты, видя, что нет заказов и что в городе имеется множество безработных, решили понизить сдельную плату. «Это и было толчком, приведшим в движение десятки тысяч раздраженных и полуголодных людей», как пишет Тарле. Таким образом получается, что, с одной стороны, автор как будто сочувствует рабочему классу, а с другой стороны, выходит, что и капиталисты по-своему правы. Бедные рабочие, они тяжко страдают! Бедные капиталисты, они, может быть, и хотят повысить зарплату, но при создавшейся конъюнктуре не могут этого сделать! Так сочиняется «марксистская» история восстания 1831 г. При этом Тарле с ловкостью самого заправского фокусника выдергивает нужные ему цитаты и посредством своего подстрочного «ученого аппарата» создает впечатление, что все его утверждения отлично аргументированы материалом первоисточников. Лишь в результате самостоятельного и тщательного ис-

следования убеждаешься в совершенно неверном изображении Тарле роли капиталистов. Рабочий класс действительно страдал в 1830 и в 1831 гг., но шелкоткацкая промышленность после кризиса 1830 г. как раз оживляется к осени 1831 г. Все станки работали, в городе не было безработных, и капиталисты находились в прекрасном положении. Рабочие шелкоткачи, видя, что все станки заняты, и зная, что имеются большие заказы, выступают с требованиями о повышении расценок, требуют подписания тарифа. Как известно, тариф был подписан. Небольшая часть капиталистов охотно согласилась на подписание тарифа, так как по некоторым видам изделий новые ставки мало отличались от старых. Большинство же «фабрикантов» было против каких бы то ни было уступок. После революции 1830 г. они возомнили себя «солью земли», они помнили о лозунге «обогащайтесь». Поэтому, заручившись поддержкой в Париже, они нагло отказываются выполнять требования единого тарифа, а некоторые даже прямо провоцируют восстание, угрожая оружием в ответ на справедливые требования обманутых рабочих. Таким образом получается совсем иная картина.

Другой пример. Посмотрим, как Тарле обходит острый вопрос о резком ухудшении положения ф а б р и ч н ы х рабочих, все время оставляя у читателя впечатление, будто бы он добросовестно изучает факты и изучает их с точки зрения сочувствия рабочему классу. Что происходит с рабочим классом в годы реставрации? Понижается или повышается зарплата? Тарле пишет, что вопрос о материальном положении французского рабочего класса (в первой трети XIX столетия) «не разрешим одними лишь арифметическими вычислениями». «В 1924 г. в Париже средняя заработная плата взрослого рабочего приближается к 25 франкам в день, а цена килограмма хлеба — 1 фр. 45 сант., в 1824 г. в Париже средняя зарплата тяготела к 1 фр. 50 сант. в день, а цена одного килограмма хлеба была равна 22—23 сант. Следовательно плата за 100 лет увеличилась в 17 раз, а цена хлеба в 7 раз»... «Значит ли это, — спрашивает Тарле, — что участь рабочего улучшилась за истекшие 100 лет в 2½ раза?» И сейчас же отвечает на свой вопрос: «Соотношение между заработной платою и ценою на хлеб есть лишь один из элементов для решения вопроса, но не полное решение его». Как видим, на свой «абстрактный» вопрос Тарле дает правильный ответ. Но ведь этот ответ отнюдь не оправдывает его отказа пользоваться «арифметическими вычислениями» для исследования вопроса о заработной плате. Отношение между зарплатой и ценой на х л е б конечно есть всего лишь о д и н из элементов для разрешения вопроса, но почему же надо отказаться от изучения д р у г и х элементов; И почему понадобилось сравнивать эпоху промышленной революции с эпохой послевоенного империализма, вместо того, чтобы остановить внимание читателя на вопросе падения реальной заработной платы по с р а в н е н и ю с м а н у ф а к т у р н ы м п е р и о д о м?

Ответ на этот вопрос, как видно, можно искать лишь в своеобразии «сочувствия» рабочему классу у Тарле.

Отказавшись от самостоятельного исследования вопроса о материальном положении рабочего класса, Тарле заполняет вторую главу своей книги изложением хорошо известной работы Виллермэ: «Картина физического и морального положения рабочего класса во Франции». Читателю, который совершенно не знаком с этим периодом из истории Франции, может показаться, что это очень хороший источник.

Что за человек был доктор Виллермэ? Он был членом «Академии моральных и политических наук». Эта Академия ставила перед собой задачу разрешения социальных вопросов в том духе, как это желательно было передовым представителям промышленного капитализма той эпохи. Виллермэ поручили обследовать положение рабочего класса. Это было сделано потому, что в глазах некоторых промышленников уже совершенно назрела потребность перехода от простой хищнической эксплоатации рабочего класса к более совершенной форме эксплоатации, к той форме, какая уже появилась в Англии в те же го-

ды. И вот поскольку сама крупная промышленная буржуазия высказывалась за то, что нужно провести кое-какие реформы, Академия тоже пошла навстречу движению и поручила Виллермэ произвести его «анкету». Виллермэ прекрасно справился со своей задачей. Он «приоткрывает покрывало» ровно настолько, насколько это были готовы сделать и сами крупные фабриканты. Но обнаруженные факты для большинства публики той эпохи были совершенно неизвестны, и книга произвела большое впечатление. Оптимист Виллермэ везде в своей «анкете» постарался смягчить тон своих красок. Вы чувствуете это, читая уже его I том, а когда читаете II том, то твердо убеждаетесь. что он написан для того, чтобы окончательно стереть остроту впечатления, произведенного I томом.

Тарле все это прекрасно знает и не скрывает от читателя, что Виллермэ — оптимист. Но он подчеркивает «беспристрастие» Виллермэ и позволяет себе утверждать, что факты, собранные этим прекраснодушным оптимистом, «гармонически дополняют французскими иллюстрациями тот английский материал, который был несколько позже обработан в знаменитой книге Энгельса «О положении рабочего класса в Англии». Так Тарле разрешает для себя задачу исследования вопроса о положении рабочего класса.

В заключение еше один характерный штрих. Как оценивают за границей ту статью Тарле, которая была, как правильно отметил Николай Михайлович, напечатана в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» (хотя между прочим я должен оговорить, что «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» печатал не только статьи Тарле, но и статьи, направленные против Тарле, т. е. редакция журнала «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» поступала по отношению к Тарле совершенно так же, как и редакция журнала «Историк-марксист»). Итак интересно установить, как расценивается французскими учеными последняя работа Тарле. Нужно сказать, что в своей статье о лионском восстании Тарле не упомянул целого ряда французских работ, так или иначе близких к этой теме. Такой поступок конечно чрезвычайно неприличен. Если бы статья была написана истинным марксистом и был бы совершен такой грех, то вообразите, какова была бы отповедь по адресу нашего брата—марксиста.

Что же мы видим во французской буржуазной печати? В «Revue historique» в одной из книжек этого года дается оценка статьи Тарле. Статья эта стала известна во Франции потому, что была переведена и напечатана в «Revue marxiste» (отмечу кстати, что автор заметки в «Revue historique» — историк Леви Шнейдер — тоже писал о Лионе, но и его имени Тарле не назвал в своей статье). Леви Шнейдер нисколько не удивлен тем обстоятельством, что «давно оцененный» русский усторик Тарле выступает в «Revue marxiste». Это первое, что надо отметить. А как критикует его статью буржуазный ученый? Он мягко указывает, в первую очередь, что автор не упомянул ряда работ, затем высказывает несколько критических замечаний, весьма второстепенного характера. Леви Шнейдер указывает например, что автором допущены некоторые неправильные названия имен, что Тарле дает неверную характеристику генерала Рогэ, начальника лионского гарнизона; что некоторые факты противоречат представлению об абсолютно локальном характере восстания 1831 г., что попытка придать движению политический характер все же имела место... Вот и все. что смогла сказать буржуазная критика по поводу статьи, напечатанной во французском марксистском журнале! Поистине «рыбак рыбака видит издалека»: розовая оболочка марксистообразной фразеологии Тарле не может обмануть французского критика. В «Revue historique» отлично понимают, что Тарле, хотя и печатается на страницах марксистского журнала, но неизменно останется «давно оцененным» буржуазным историком, с которым классовые враги французского и мирового пролетариата — «свои други».

В. Далин. Я хочу коснуться характеристики работ Тарле. Я хочу показать, что во всей деятельности Тарле, во всех основных исторических работах, как бы они формально далеко ни отстояли от

политики, в основном проводились и защищались определенные политические тенденции.

Я начну с работ Тарле, посвященных рабочему классу в Великой французской революции. Казалось бы, сама тематика этих работ чрезвычайно левая, отнюдь не типичная для буржуазного историка. Тарле, первый из русских историков, взял в качестве темы для своих работ рабочий класс. Характеризуя рабочий класс во время Великой французской революции, Тарле подчеркивает, что совершенно неправильно недооценивать степень сознательного участия рабочего класса в событиях революции. «У рабочей массы было довольно отчетливое понятие об экономических нуждах, было и понятие (несравненно менее распространенное) о несправедливости лишения избирательных прав, проявляется иногда раздражительно высказываемое убеждение — «богатство создается руками рабочих», намечается стремление к профессиональной организации, нашлось умение планомерно вести экономическую борьбу в течение двух месяцев; словом, с точки зрения интеллектуального уровня рабочие рисуются гораздо выше, чем по шаблону принято о них судить» [4].

Как будто бы очень высокая, несвойственная буржуазному историку, оценка рабочего класса. Однако она у Тарле проводится именно для того, чтобы подчеркнуть, что эта высокая степень сознательности рабочего класса, его способности к экономической борьбе, была связана с отказом рабочих от самостоятельных требований и выступлений в вопросах политических. Рабочий класс сознательно решил себя самоограничить. «Все это явления порядка волевого... Не столько в недостатке понимания своего положения, сколько в недостатке реальной силы для борьбы — разгадка психологии рабочего класса в эти годы...» Во всех политических вопросах рабочий класс следует за буржуазией. Тарле пишет, что рабочие чувствовали себя непреодолимыми, когда буржуазия шла вместе с ними (14 июля), еще сильными тогда, когда она им только не мешала (5—6 октября), и слабыми, когда она враждебно поворачивалась против них. «Не имея возможности выступить самостоятельно, они и старались приспособиться к правящим кругам, перевести их на свою сторону». Таким образом по Тарле тактика рабочего класса была именно в том, что он сознательно пошел на поддержку буржуазии, «стихийная сила, громившая Ревельона, всецело стала на сторону буржуазии, пошла за этим гегемоном».

Эта тенденция абсолютно естественна. Не забудьте, что эта первая работа Тарле примыкает к годам первой революции. Это был период, когда Тарле был левым кадетом и когда в своей книге о «Падении абсолютизма в Западной Европе», говоря о России, он подчеркивал, что относительно русской буржуазии сомневаться не приходится, русская буржуазия столковаться с царизмом не может, «совершенно лишена возможности, не совершая классового самоубийства, мириться хотя бы временно с нынешним царизмом» [5]. Отсюда ясно, что рабочий класс в России должен поддерживать крупную буржуазию и что сила рабочего класса сейчас именно в блоке с буржуазией. «Капиталистическая буржуазия быть может и много рабочей крови прольет, но не в союзе с нынешним абсолютизмом». Только при этих условиях политическая революция может победить.

Вот, как видите, совершенно четкая политическая тенденция, которую проводил в своей работе Тарле. Отсюда вытекает у Тарле положительная оценка в тот период роли якобинизма. Тарле писал: «Часто грустят по поводу «вандализма якобинцев», сжегших такие-то произведения Гобеленов, разбивших такие-то севрские вазы. История рабочего класса во всяком случае скажет, что относительно рабочих якобинцы «вандалами» отнюдь не были... Ни одно правительство не проявило такой широты во взглядах и такой гуманности к рабочим, как именно якобинцы 1793/1794 гг.» [6]. Этот вывод — подчеркивал тогда исто-

[4] Е. Тарле, Рабочий класс во Франции, т. I, с. 149.

[5] Е. Тарле, Падение абсолютизма в Западной Европе, с. 131—132.

[6] Е. Тарле, Рабочие национальных мануфактур, с. 98 и 197—198.

рик — относится не только к рабочим национальных мануфактур; якобинский период был «новой, эфемерной и счастливой конъюнктурой» для рабочей массы.

Выгодность для рабочих господства революционной буржуазии еще нагляднее доказывает, что на примере политического самоограничения рабочего класса, которое он проявил во время Великой французской революции, должен учиться русский пролетариат. Когда вы читаете первые два выпуска работы Тарле, вы видите, как в них проходит основная политическая тенденция, что рабочий класс должен себя самоограничить. Отсюда вытекает, что Тарле отрицает какое бы то ни было значение за самостоятельными политическими выступлениями рабочего класса. Когда он выступает самостоятельно — он слаб.

Надо сказать, что Тарле эволюционировал. Когда «левый фланг демократии» из союзников слева превратился в соседей слева и в противников слева, когда буржуазия пошла на примирение с царизмом, Тарле в своем втором томе о рабочем классе проводил совершенно другую точку зрения. В книге о «Рабочих национальных мануфактур» он пытался доказать, что положение рабочего класса в эпоху якобинизма резко улучшилось, и отметил, что этот вывод относится не только к отдельным отраслям, но и ко всему рабочему классу всех отраслей промышленности. Тарле заявил, что в следующих томах он это покажет, но следующий том вышел в 1912 году, т. е. тогда, когда Тарле вместе с русской буржуазной интеллигенцией резко эволюционировал направо: иллюзии о возможности «якобинского» периода в России, союза буржуазии с рабочим классом отпали. В новой книге нет уже ни слова об улучшении положения рабочего класса. Зато там подчеркивается, что рабочий класс в высшей степени несознателен что он борется только за хлеб и что он идет за Наполеоном, если Наполеон дает ему хлеб; и идет за якобинцами, если якобинцы дают ему хлеб.

Вместо прежнего противопоставления активности в экономической борьбе и своеобразного «аполитизма», волевого сознательного признания политической гегемонии буржуазии Тарле сводит теперь все массовое движение к «одной определенной мысли... и м н у ж е н б ы л х л е б, которого они ждали теперь от республики, как прежде от короля, а потом от Бонапарта»... «массы переходили из-под одной власти под другую и вечно молили своих новых господ о помощи»[7].

Положение рабочего класса в эпоху якобинцев нисколько не улучшилось. Тарле подчеркивает, что вся рабочая политика Конвента «производит впечатление совершенно определенной, крутой и решительной борьбы против рабочих»[8]. А всего лишь несколько лет назад тот же самый автор формулировал абсолютно противоположный вывод: «Время господства монтаньяров оказалось единственным за все десятилетие, когда правительственная власть, нисколько не боясь рабочих, относилась к ним вместе с тем в п о л н е и с к р е н н е, б л а г о с к л о н н ы м о б р а з о м, н а и б о л е е п о с л е д о в а т е л ь н о д е м о к р а т и ч е с к и»[9].

В этих работах, которые являются основным вкладом Тарле в историческую науку, ясно видно, как резко варьировались политические тенденции Тарле, а в непосредственной зависимости от политических взглядов коренным образом изменялись и оценки по основным вопросам его исследования.

Ни в одной из своих работ Тарле не мог показать самостоятельную роль рабочего класса. Вот почему работы Тарле являются для нас в лучшем случае сборником материалов об экономическом положении рабочего класса и ни в коем случае не могут характеризовать роли рабочего класса в эпоху Великой французской революции.

Тарле чрезвычайно гибко приспособляется к изменению политической обстановки: в 1905 г. он сдвинулся влево (и получил даже сабельный удар в го-

---

[7] Е. Т а р л е, Рабочий класс, т. II, с. 276.
[8] Там же, с. 234 и 415.
[9] Е. Т а р л е, Рабочие национальных мануфактур, с. 201: «Это один из тех выводов, которые подтверждаются также данными, относящимися к рабочим частных промышленных предприятий».

лову), в 1911/1912 г. он сдвинулся вправо. Тогда якобинцы получили у него совершенно другое освещение, и роль рабочего класса в революции также получила совершенно иное освещение.

Если вы всмотритесь в изображение тех же фактов Великой французской революции у Тарле в 1917 г., вы увидите, как опять оценка тех же исторических событий изменяется по соображениям политической целесообразности.

Возьмем вопрос о роли террора. Тарле, который в своем втором томе бичевал якобинцев за применение террора, в 1917 г. вдруг вспомнил, что террор необходим. Это было в июльские дни 1917 г., Тарле выступил с рядом статей в «Дне», где он доказывал, что положение чрезвычайно тяжелое, и спастись можно только при одном условии, а именно если мы вспомним опыт Великой французской революции. Тарле горячо приветствует восстановление смертной казни Керенским и ссылается на то, что Робеспьер тоже сперва был противником смертной казни, но опыт революции доказал ему необходимость гильотины. При этом гильотина направлена была отнюдь не только против аристократов, но и против рабочих, крестьян и т. д. Вслед за головой Марии-Антуанетты покатилась голова башмачника. Тарле доказывает, что если мы не сумеем воспринять этого опыта Великой французской революции, русская революция погибнет. Он требовал, он писал так: «Суровейшая, беспощаднейшая судебная репрессия по отношению ко всем мародерам, в каком бы виде они ни являлись, чем бы ни прикрывались, во фраке ли, в рабочей ли куртке, крестьянском зипуне». «Честь и историческая репутация нашего поколения» зависят от того, насколько правительство окажется способным на «разумное, логическое, единственно целесообразное следование примерам Великой революции» [10].

В июльские дни 1917 г. Тарле делает другой вывод из опыта Великой французской революции, чем в 1912 г., и пусть г. Тарле не сетует на нас, если мы сейчас вспомним его формулировку и приложим ее к нему самому.

Однако достаточно было притти 1918 г. и достаточно было гильотине заработать не по отношению к рабочим курткам, а по отношению к людям во фраке, как появляется работа Тарле о «Революционном трибунале», о которой здесь говорил Н. М. Лукин. Тут он доказывает, что террор — это безобразное уничтожение людей. Он пишет, что «процесс жирондистов явился в полном смысле слова юридическим убийством, открывшим собой длинный ряд последующих деяний того же рода», он говорил о «губительнейшей роли, сыгранной темными и определенно преступными элементами...» «Настроение голодных, озлобленных, подозрительных городских масс... толкало якобинцев на путь кровавых эксцессов и репрессий».

В 1918 г. террор — это кровавые репрессии, безобразное уничтожение людей и т. д., а в 1917 г. это, видите ли, спасительная гильотина, и, если мы ее не используем, то погубим честь и славу данного поколения русского общества. Вот вам пример, как в глазах буржуазного историка Тарле опыт Великой французской революции в разные периоды приобретал совершенно разное значение.

Я перейду теперь к группе работ Тарле после 1918 г. Совершенно очевидно, что эти работы представляли собой только маскировку под марксизм, и очень печально, что были товарищи, которые называли себя марксистами и защищали эти работы.

Для выяснения «марксизма» Тарле достаточно привести данную в «Европе в эпоху империализма» характеристику американского империализма с 1914 по 1925 г. Произошло резкое изменение в экономике Америки: «Анонимные общества, являющиеся типичными организационными ячейками среднего и мелкого капитала», чрезвычайно умножились. Число акционеров в Америке возросло до 5 миллионов: «Прежние владельцы в Standard Oil очень сильно ограничены в своих правах и былом всевластии... Долго ли продлится это внезапно проявившееся упорное противодействие мелкого и среднего капитала всепоглощающе-

[10] «День» за 1917 г., ст. Е. Тарле, О спасении армии (18 июля); «Двенадцатый час» (26 июля).

му крупному капиталу? Во всяком случае, эта быть может кратковременная «демократизация» капитала служит пока почвой для укрепления и агрессивности того социального консерватизма, который проявляется в политике Гардинга и Кулиджа»[11].

Развитие и экспансия американского империализма является результатом «демократизации капитала». Вот рассуждения человека, который называл себя марксистом.

Антантофильские симпатии — очень определенного политического характера, как показал М. Н. Покровский,—совершенно очевидны и образуют стержень книги. А Тарле еще полемизировал по этому поводу! Что основные установки историка-империалиста, ярого шовиниста в годы войны, нисколько не уменьшились и в послевоенные годы, видно кроме книги и из статьи в «Былом» (1922 г.) «Германская ориентация и Дурново в 1914 г.». «Нелепые стремления Вильгельма II и его друзей,—писал Тарле,—доказать, будто Антанта и в частности Россия начала войну, осуждены были на безнадежную неудачу».

В политике России было два течения: одно, основанное на инстинкте самосохранения (Витте, Дурново), другое — империалистическое (!!), попиравшее этот инстинкт. Вы думаете, что это империалистическое течение хотело войны. Нет, в этой статье Тарле подчеркивает, что никто даже из сторонников этого течения войны не хотел. «Ни Антанта вообще, ни особенно Россия в 1914 г. не желали войны н и в к а к о м с л у ч а е, вследствие явно сознаваемой несовершенной боевой подготовленности. Германия же была в полной боевой готовности... Немедленно в 1912, 1913, 1914 гг. никто из сторонников этого русско-империалистического течения т а к ж е в о й н ы н е ж е л а л; максимума боевой готовности можно было достигнуть лишь через несколько лет».

В 1922 г., как и во время войны, Тарле защищал и реабилитировал даже царскую Россию, боролся за антантофильский тезис о виновности одной Германии. В этом не может быть никакого сомнения. Этот свой тезис Тарле протаскивал через всю свою книгу.

Как нужно понимать стремление явно буржуазного историка-империалиста Тарле подделаться под марксиста? Я думаю, что это нужно понимать так, что он искал легальных возможностей.

В 1917 г. Тарле поставил вопрос о том, что, так как Россия вышла «сепаратно» из войны, значит Антанта победить не может. Отсюда он делал вывод, что предстоит целая серия новых войн. «После Тильзита был Лейпциг. Брестом не кончается всемирная история. Одолеть Вильгельма Англия может лишь серией войн». Эта война нами проиграна. Фикция, будто нас оставят в покое. Стране не позволят удерживать для себя свои природные богатства. Россия неминуемо очутится и очень скоро между двумя борющимися гигантами. «Обе группы держав будут иметь могучие средства воздействия на Россию вплоть до непосредственного занятия новых частей руской территории»[12].

Отсюда вывод, что Россия была, есть и будет. Порядок как-нибудь образуется. «Надо будет восстанавливать боевую мощь страны, надо будет восстановить армию, надо будет зорко вести внешнюю политику». Отсюда тогда, в 1917 г., у Тарле и установилась политика выжидания, определенное понимание вещей. Тарле в своей статье об Англии и Турции (в «Анналах») доказывал, что советская Россия ведет правильную политику по отношению к Кемаль-паше, что другой политики ни стратегически, ни политически вести нельзя, что России безопаснее и выгоднее иметь соседями по Кавказу турок, чем англичан. «Конечно, Севастополь, Одесса и Николаев находятся в более надежном положении, когда в Босфоре стоит турецкий флот, а не английский». Нашу восточную политику Тарле пытался толковать как традиционную русскую политику. «Все равно, если бы даже Россия не вышла из войны до 1913 г., если бы она приняла деятельное участие в Версальском, С.-Жерменском, Севрском договорах —

[11] Е. Тарле, Европа в эпоху империализма.

[12] «День», 21 декабря 1917 года, «Перспективы».

возобновление (пока дипломатическое) англо-русской борьбы было бы очевидным и неминуемым»[13].

Неслучайно, что все работы Тарле после 1917 г. в огромной части посвящены проблемам внешней политики. Тарле-политик исходил из определенной перспективы. Брестом история не закончена — страна будет втянута в международную борьбу, которая и решит внутренние вопросы. Кафедру Ленинградского университета Тарле и использовал для подготовки к функциям министра иностранных дел.

М. Н. Покровский как-то иронизировал над Тарле: не слишком ли много вы напустили на себя марксизма, пожалуй вас не узнают за границей. Но за границей — мы касаемся только Тарле-ученого — его выступления носили более яркий характер. 9 ноября 1929 г. Бриан выступил в палате с предложением о создании Пан-Европы, а меньше чем через месяц Тарле выступил в качестве кандидата на пост министра иностранных дел с кафедры-трибуны Сорбоннского университета на тему о «Континентальной блокаде как попытке создания пан-европейского союза». «Континентальная блокада» это как будто самая отвлеченная, совсем не политическая работа Тарле. Однако этот политик-историк использует такую «нейтральную» тему для того, чтобы салютовать с кафедры Сорбонны Аристиду Бриану. Когда он докладывал, что неверно думать, будто Наполеон осуществлял только идеал деспотизма, что была предварительная попытка создания единства экономических интересов, начало организации экономического единства континента, Тарле также грубо искажал смысл и цель блокады, как Бриан — цель Пан-Европы. Но в амфитеатре Мишле, который был наполнен лысыми и седыми головами историков и дипломатов, смысл выступления был ясен. Неслучайно, что по окончании доклада Тарле ректор подчеркнул, что над идеей наполеоновской Франции работает Лига наций. Дело в том, что Тарле делал доклад, который является салютом политика, остающегося пока вынужденно на почве истории, Лиге наций под французским руководством.

Когда мы рассматриваем исторические работы Тарле, нам необходимо подчеркнуть и во всеуслышание сказать, что мы имеем здесь во всех случаях дело с буржуазным политиком. Все его работы в области международной политики — это защита Антанты для подготовки капиталистической реставрации.

А. Нифонтов. В своем выступлении я хочу остановиться на выяснении общих методологических установок крупнейшего из упоминавшихся сегодня историков — Д. М. Петрушевского; в частности на выяснении того, насколько близок был Д. М. Петрушевский к марксизму, и как и когда менялось его отношение к марксизму. Несмотря на то, что этот вопрос ставился в дискуссии 1928 г., четкого освещения он тогда не получил. А за этим вопросом нельзя не признать значительного интереса.

Работы Д. М. Петрушевского всегда отличались принципиальностью установок — основные методологические проблемы всегда были в центре его внимания. Его вступительные лекции и «введения» к крупным работам обычно содержали ясное указание на отношение автора к этим проблемам и на их разрешение им. Это обстоятельство в значительной степени облегчает мою задачу тем более, что такого рода очерки довольно многочисленны и охватывают тридцатилетний период, т. е. время достаточное для суждения о той основной тенденции, которая свойственна развитию методологического credo Д. М. Петрушевского.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих очерков, необходимо сделать два замечания. Во-первых, «введения» надо рассматривать как органическую часть очередной работы или ее нового издания (в этом отношении введение к «Очеркам» 1928 г. не является исключением), и я полагаю, что обратная точка зрения категорически была бы отвергнута самим автором, все труды которого отличаются большой тщательностью и точностью и структуры, и формулировок. Во-вторых, мы можем констати-

[13] Е. Тарле, «Анналы» № 4, ст. «Англия и Турция».

ровать, что с 1928 г. в интересующем нас вопросе позиция Д. М. Петрушевского не изменилась: 3-е изд. «Очерков по истории английского государства и общества в средние века» (1930) имеет в качестве введения статью 1923 г., и в этой работе, как и в статье о П. Г. Виноградове («Труды Академии наук», 1930), читатель отсылается к введению «Очерков» 1928 г. [14].

Первая из использованных мною работ — вступительная лекция Д. М. Петрушевского в Варшавском университете «О задачах всеобщей истории как науки» — относится к 1897 г. Напомню, что в этом году вышел уже I т. «Восстания Уота Тайлора», автор уже вполне сложившийся ученый. Лекция эта начинается с указания на кризис в исторической науке (тезис, повторяемый почти во всех аналогичных очерках, до 1928 г. включительно) и на необходимость научной точки зрения в общественных дисциплинах. Затем следует совершенно верно отмеченный факт «тесной связи между исторической наукой и современной ей жизнью», и далее мы находим любопытную фразу о том, «что история не переставала служить чисто практическим целям, как подчас ни далеки были эти цели от сознания деятелей науки». Логически отсюда следует то, что общие методологические установки исторически обусловлены, и в качестве примера этому Д. М. Петрушевский берет исторический материализм, пришедший «на смену историческому идеализму». Однако по мнению Д. М. Петрушевского общим слабым местом и исторического идеализма и исторического материализма является их претензия на «безусловное и абсолютное значение». По мнению автора «строгая наука» должна преодолеть эту однородность: подъем науки на Западе создал социологию, которая при ряде уязвимых мест имеет бесспорное достижение — эволюционную точку зрения, чуждую односторонности. Однако социологическая точка зрения приводит к сознанию крайней сложности общественных явлений, к необходимости начать изучение с простейшего и таким простейшим указываются: явления экономические, затем социальные и наконец политические. Придя к такому заключению, проф. Петрушевский спешит добавить, что, приняв эту установку, «...историк... совершенно далек от экономического материализма» и что предпочтение экономическим явлениям, а затем социальным и политическим вызывается соображениями исследовательской практики. Социология, имеющая целью установление законов развития общества — дело будущего. И наконец в лекции мы находим твердую уверенность в том, что строго научному сравнительному методу принадлежит будущее.

В этой лекции наряду с верным положением о связи наук ис жизнью и неизбежной исторической обусловленностью научного мировоззрения мы имеем очевидную попытку преодоления этой исторической обусловленности на основе «достижений» европейской науки (социология, эволюционная точка зрения). Вывод несколько неожиданный. Затем при признании заслуг исторического материализма (в следующей статье, как увидим, это сказано вполне ясно), мы видим совершенно четкое отграничение «строгой» науки от «одностороннего марксизма» путем признания необходимости первоначального изучения простейших явлений лишь как приема исследования наиболее целесообразного.

Получается совершенно определенное положение: Д. М. Петрушевский 30 с лишним лет тому назад вполне признает положительное значение исторического материализма, в своих исследованиях идет в сущности его же путем, но в то же самое время, отрицая марксизм как одностороннюю точку зрения, явно пытается преодолеть его, считает, что возможна «строгая наука», которой европейская научная мысль указывает путь.

Вторая работа — очерк «О «Задачах и методах науки всеобщей истории» — относится к 1904—1905 гг. и содержит развернутые формулировки тезисов лекции 1897 г., хотя в этой работе можно уже

---

[14] Этот очерк яляется введением к «Очеркам по истории средневекового общества и государства», напечатанным в книгах «Научное слово» за 1904/05 г. и вышедшим в 1-м изд. отдельной книгой в 1907 г.

усмотреть корни следующих этапов мировоззрения Д. М. Петрушевского. Это введение начинается с указания на начавшуюся «энергичную работу философско-критического пересмотра основных исторических (социологических) понятий... уже и теперь оказывающую свое освежающее и оздоровляющее влияние на научную атмосферу...» Любопытна затем фраза о том, что эта работа показала «в лучшем случае, поверхностность и наивную (в философском смысле) субъективность» утвердившихся в исторической науке рубрик, схем и классификаций. Отмечая затем, что «общественная наука должна быть чужда всякого догматизма», автор более детально останавливается на оценке исторического идеализма и исторического материализма. Слабым их местом является не предвзятость установок (свободной от всяких предвзятых идей науки «не существует и никогда не существовало»). Минус обоих этих направлений—в искусственном упрощении, в «стремлении свести к одному началу все разнообразие общественных явлений». Но наряду с этим Д. М. Петрушевский полагает, что «исторический материализм является значительным шагом вперед сравнительно с идеализмом...». Мало этого, особое внимание к материальной стороне исторического процесса и «попытку перевести идеи на язык хозяйственных и социальных отношений» автор считает «здоровой, неумирающей стороной марксистского движения...» «Это была настоящая социалистическая программа... и как общую методологическую программу ее следует и понимать, и в этом смысле материалистическая доктрина еще долго будет служить богатым источником плодотворных импульсов для исследователей общественной эволюции...»

Как видим, и в этот период Д. М. Петрушевский признает заслуги марксизма, но лишь как «общей методологической программы». В своих практических работах он в общем исходит из тех же начал, но наряду с этим пытается опереться на «новейшие достижения европейской философской мысли», основывающиеся на возрождении кантианства (тезис о «наивной субъективности» утвердившихся рубрик, схем и классификаций). В этом очерке по сравнению с лекцией 1897 г. мы имеем более твердый и определенный тон в попытке преодоления марксизма.

Принципиально иную установку Д. М. Петрушевского мы имеем в статьях и работах 1915—1917 гг. — я имею в виду статью «О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности» [15].

В кратком предисловии к 4-му изданию «Очерков» мы находим совершенно ясное указание на то, что по мнению автора «феодализационный процесс и феодализм не предполагают какой-нибудь определенной хозяйственной структуры общества, которая бы являлась их экономическим базисом». Автор указывает, что он внес в книгу «весьма существенные изменения», «в соответствии с его основными точками зрения на ход средневекового общества и политического развития». И мы действительно видим, что и в введении, и в тексте работы внесены крупные изменения, ясно сигнализирующие сдвиг в мировоззрении Д. М. Петрушевского. Я не буду останавливаться на весьма известном введении к «Очеркам» 4-го издания. Отмечу лишь, что, полемизируя с Риккертом, Д. М. Петрушевский стоит на той точке зрения, что логическое существо истории то же, что в любой науке, и именует метод «отнесения к ценности» чисто «психологическим моментом», играющим, впрочем, крупную роль в выборе объектов исследования и направлении научного интереса.

Однако уже в этом введении мы встречаем мысль о переработке конкретной исторической действительности в «идеально-типические чистые понятия», и среди книг, указанных для более обстоятельного ознакомления с проблемами, затронутыми в введении, указана работа М. Вебера — «Objektiwität». Введение, по словам автора, написано заново, и мы напрасно стали бы в нем искать ка-

[15] Напечатана в «Известиях Политехн. института» за 1915 г. и в качестве введения к 4-му изд. «Очерков» 1917 г.

кого-нибудь упоминания об историческом материализме. Этого мало, в текст этого введения включены целиком страницы введения к 1 изданию «Очерков», посвященные изложению философии Гегеля, и из этих страниц как раз выброшен абзац, упоминающий о том, что «для своего времени это идеалистическое движение было едва ли менее плодотворно и в общественном, и в научном отношениях, чем современное нам материалистическое (в скобках автор отмечает «марксистское» — **А. Н.**) движение...»

В этом введении 1917 г. мы имеем заметный отход Д. М. Петрушевского от марксизма в сфере и конкретного исторического анализа. В этом очерке нет и упоминания о «заслугах» марксизма, и в противоположность этому имеются признаки влияния М. Вебера. Весьма характерно, что, сохранив в конце введения старый тезис о преимуществе исторического изучения с простейших явлений действительности, Д. М. Петрушевский перечень «простейших явлений» дает в обратном порядке: политические явления, социальные и наконец — экономические. И в таком порядке на протяжении одного абзаца эти явления указаны трижды. Учтя сказанное, счесть это простой случайностью, мне кажется, нет никаких оснований.

За отсутствием времени я не буду особо останавливаться на очерке Д. М. Петрушевского «Феодализм и современная историческая наука» (сборник в честь Кареева, 1923 г.), в котором мы имеем в зачаточном виде многие положения введения к «Очеркам» 1928 г. Укажем лишь, что в этой статье есть ссылка на «Очерки» 1917 г. с указанием, что уже тогда автор пришел к заключению, что «феодализм не может быть ориентирован не только на натуральное хозяйство (которого не существовало в средние века), но и на хозяйство вообще».

Логическим завершением статей 1915—1923 гг. является введение к «Очеркам из экономической истории средневековой Европы», вышедшее в 1928 г. В этой работе Д. М. Петрушевский открыто и ясно становится на точку зрения Макса Вебера и Риккерта, пытаясь заключить в одну цельную систему их подчас исключающие друг друга взгляды. Вопреки своим утверждениям в рассмотренных уже нами статьях более ранних лет Д. М. Петрушевский в этом введении полностью принимает метод отнесения к «культурным ценностям», с явной иронией говорит об «увлечениях» эволюционной идеей и сравнительным методом и совершенно открыто становится на плюралистическую точку зрения «современной» идеалистической теории познания, восходящей к Канту. В полном согласии с такого рода установкой стоят неоднократные выпады автора против «методологического натурализма»: речь идет об ограничении в своей компетенции «безраздельно господствовавшего до тех пор во всех областях научного знания методологического натурализма», ставится вопрос о «философском преодолении» его и прямо указывается, что методологический натурализм «тормозит их (социальных наук— **А. Н.**) нормальное развитие, направляя научный интерес по ложным путям и к призрачным целям...» Достаточно сопоставить эту фразу с признанием заслуг марксизма в статье 1907 г., чтобы стали ясны те изменения, которые произошли в научном мировоззрении Д. М. Петрушевского.

Подведу краткие итоги. На основании рассмотрения специальных методологических очерков Д. М. Петрушевского за тридцатилетний период мы можем утверждать, что автор их никогда не принимал марксизм как законченную систему, и его попытки преодоления марксизма относятся еще к девяностым годам. Однако наряду с этим Д. М. Петрушевский, начиная исследования с «простейших явлений», практически шел в своих работах путем, близким к марксизму. Отсюда и возникло мнение о близости проф. Петрушевского к марксизму и о воспитании под его влиянием ряда историков-марксистов. С течением времени ориентация Д. М. Петрушевского на «достижения» новейшей западноевропейской научной мысли крепнет, и «преодоление» марксизма принимает более четкие формы. Уже в очерках 1915 — 1917 гг. мы имеем явный отход его от марксизма и в практических исследова-

тельских работах, логически развившийся в принятие идеалистической по существу концепции. М. Вебера, Риккерта и Виндельбанда в последующие годы.

Ц. Фридлянд. Мы сегодня конечно не сможем исчерпать нашей темы. Остается целый ряд контрреволюционных фигур, роль которых в последнее время достаточно ясно и отчетливо выявлена и которых мы к сожалению сегодня как историков подробно разобрать не сможем, хотя это и следует сделать.

Например совершенно очевидно, что нам необходимо было бы, говоря о писателях-контрреволюционерах, которые писали на исторические темы, внимательно проанализировать работы Троцкого. Он немало писал по вопросам, связанным с историей рабочего движения на Западе (Англия, Франция и т. д.). Внимательный анализ высказываний Троцкого в этих книжках представляет большой политический интерес. Я надеюсь, что это будет тема одной из наших ближайших бесед.

Несколько замечаний о группе попутчиков. Мы прекрасно помним то, чему учил нас Ленин. Мы знаем прекрасно, что пролетариат и компартия должны уметь привлекать тех специалистов, которые вместе с ними ведут работу по строительству социализма. «Ура-коммунизм», ультра-«левое» комчванство, которое свелось бы к тому, чтобы отбросить всех, кто хочет работать с нами, было бы совершенно неправильной, политически вредной линией поведения. Поэтому, когда мы подходим к вопросу о попутчиках, а это и есть тема моего краткого выступления, мы должны взять этот вопрос конкретно; мы должны знать, о каких попутчиках идет речь в нашей области, даже более точно — о каком попутчике идет речь. Попутчик попутчику рознь. Мы должны уметь отделить того беспартийного историка, который работает с нами, искренно хочет помочь нам при изучении истории, внимательно изучает нашу политическую жизнь, строит с нами социалистическое общество, от тех попутчиков, которые хотя и прикрываются марксизмом, но служат нашим врагам. Если в отношении первой группы попутчиков мы имеем одно решение, то по отношению к другой группе попутчиков у нас позиция другая, ясная и политически отчетливая.

Общество историков-марксистов, проведя за время своего существования большую кампанию по разоблачению буржуазной историографии, смогло показать, как часто теоретический анализ дает нам возможность вскрыть политическое существо самых абстрактных исторических исследований. Мы оказывались правы в нашем анализе, потому что мы смотрим на историю как на политическую науку и увязываем историю не вообще с задачами пролетариата, а с конкретными политическими задачами сегодняшнего дня, стоящими перед партией и соцстроительством.

Нужно твердо запомнить мысль, которую высказал недавно М. Н. Покровский, что дело идет не «вообще» о марксистской исторической науке, а необходимо добиться увязки нашего исследования с конкретными политическими задачами сегодняшнего дня. История должна в нашей стране стать политической наукой в полном смысле этого слова. Это как раз возмущает мелкобуржуазного радикала Матьеза. Но с точки зрения коммунистов именно эти совершенно конкретные политические задачи исторического исследования должны стать для нас руководящими.

Вот передо мной историк П. Ф. Преображенский. Он читает курс в наших университетах, он пишет книги об империализме и т. п. Мы в его книгах найдем не только ссылки на Маркса и Ленина, но и прямое утверждение с его стороны, что он выполняет ленинскую задачу в области изучения истории, скажем, Европы эпохи империализма.

Присмотримся несколько ближе к этому конкретному попутчику и посмотрим, к какой группе этот попутчик принадлежит. Предо мной книга Преображенского «Тертуллиан и Рим». Из этой книги-монографии мы узнаем, что Преображенский посвящает свой труд своему учителю, проф. Випперу. В этом нет ничего зазорного. Много историков прошло семинарий историка проф. Виппера, но это разно повлияло на политиче-

ское и социальное мировоззрение историков. Мы знаем, что семинар проф. Виппера дал людей, которые являются коммунистами и марксистами, и дал П. Преображенского.

Нужно прямо сказать, что тот учитель, которому преподносит свою книгу проф. Преображенский, наложил очень серьезный отпечаток на все мировоззрение последнего. Проф. Преображенский утверждает, что условия русской революции не создали благоприятных условий для спокойной работы исследователя, но вместе с тем это событие имеет тот плюс, что способствует смелости синтетических построений. Он напоминает: «Истинная мудрость приходит с годами, а мудрые пишут только для себя». Проф. Преображенский не достиг еще этой ступени мудрости. Он свои истины преподает с университетской кафедры и излагает в книгах. Он анализирует историю христианства под «ахристианским» углом зрения и повторяет во многом зады Б. Бауера (не мешало бы нашим атеистам уделить внимание книге проф. Преображенского!). Он критикует теорию первобытного коммунистического строя, но приемами своего соратника — Неусыхина. У допшианца Неусыхина есть одна только марксистская мысль во всей книге, гласящая, что «Маркс стоял на точке зрения не догматического, а критического рассмотрения вопросов». Примерно такое же пользование Марксом мы видим у Преображенского. Преображенский говорит, что теория первобытного коммунизма «является посторонним ингредиентом в системе Маркса».

Правда, в этой книге есть довольно замечательное послесловие. Автор выражает в нем сожаление, что эти страницы были напечатаны и не были во-время выброшены.

Мы ведем борьбу с Допшем и русскими допшианцами, мы ведем борьбу с М. Вебером, но посмотрим, что говорят об этом некоторые специалисты с кафедры Московского университета.

«По существу чистого натурального хозяйства мы почти не знаем, и существование такого хозяйства... является просто экономическим мифом... Мы имеем здесь дело не с реальным явлением, а с некоторым идеальным типом хозяйства, которого на самом деле в природе не существует...». И дальше — «вместо единой линии развития мы имеем перед собой чрезвычайно пеструю картину хозяйственных форм, тяготеющих к известного рода идеальным типическим понятиям...»

После того, как мы в продолжение нескольких лет ведем упорную борьбу за марксистскую методологию истории против допшианства, против веберианства и т. д., с кафедры Московского университета под видом марксизма преподносятся подобные перлы исторического исследования.

Свою мысль Преображенский продолжает и дальше. Мы находим на 102 странице книги открытую солидаризацию с теориями Допша по вопросу о падении Римской империи, о средневековом хозяйстве и т. д. Но самое возмутительное в этой книге это то, что, говоря такие заведомо антимарксистские вещи, проф. Преображенский умудряется апеллировать к Марксу и марксистам и ими защищать свою точку зрения. Как правильно говорил т. Лукин, самой злостной группой среди наших врагов являются лица, подобные Тарле, которые, прикрываясь Марксом, пропагандируют контрреволюционные задачи и цели. Задачей коммунистов-марксистов является не сваливать всех буржуа-историков в одну сплошную кучу, особенно при оценке тех или иных попутчиков, но разоблачать попутчиков, которые прикрываются марксистской идеологией.

Я приведу два образца подобного прикрытия марксизмом у П. Преображенского, очень характерные для подобного типа попутчиков. Трактуя вопрос о приручении животных и доказывая, что все дело в тотемизме, Преображенский прямо говорит: «Любопытно, что на этой точке зрения стоял и Плеханов, утверждавший, что «надстройка» может влиять на «базис».

Итак Плеханов «однажды признал», что надстройка влияет на базис, и потому проф. Преображенский утверждает, что домашние животные появились благодаря стремлению человека «проводить свой досуг в обществе животных». Эта точка зрения, этот прием чрезвычайно

характерны для подобных попутчиков. Меня здесь интересует и другое. В книге дано замечательное послесловие, где автор исправляет корректурные ошибки (в частности Госиздат написал не «австрийский ученый Альфонс Допш», а «австралийский ученый»). Преображенский говорит здесь, что в определении культуры он стоит на точке зрения М. Н. Покровского. По Покровскому — говорит он — «культура есть своего рода конкретная материализация общества в труде последнего, и вряд ли можно без термина «культурное единство» обойтись».

Другая «солидаризация» — более существенная: я имею в виду понятие общества. Общество понимается «как реальная система людей в их взаимодействии и трудовых связях». Это Преображенский выдвигает, как последнее слово марксизма, прикрываясь... Покровским.

Я не буду давать субъективной характеристики этим приемам, но объективно мы должны сказать, что мы здесь имеем дело с попутчиком, который ничего общего с нами не имеет и который «тонко» или «не тонко» маскируется марксизмом и с кафедр наших университетов дает установки, с которыми мы ведем упорную борьбу.

Я не могу дольше задерживаться. Я обращаю ваше внимание еще на книгу П. Преображенского «Очерки истории западноевропейского империализма». Книга до сих пор не получила надлежащей рецензии и разбора. Вопросы империализма чрезвычайно сложные вопросы. Эти вопросы требуют внимательной разработки. Мы прекрасно знаем, что, работая над этой темой, мы сами даем нередко ту или иную неправильную формулировку и что нам в работе над историей империализма следует внимательно и упорно изучать Ленина и исправить ряд своих формулировок. Но вместе с тем, ставя перед собой эти задачи, мы должны обратить внимание на то, что по этому поводу говорят наши классовые враги. В названной книге немало... «социально-политической наивности» что ли. Но для меня понятие социально-политической наивности есть классовое понятие, а не биологическое, оно сочетается нередко с определенной политической установкой.

Не буду говорить о том, о чем нам пришлось говорить на Всесоюзной конференции историков-марксистов. Давая определение империализма «по Ленину», Преображенский умудряется, цитируя Ленина, утверждать, что империализм—это есть главным образом «сдвиг в строе капиталистических предприятий». С этой точки зрения любопытно его утверждение о классовых силах, поддерживающих империализм. Мы имеем в нашей среде (в моей книге) неточную и неправильную формулировку вопроса об единстве реакционной буржуазной собственнической массы, недостаточный учет социальных противоречий в этой среде. Этой формулировкой коммунисты желали нанести удар по Тарле и др., которые противопоставляют демократическую буржуазию недемократической. Наша формулировка благодаря своей неточности может вызвать ряд недоразумений. И вот, критикуя это положение об единстве реакционной, буржуазной массы и правильно критикуя, мы нередко забываем обратить внимание на другое: буржуазные историографы, как Тарле и П. Преображенский, считают необходимым провести принципиальное различие между манчестерской буржуазией и протекционистской буржуазией в эпоху империализма. Они изображают это как различие социальных и политических интересов в рядах буржуазии между демократами и реакционерами.

Нельзя писать об империализме и не писать о конкретных политических вопросах. Империализм связан с проблемой революции. Мы читаем у проф. Преображенского следующее правильное утверждение: «Именно поэтому империализм есть не только монополистическая стадия капитализма, но и последняя капиталистическая стадия общества». Это бесспорно. Затем он говорит: «Его предел—революция». И это правильно. И дальше «от себя»: «И, по всей вероятности, эта революция будет результатом только новой мировой войны». (Смех).

Отсюда следует конечно, что проф. Преображенскому не мешало бы прой-

ти кружок политграмоты. Вообще, это значит, что целому ряду наших попутчиков не мешает втянуться в нашу политическую жизнь для того, чтобы они занялись не только историей, но прошли бы необходимую школу политической мысли. Но конечно одно дело попутчики, которые смогут пройти эту школу коммунистической политической жизни и поучиться тому, чего у них нехватает, а другое дело попутчики, которые уже прошли свою школу политической мысли у проф. Виппера.

Я хочу процитировать еще одно положение нашего попутчика. Речь идет о Лиге наций. Что Лига наций представляет инструмент империалистической политики, это проф. Преображенский раз'ясняет, но прослушайте следующий его перл: «Империалистическая война будущего заставит империализм повиснуть на волоске от революции социальной и национальной. Отсюда и боязнь наиболее просвещенных и дальновидных политиков буржуазной Европы. Мировая война так поколебала все устои буржуазного государства и общества, что боязнь грядущих потрясений заставляет европейских политиков хвататься за Лигу наций, как за последнее средство для обеспечения длительного мира, но деятельность этого учреждения не дает никаких оснований для радужных надежд. П о в и д и м о м у на долю Лиги остается лишь одно назначение — служить средством для политической агитации и прикрытия империалистических целей различными благовидными предлогами». Мудрый проф. Преображенский говорит, п о в и д и м о м у, — слишком «осторожная» формулировка о целях Лиги наций для нашего учебника... Ленин «однажды сказал», что подобные попутчики могут быть хуже врагов. Такова эта книга об империализме.

Перед нами, научными работниками, в настоящее время стоят огромной важности политические задачи. Вот прошла недавно дискуссия на философском фронте. Эта дискуссия на философском фронте должна нас, историков, научить многому, научить тому, чтобы мы не допустили у себя тех ошибок, которые допустило старое руководство на философском фронте. Ошибки там были совершенно определенные. Это было неумение поставить изучение философских вопросов на службу партии и задачам пролетариата и соцстроительства в стране. Эта ошибка заключалась в недостаточном изучении ленинизма, ленинского литературного наследства; эти грубейшие ошибки привели к отрыву теории от практики; к недостаточной борьбе на два фронта и недостаточно развернутой работе по подготовке значительных кадров из рядов рабочего класса, этой действительно настоятельнейшей для нас задаче широкого развития нашей научно-исследовательской работы.

Нам — историкам — придется внимательнейшим образом изучить результаты философской дискуссии, понять те огромные политические задачи, которые выдвинуты этой дискуссией и перед нами, исправить имеющиеся и у нас ошибки в этой области. Поняв эти ошибки и исправив их в нашей работе, мы пойдем, товарищи, по пути выполнения заветов Ленина. История должна быть не «вообще» пролетарской наукой, она должна быть поставлена на службу партии. Мы как коммунисты не отбрасываем специалистов. Только наши враги и те в нашей собственной среде, которые к сожалению не понимают той политической кампании, которую мы вели в свое время и ведем теперь против буржуазной историографии, изображают дело так, будто мы — Общество историков-марксистов — объявляем бойкот всякому историку, если он не коммунист. Это неправда. Мы умеем различить между попутчиками друзей и врагов. Мы сумеем вскрыть политический смысл выступления наших классовых врагов, чем бы они не прикрывались, мы сумеем отделить тех попутчиков, которые являются нашими врагами, от тех, кто является нашими друзьями и под руководством партии будут разрабатывать историческую ленинскую науку.

Б. Д у б и н с к и й. То, что Петрушевский очень резко изменил свои взгляды, этого не отрицают ни он сам, ни его ученики. Я хотел бы сделать только одно замечание в связи с выступлением т. Нифонтова, который указал, что уже в

90-х годах Петрушевский делал попытки к преодолению марксизма. Это неправильно. В статье, вышедшей в 1892 г., посвященной книге Виноградова «Villainage in England», Петрушевский писал: «Экономический материализм» — вот та формула, которая стала бранным словом в устах культурных историков, позабывших на этот раз все то, что они обыкновенно говорят о развитии идей по схеме тез и антитез. Заметив несколько примеров крайностей в увлечении материальной историей, вполне естественных во всяком живом и новом деле, культурные историки ударили в набат, призывая всех на защиту науки от вторжения материалистов. Эти историки «в пылу полемики» не поняли смысла нового направления и совершающейся в области исторической науки перемены» [16].

Петрушевский в то время несомненно приветствовал перемену, которая происходила в области исторических наук благодаря широкому распространению марксизма. Понятно, нельзя преувеличивать марксизм Петрушевского того времени. Несомненно, что у него всегда было много эклектизма, но говорить о том, что он ставил уже тогда своей задачей преодоление марксизма, было бы неправильно.

С другой стороны, те, которые говорят о перемене взглядов Петрушевского по сравнению, скажем, с довоенным временем, не хотят признать, что Петрушевский в послевоенное время сделался явно враждебным марксизму; между тем все труды Петрушевского последнего времени красноречиво говорят об этом.

В своей книжке «Очерки по экономической истории средневековой Европы» Петрушевский подвергает резкой критике книгу Виноградова «Английское общество в XI веке». Между тем эту же самую книгу он очень расхваливал в 1909 г. и писал: «Мы не можем не согласиться с ее основными заключениями» [17]. Почему же он так резко ее критикует теперь? Петрушевский пишет следующее: «Любопытно и характерно, что приведенные утверждения взяты из книги, стоящей на очень далеком расстоянии от ныне господствующего у нас философско-исторического течения, а между тем автор ее говорит, как видим, языком, близким и понятным именно этому течению. Совершенно независимо от этого течения, складывавшаяся общая концепция средневекового строя и средневекового развития подошла и не подозревая того совсем близко к чистейшему экономизму» [18].

Под ныне господствующим у нас философско-историческим течением Петрушевский имел в виду действительно господствующий у нас марксизм.

Таким образом мы видим, что Петрушевский после революции спохватился, что средневековая историческая наука в лице ее основного представителя в России Виноградова говорит языком, близким марксизму, марксизм же сделался для послевоенного Петрушевского ненавистной теорией, так как марксизм явился идеологическим оружием пролетарской революции. Вот отсюда и резкая критика Виноградова и пересмотр своей собственной старой концепции.

Как я уже указал, ни Петрушевский, ни его ученики, которые принадлежат к тем попутчикам, о которых здесь довольно подробно говорили, не отрицают резкой перемены во взглядах Петрушевского, но когда подходят к об'яснению этой коренной перемены, происшедшей в мировоззрении Петрушевского, то объясняют ее чисто научными причинами. Говорят, что появились-де новые исторические исследования, которые привели к тому, что необходимо было в корне изменить все старые взгляды. Конечно такие факты бывают, мы знаем, что многие историки-марксисты тоже меняют свои взгляды именно в результате новых исторических исследований и появления вновь открытых источников. Но при внимательном изучении всех последних трудов Петрушевского, мы приходим к выводу, что причина такой резкой перемены не коренится в новых исторических исследованиях. Я пытался это проследить по основной теме, которой занимался и занимается Петрушев-

[16] «ЖМНП», 1892, г., XII, с. 310—311.

[17] Там же, 1909, VI, с. 436.

[18] «Очерки экономической истории средневековой Европы», с. 65.

ский, а именно по теории феодализма. Какие новые исторические исследования приводит Петрушевский в доказательство того, что его старая теория феодализма является неправильной? В статье «Феодализм и современная историческая наука» он пишет следующее: «Ближе были к пониманию существа феодализма старые историки, сосредоточивавшие свое внимание на рассеянии суверенитета, видевшие в феодализме явление политического государственно-правового порядка. Не в этом ли направлении и нам следует двигаться, отправляясь на поиски типических черт феодального строя и феодального процесса. Не следует ли, скрепя сердце, убрать все те историко-хозяйственные сооружения, которыми почти совершенно застроена вся территория феодализма, и вернуть феодализму то государственно-правовое значение, которое ему по праву принадлежит, восстановить его в его правах как категорию по основному своему существу политическую».

Итак, «новыми» историческими исследованиями, которые толкают к пересмотру старых взглядов на феодализм, оказываются труды старых историков. Петрушевский возвращается к взглядам историков юридической школы Чичерина и предлагает в таком же направлении пересмотреть и схему исторического процесса в России.

Импортированная Петрушевским теория «вотчинного капитализма» и широкое применение этой теории к Англии тоже не опирается ни на какие новые исторические исследования.

Единственное историческое исследование, на которое ссылается Петрушевский — это работа американского историка Граса, который якобы доказал существование крупного и регулярного обмена между манорами и городом в средневековой Англии [19]. Между тем именно Грас пишет, что эта торговля была весьма незначительной и стала регулярной только с XII в., а Петрушевский пытается ссылкой на этот труд доказать существование «вотчинного капитализма» во все периоды средневековья, ибо согласно его теории «идеальных типов» капитализм всегда существовал. Мы уже не будем говорить о той умышленной фальсификации понятия «капитализм», которой занимается Петрушевский, но даже в защиту нового фальсифицированного понятия Петрушевский не приводит никакого конкретно исторического обоснования.

Следовательно ссылка на то, что Петрушевский переменил свои взгляды в результате новых исторических исследований не выдерживает никакой критики, и несомненно правильны те об'яснения, которые здесь давал Н. М. Лукин.

Говоря о теории феодализма Петрушевского, прежде всего нужно указать, что он видит в феодализме категорию государственно-правового порядка. Но как Петрушевский характеризует государственный строй феодализма и какие он из этого делает выводы? Он не только признает феодализм государственно-правовой категорией, но он старается в своей концепции феодализма протащить теорию надклассового государства. Это основное, что хочет доказать Петрушевский. Какие задачи, по его мнению, стояли перед государственной властью в период феодализма? Эти задачи он видит в «обеспечении внутреннего и внешнего мира» и установлении «социальной гармонии» между всеми классами феодального общества. «Законы и право, — пишет он, — иначе были организованы в средневековой Европе, чем в современном цивилизованном мире; но они с такой же несомненностью существовали и регулировали жизнь тогда, как и теперь, разграничивая и охраняя интересы всех общественных групп и не делая при этом исключения и для тех, кто занимал самые низшие ступени общественной лестницы» [20].

Теория надклассового государства проводится Петрушевским со всей последовательностью, которая в других вопросах ему совершенно не свойственна.

[19] «Очерки экономической истории средневековой Европы», с. 213—214.

[20] Там же, с. 219.

И не только в своих общих методологических установках, но и в своей конкретно-исторической схеме он последовательно проводит эту антимарксистскую теорию надклассового государства.

Я коротко покажу конкретно-историческую схему средневековой Англии у Петрушевского. Во-первых, Петрушевский характеризует взаимоотношения между феодалами и крестьянами как «гармонию хозяйственных интересов». Он так и пишет: «Между барским двором и крестьянской общиной существовала гармония хозяйственных интересов». Далее он пытается доказать, что крестьянство в юридическом отношении было совершенно равноправно, что «гражданский оборот совершался под сенью правового порядка». Изображение взаимоотношений между крестьянством и помещиком как «гармонии хозяйственных интересов» дает возможность Петрушевскому доказывать отсутствие классовой борьбы.

Во время дискуссии 1928 г. о книге Петрушевского задавался вопрос: как вы можете говорить, что Петрушевский отрицает классовую борьбу, если он пишет о восстании Уота Тайлора и о жестокой классовой борьбе в середине XIV в.? Но как объясняет он эти факты классовой борьбы? Не внутренними законами, как объясняют марксисты, а исключительно таким стихийным явлением, как черная смерть, которая к концу первой половины XIV г. нагрянула на Англию. Вот именно в недостатке рабочих рук, который появился в результате этой черной смерти, и в стремлении помещиков и городских капиталистов привлечь эту рабочую силу он видит причину начавшейся жестокой классовой борьбы.

Какова, по Петрушевскому, роль государства в это время? Английское государство издавало ряд жестоких законов. Петрушевский довольно ярко описывает эти законы, которые стремились к тому, чтобы заставить крестьян работать у помещиков, а рабочих у капиталистов. Но объясняя те мотивы, которыми руководствовалась центральная власть при издании этих законов, Петрушевский писал: «Авторы рабочего ордонанса и с т а т у т а были воодушевлены идеями социальной справедливости и боролись за ее восстановление, направляя свои жестокие удары на тех, кого они считали ее нарушителями, не делая при этом различия между рабочими и нанимателями, не щадя при этом и законнейших прав высших классов, если они стояли на пути к достижению поставленной цели, и налагая на них более тяжелые денежные взыскания, чем на других, когда они были повинны в нарушении закона. В н а ч а в ш е й с я п о с л е ч у м ы о ж е с т о ч е н н о й с о ц и а л ь н о й б о р ь б е г о с у д а р с т в е н н а я в л а с т ь н е с о м н е н н о в з я л а н а с е б я р о л ь в о с с т а н о в и т е л я с о ц и а л ь н о г о м и р а и в с е й т я ж е с т ь ю с в о и х а д м и н и с т р а т и в н ы х р е с у р с о в о б р у ш и л а с ь н а в с е х т е х, к т о в е е г л а з а х б ы л е е в и н о в н и к о м»[21].

При этом, если мы учтем, что Петрушевский прямо говорит, что нельзя найти никакой разницы между средневековым миром и современным цивилизованным миром, что речь идет здесь только о развитии форм, то мы должны заключить, что изображенные им отношения он полностью переносит на современные капиталистические государства. Классовая сущность этой теории совершенно ясна.

Перехожу к заключительной части своего выступления. Если в 1917 г., накануне Октябрьской революции, т. Ленин считал необходимым в одной из своих основных книг, «Государство и революция», сосредоточить внимание на классовом характере государства и вытекающих отсюда последствиях, если мы видим, что дальнейшая полемика между Лениным и врагами Октябрьской революции главным образом сосредоточивалась вокруг оценки классовой сущности государства, то это совершенно ясно показывает, что по этой линии, по линии оценки сущности государства и тех задач, которые ставит перед собой государство, идут основные разногласия. Поэтому, если Петрушевский пытается сейчас доказать, что всякое государство есть орган, который стремится к сглаживанию социальных противоречий и к

---

[21] «Очерки Економической истории средневековой Европы», с. 257—258.

созданию социальной гармонии, это показывает только чисто буржуазную сущность этой теории, которая в современных условиях означает не что иное, как историческую апологию современного фашистского государства капиталистических стран.

Вот почему нужно считать недопустимым то положение, когда произведения Петрушевского чрезвычайно широко распространяются и против этого не принимается никаких мер. В самом деле из всех писателей-антимарксистов, которые пишут по общественным дисциплинам, наиболее посчастливилось именно Петрушевскому. Его книги находят очень широкое распространение, по Петрушевскому все наше студенчество учится истории средневековой Европы и т. д. Я думаю, что это происходит потому, что прочно укоренился предрассудок, который выразил т. Косминский, что Петрушевский не марксист в общеметодологической установке, но он приближается к марксизму в своей конкретно исторической схеме. Это не правильно. Петрушевский во всей своей конкретно исторической схеме проводит те основные методологические установки, которые он дает во всех своих «введениях». Поэтому нужно считать не марксистскими не только его общеметодологические установки, но также и всю конкретно историческую схему. Вот почему нам следует обратить внимание на эту сторону дела и не проявлять больше того либерализма по отношению к Петрушевскому, которым мы грешили до сего времени.

Несколько слов насчет последователей Петрушевского. Нельзя недооценивать того влияния, которое имеет Петрушевский, нельзя недооценивать того, что у Петрушевского была целая школа, и представители этой школы имеются еще в достаточном количестве сейчас. Эта школа сейчас не выступает достаточно открыто, она выступает замаскированно, но в своих конкретных исследованиях она несомненно старается проводить точку зрения Петрушевского.

Таким образом нельзя забывать, что у Петрушевского имеется школа, которая от своих взглядов не отказалась, и что с нею нужно вести решительную борьбу.

Р. Авербух. Владислав Петрович Бузескул, один из старейших представителей русской буржуазной исторической науки. Он историк греческой древности, специализировавшийся главным образом на истории Афин V века. В 900-х гг. он издал ряд больших работ, из которых главные: «Перикл», «Афинская полития Аристотеля как источник для государственного строя Афин до конца V века», «Введение в историю Греции» и «История афинской демократии». В настоящий момент Бузескул пишет трехтомную работу «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.», первый том уже вышел в 1929 г. и будет подвергнут здесь разбору, второй и третий выходят в ближайшее время.

Многочисленные труды Бузескула, написанные в конце XIX и начале XX вв., достаточно выявляют политическую физиономию автора. В сборнике в честь Бузескула (по поводу 30-летия его научной и преподавательской деятельности), изданном в 1914 г., он характеризуется как «тип идеалиста-ученого, стоящего далеко от злобы дня и политической борьбы, чуждого национальной ненависти, всецело преданного столь любимой им классической древности». Но более детальное ознакомление с его работами дает основание считать, что Бузескул является типичным представителем промышленной буржуазии, которая в 80—90-х гг. своим идеалом считала создание «правового государства». Свои политические симпатии Бузескул переносит в древность. Афинский демос, по мнению Бузескула, есть не что иное как торговая и промышленная буржуазия, добивающаяся власти, ведущая борьбу с аристократией, борьбу, сопровождающуюся переворотами, изгнаниями и т. д.

Афины при Перикле — это святая святых Бузескула — «правовое государство». Последнее чрезвычайно далеко от демократических крайностей. «Перикл,— по словам Бузескула, — не думал итти по пути крайней демократии, он старался совладать с демократическим движением, упорядочить, направить его в известные определенные границы. Свободу и

равенство он стремился соединить с господством закона и порядка. Бузескул видит в афинской демократии все черты современного ему правового государства. Афинская демократия осуществляет народный суд или суд присяжных, где уничтожается возможность подкупа и какого бы то ни было запугивания. Афинская демократия осуществляет свободу слова, обеспечивает свободу личности: «Вместо полного господства случая и произвола толпы, — пишет Бузескул, — мы видим стройную систему самоограничения демоса, порядок, созданный по плану, глубоко обдуманному, проникнутому идеей законности, сознанием того, что свобода была в то же время царством закона». «Не даром афинское государство, — продолжает далее Бузескул, — называют иногда «правовым». Над волею народного собрания, над самим державным демосом там поставлен был закон» [22]. По мнению Безускула, древняя Греция и в особенности афинская демократия создала учреждения, осуществила многие из тех начал, которые знакомы и дороги современному человечеству, которые служат основами и современного государства. Значительная модернизация афинского строя здесь очевидна.

Известная оппозиция царскому режиму, свойственная промышленной буржуазии той эпохи, когда писались эти работы, была не чужда и самому Бузескулу. Самый выбор темы изучения (афинская демократия) в 80-е годы — годы глухой реакции — был вызван известным оппозиционным настроением.

Работа «Перикл» была вызвана стремлением дать отпор той реакции, которая господствовала в европейской литературе и стремилась дискредитировать как афинскую демократию в целом, так и одного из виднейших ее деятелей — Перикла. Об этом же говорят его любопытные статьи, написанные в годы, когда свирепствовали столыпинские военно-полевые суды. В эти годы Бузескул печатает например небольшую статью по поводу «прений о смертной казни назад тому 2 300 с лишним лет». Но эта оппозиция была чрезвычайно умеренной. Это была оппозиция умеренной либеральной буржуазии, которая боялась открытой борьбы и свою оппозицию пыталась провести в самом завуалированном виде. Не даром один из рецензентов на книгу «История афинской демократии» с особой похвалой отозвался об авторе, который спрятал свои современные политические симпатии, что, по мнению рецензента, «счастливо отличает его солидный труд от полупамфлетов на исторические темы профессоров Кареева и Виппера, совершающих последнее время наезд в область древней истории» [23].

Бузескул в 1909 году был правее Кареева и Виппера.

В методологическом отношении работы Бузескула чревычайно слабы и эклектичны.

Современная буржуазия, предельно обострившая идеологическое оружие в борьбе с пролетариатом, нередко берет своим исходным пунктом в этой борьбе теорию пролетариата — марксизм: «У него она заимствует и затем искажает... экономическое объяснение истории, учение о классовой борьбе» [22] и т. д. Буржуазия 80—90-х гг. в лице Бузескула совершенно невинна по части методологии. Его работы методологически отражают состояние науки 40-х гг. с ее поверхностным эмпиризмом, они еще не пережили реформы 1861 г.

90-е и 900-е гг. вносят существенно новое освещение исторических событий. В истории начинает господствовать социологический метод, появляется «теория факторов» исторической эволюции.

В основе работ Бузескула лежит эмпиризм, но эмпиризм не в чистом виде, а в механическом сочетании с принципами теории факторов исторической эволюции. Его общие точки зрения на задачи исторической науки можно проследить в различных работах, и помимо того свое profession de foi он кратко изложил в одной из своих статей [24], в «Речи в от-

[22] «История афинской демократии», изд. 1920 г., с. 95.

[23] «Исторический вестник», апрель 1909.

[24] Фридлянд, «Историк-марксист» т. XIV, с. 38.

[23] Наукові записки і праці науково-дослідчої катедрі історії европейської культури присвячується почесному голові катедри В. П. Бузескулу в нагоді 70 річчяйого народження «Речь в ответ на приветствия в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры», с. 7—9.

вет на приветствия» в день своего 70-летия. Задача историка, по мнению Бузескула, есть искание истины, восстановление событий прошлого так, как они происходили. Бузескул, начиная с 80-х гг. и вплоть до сегодняшнего дня, цитирует выражения Ранке, что задачи истории показать wie es eigentlich gewesen. Отсюда другое требование, пред'являемое историку, это его об'ективность. Историк, берясь за исследование, должен отрешиться от своих симпатий и антипатий, стать выше своих политических воззрений. Примером может быть Ранке, который, будучи монархистом, отдал должное республиканцу Кромвелю и, будучи протестантом, дал лучшую историю пап нового времени. Историк должен бояться соединения истории и политики, ибо последняя «может повести к крайней субъективности и тенденциозности, к извращению и подтасовке фактов, к суждению о далеком прошлом с точки зрения нынешнего времени»[26].

Еще более четко формулирует Бузескул свои требования к историку в вышеупомянутой речи, произнесенной в 1929 г. на двенадцатом году Октябрьской революции. «Я считаю, — пишет Бузескул, — науку мировой силой, которая должна возвышаться над разного рода перегородками, разделяющими человечество, которая должна объединять его; она представляется мне как нечто самодовлеющее. Но спрашивается, разве не должна наука служить жизненным интересам, благу человечества? Да, должна служить, служить, но не прислуживаться. Была пора, то были средние века, когда наука являлась служанкой богословия — ancilla theologiae, когда от нее требовалось лишь приводить доказательства для заранее уже установленных учений и догматов. Будем надеяться, что подобные времена миновали. Наука лучше всего служит, когда остается верна себе, своему основному назначению; а это назначение — познание мира и человека, служение истине и правде. Изменяя своему назначению, наука становится бесполезной и даже приносит иногда вред». Отыскание истины в истории затруднено, по мнению Бузескула, прежде всего сложностью исторического процесса. Повторяя Фюстель де Кулиджа, он считает, что «целые годы анализа нужны для одного дня синтеза». Трудность отыскания истины в истории происходит также от того, что «ни в одной научной области быть может не сказывается так влияние общественных настроений, воззрений, интересов, симпатий и антипатий политических, национально-классовых, религиозных, личных, как в области истории. И возникает вопрос—возможна ли объективная история? Мало того, должна ли история быть объективной? По-моему, должна, по крайней мере к ней надо стремиться»[27].

Все то, что пишет здесь Бузескул, является пережитком далекого прошлого, отражением того состояния науки, которое она переживала в 40—50-е гг., в годы Ранке. Теперь любой буржуазный европейский ученый уже не станет утверждать о существовании надклассовой, объективной, самодовлеющей науки, которая должна объединять человечество.

Примером может служить хотя бы Белов, который говорит, что «в настоящий момент мы должны самым решительным образом отбросить утверждение, построенное на применении формального метода тех кругов, которые претендуют на представительство вполне «беспартийной» истории, чистой науки. Далее он утверждает, что за всем этим чаще всего скрывается заостренная партийность»[28].

Принцип беспристрастной и объективной истории есть вместе с тем оборонительное оружие в борьбе с пролетариатом. Это прекрасно обнаруживается в прозрачных намеках Бузескула на прислуживающуюся науку, а также на науку, которая приводит доказательство для заранее установленных учений и догматов.

Как мы уже указывали, Бузескул не оставался чистым эмпириком, его работы свидетельствуют о том, что он был под влиянием учения о различных факторах исторического процесса. Чисто

[26] «Исторические этюды 1911 г.», статья «Генрих Зибель как историк-политик», с. 222.

[27] «Наукові записки», с. 7—9.

[28] Цитирую по статье Фридлянда, Марксизм и западноевропейская историография, «Историк-марксист» т. XIV, с. 13.

дипломатическая и политическая история не удовлетворяет Бузескула, он говорит о необходимости введения в поле исторического изучения фактов экономической и социальной истории. «Социально-экономическое направление можно считать теперь господствующим в исторической науке» [29], пишет Бузескул. Признав господство социально-экономического направления, Бузескул отрицает всякую возможность диалектического развития. В статье о Сореле [30] в качестве достоинства последнего он указывает, что Сорель сумел французскую революцию трактовать как эволюционный процесс. Для Бузескула является совершенно неприемлемым монистическое объяснение истории. Поэтому экономический материализм есть, по мнению Бузескула, упрощение сложного исторического процесса. Отрицая монистическое объяснение истории, Бузескул должен был ввести другие факторы исторического процесса, действующие наряду с экономическим и социальным. По мнению Бузескула, личность и идеи оказывают могучее влияние на исторический процесс. В книге «Перикл» Бузескул явно преувеличивает роль самого Перикла, делая его личность определяющим моментом в создании афинской демократии. То же можно сказать о портретах Солона, Сократа и Алавиадки. Таким образом типичным для Бузескула является вульгарный плюрализм. Бузескул с большой похвалой отзывается о методах тех историков, которые, как например Визигин, не считают возможным «все богатство и разнообразие явлений исторической жизни» объяснить «исключительно могущественным воздействием или мира идей, или экономических условий». «Все эти факторы сказываются одновременно, и их взаимодействие объясняет исторический процесс» [31].

Всем вышеуказанным определяется отношение Бузескула к марксизму. Уже в своей книге «Введение в историю Греции» Бузескул говорит, что так называемый «экономический или исторический материализм» явился протестом против идеалистического понимания и попытался свести весь сложный исторический процесс к одному началу — «экономическому фактору». «Но это есть грубое искажение истории», пишет Бузескул.

Любопытно, какие книги Бузескул упоминает как источник своих знаний о марксизме. Здесь нет ни одной работы Маркса. Он упоминает работу Бернштейна «Исторический материализм», Штаммлера «Хозяйство и право», Масарика и т. д. Методологическая беспомощность Бузескула приводила к тому, что в одной из главных работ его — «Введение в историю Греции»—проявилось полное отсутствие какой-либо концепции, какой-либо определенной точки зрения автора на основные направления греческой историографии. Этой своей стороной «Введение в историю Греции» поразило даже современников, не слишком избалованных обобщениями. Н. М Никольский в марксистском журнале «Правда» уже в 1904 г. отмечал, что требование Бузескула, чтобы историк обладал широкой точкой зрения, формулировано в такой общей, если не сказать более, форме, что открывает поле для самых разнообразных толкований в зависимости от исторического миросозерцания комментатора. В этой же рецензии Никольский отмечал, что, обозревая различные направления греческой историографии, Бузескул относится ко всем более или менее одинаково.

После революции, по собственному признанию Бузескула, он все более и более отходит от греческой истории. Он начинает заниматься вопросами историографии, пишет очерк об «Истории пангерманизма и стремлении немцев на Восток», а также трехтомный труд «Всеобщая история и ее представители в России».

В статье об «Истории пангерманизма и стремлении немцев на Восток» он ставит себе задачу дать очерк публицистики и историографии немцев, задачу, вполне академическую, тем не менее статья написана в явно шовинистическом духе.

«С самого возникновения мировой войны, — пишет Бузескул, — ставился вопрос, кто ее виновник. Многие указывали на Вильгельма. Но причины ми-

[29] «Введение в историю Греции», с. 461.
[30] «Исторические этюды», «Альберт Сорель как историк французской революции», с. 232.
[31] «Исторические этюды», «К истории папства в XI веке», с. 84.

ровой катастрофы глубоко сложны, и как бы ни были виновны Вильгельм и его советники, большую роль в этой катастрофе сыграла также германская идеология, для большинства в начале войны столь неожиданная, и, казалось бы, так несовместимая с былым космополитизмом и гуманитетом немцев». Начало этой идеологии лежит глубоко. Она обнаружилась даже не в годы Бисмарка и Трейчке, а гораздо раньше, еще в начале и в первой половине прошлого века [32].

Итак, виновник войны найден. Это не империалистическая политика главных участников войны, это даже не империалистическая Германия, это германский ученый и политический писатель с конца XVIII века, творец германской идеологии.

«При свете прошлого, — пишет Бузескул, — понятны события недавно пережитого времени и настоящего. Австрийский ультиматум Сербии в 1914 г., удививший мир содержанием и формой, союз Германии с Турцией и Болгарией во время мировой войны, самый Брестский договор с его границами, так напоминающими границы, о которых мечтал Франц и другие, все это только последние звенья длинной цепи фактов, одно из проявлений того пангерманизма и немецкого стремления на Восток, начало которому надо искать в более далеком прошлом» [33]. Здесь особенно любопытно упоминание о Брестском договоре с точки зрения осуществления надежд и чаяний Германии. Здесь ведь не что иное, как обычная в то время, весьма распространенная среди русской буржуазии инсинуация. Большевики, заключая Брестский мир, лили воду на мельницу Германии, осуществляли и осуществили самые широкие замыслы Германии. Националистическая тенденция Бузескула в этой статье проявляется очень ярко.

Общая методологическая установка Бузескула, его отношение к марксизму очень выпукло выступали в большой работе: «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.», изданной в 1929 г. Всесоюзной академией наук. Сама идея дать очерк историографии всеобщей истории — мысль чрезвычайно ценная. В этом отношении у нас сделано очень немного, и серьезный научный обзор историографии был бы чрезвычайно полезен. Но автор совершенно не выполняет этой задачи. В книге Бузескула читатель найдет только отдельные характеристики отдельных трудов и ученых, объединенных большей частью лишь общей темой или изучаемой эпохой.

Гранью для моего обзора, — пишет Бузескул, — служит 1914 г. — начало мировой войны, когда последовало разобщение с западной наукой. Получается очень пикантно. Бузескул совершенно отказывается описывать все, что происходит в научной разработке после наступления лихолетья, после Октябрьской революции, благо есть хороший повод — разобщение с Западом. Он знать не знает, ведать не ведает о господстве марксистского направления.

Далее идут еще более пикантные вещи. Почтенный профессор заранее обязуется расхваливать все, что написано до 1914 г.: «Если я выдвигаю преимущественно положительные стороны, говорю больше о значении и достоинствах, чем о недостатках рассматриваемых трудов, то это вызывалось самой задачей книги — показать наши достижения до 1914 г. в области всеобщей истории».

Тем более, что достижения были большие, так как условия для разработки западной истории у нас в России особо благоприятны: «Здесь более обеспечена наибольшая объективность, всеобщие историки в России стояли все же дальше от той борьбы политической, классовой, национальной, вероисповедной. Они находились на положении зрителей. Они стояли несколько в стороне, и со стороны, как известно, бывает виднее». Итак, в момент кризиса, когда все старые традиции рушатся, хорошо вспомнить добрым словом те времена, когда эти традиции были живы и когда были наиболее благоприятны условия для научной работы, когда историки стояли в стороне от классовой и политической борьбы. Какое здесь глубокое неприятие рус-

---

[32] Сб. «Из далекого и близкого прошлого», 1923.

[33] Там же.

ской революции и новых условий, в которых работает историк!

Обратимся к самой книге. Первые главы — это собрание весьма поучительных «дней минувших анекдотов». Огромный недостаток книги Бузескула—это необычайная бесцветность отдельных характеристик писателей-историков. Все историки действуют у Бузескула под каким-то стеклянным колпаком. Они оторваны от общественной среды, от политической обстановки, от классовой борьбы этой эпохи. За примерами ходить недалеко. Он останавливается на деятельности Грановского, указывает на небольшое по объему научное наследие Грановского и объясняет это недостаточной усидчивостью последнего, забывая об элементарной вещи, что Грановский не мог касаться в печати многого из того, чем он усиленно занимался, что ни с кафедры, ни в печати он не мог заикнуться например о Великой французской революции, относительно которой у него было собрано немало материалов.

Выполняя свое обещание оттенить достижения русской науки, он в главе, посвященной Герье, Карееву, Виноградову, Лучицкому, хвалит всех без разбора.

Бузескул ни слова не говорит о том, что Герье, будучи поклонником Тэна, борясь за реабилитацию Тэна, выступал против Олара и тем самым примыкал к тому черносотенному направлению в изображении революции, к которому принадлежал Тэн.

При изображении научной деятельности Виноградова Бузескулу приходится трудновато. С одной стороны, крупный ученый и европейское имя имеет, а с другой стороны, имя Виноградова смешивают с марксизмом. Выход из этого положения был найден. Бузескул берется реабилитировать Виноградова от злостного на него навета. «Виноградов, — пишет Бузескул, — исследовал преимущественно явления социально-экономической жизни и правовые. Он отдавал предпочтение исследованию истории социального строя, но интересоваться социально-экономической стороной социального процесса конечно еще не значит быть сторонником теории «исторического» или иначе «экономического» материализма. Можно изучить идеи, в то же время быть приверженцем только что названного направления — дело в объяснении явления, сведении всего исторического процесса к единому началу, к единой базе, к экономике и, наоборот, можно изучать социально-экономические явления и не принадлежать к этому направлению. Так было с Виноградовым. Правда, некоторые отдельные замечания, фразы его могли подать повод к отнесению его к числу сторонников теории исторического материализма, но он не был им, и в своих автобиографических сообщениях он заявляет, что хотя он и не примкнул к новому течению исторической мысли, которое началось с середины XVIII века, тем не менее никогда не считал изучение правовых и экономических явлений единственно руководящей нитью».

Широкая историческая точка зрения здесь себя обнаружила полностью и окончательно. Совершенно ясно, что под этой точкой зрения скрывается прежде всего враждебность марксизму. Это подчеркивается тем, что в плане двухтомной работы совершенно не отводится места марксистскому направлению. Разбор этой книги, вообще всего творчества академика Бузескула, обнаруживает в то же время полный разброд и полное бессилие внешнего фронта исторической науки. Борясь с марксизмом, они ничего не могут противопоставить ему, кроме большого, накопленного фактического материала и «широкой исторической точки зрения», под которой можно разуметь все, что угодно.

Н. Фрейберг. С первого взгляда вопрос о Карееве представляется несколько менее актуальным, чем вопрос о других историках, доклады о которых стоят на повестке сегодняшнего заседания. Действительно, Н. И. Кареев родился в 1850 г., сейчас ему 80 лет, и его основные работы относятся к 80—90-м гг. прошлого века. Это, во-первых. Во-вторых, Кареева никогда нельзя было ни в какой мере заподозрить в марксизме. Он никогда не был не только марксистом, но и не принадлежал к числу тех марксистообразных писателей, о которых мы сегодня слышали. Таким образом Кареев никого не может «ввести в заблужде-

ние» своими работами. Его отрицательное, если не сказать, враждебное отношение к марксизму совершенно ясно, несмотря на кажущуюся «объективность» кареевских работ, посвященных конкретно историческим вопросам.

Но с другой стороны, до сих пор книги Кареева являются необходимым пособием для историков Запада. Громадная начитанность автора, его непрерывное наблюдение за новейшей литературой по основным вопросам новой истории Запада, точность в хронологических датах и библиографических указаниях (чем, к сожалению, далеко не всегда отличается наша марксистская литература), наконец почти полное отсутствие марксистских работ по западноевропейской историографии, делают книги Кареева подчас совершенно незаменимым пособием. Вдобавок не забудем, что долгое время известный семитомник Кареева был единственным общим университетским пособием по «Истории Западной Европы в новое время». Не даром ведь именно Кареевым пользовался Ленин, восстанавливая в памяти эпоху наполеоновских войн [34]. Кроме того для историков, интересующихся специально эпохой Великой французской революции, чрезвычайно важным остается тот факт, что Н. И. Кареев был первым историком, взявшимся за разработку одного из важнейших социально-экономических вопросов предреволюционной Франции на основании архивных документов. Как известно, магистерская диссертация Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», говорящая о классовом расслоении французского крестьянства накануне Великой французской революции, заслужила одобрительный отзыв К. Маркса [35].

Все это, думается, заставляет отнестись к вопросу о Карееве с достаточной серьезностью и прежде всего выяснить его общие методологические взгляды на основании анализа его важнейших работ.

Общеметодологическими вопросами Н. И. Кареев интересовался на протяжении всей своей научной деятельности, и целый ряд работ написан им как раз для выяснения его собственных взглядов на теорию исторического процесса [36]. «Даже простое занятие историей нуждается в известной теории этого дела», справедливо пишет Кареев [37].

Однако составить себе определенную, целостную систему социологических взглядов Карееву так и не удалось. Эклектизм, теоретическая мешанина являются наиболее характерной чертой всех исторических трудов Кареева, начиная от его докгорской диссертации (1883 г.) «Основные вопросы философии истории» и кончая «Общими основами социологии» (1919 г.), где Кареев пытается, как он пишет сам, подвести «общие итоги над (!) своими взглядами, вырабатывавшимися в течение десятилетий».

В самом деле, с одной стороны, Михайловский, «формула прогресса», «герой и толпа», субъективный метод, с другой, Конт и «позитивная социология», Герберт Спенсер, органическая школа, интеграция целого и диференциация частей, Виндельбанд и Риккерт, деление наук на «идеографические» и «типологические», наконец теория взаимодействия различных факторов — все это переплетается в книгах Кареева в такую густо сдобренную идеалистической философией мешанину, в которой чрезвычайно трудно разобраться. Да вряд ли и стоит анализировать ее серьезно — она типична для той русской мелкобуржуазной интеллигенции 80—90-х гг., в среде которой еще были живы народнические тенденции и отголоски «великих реформ» 60-х гг. Надо только добавить, что с самых первых выступлений Кареева его эклектизм все время заострен против марксизма, против «экономического материализма», как его называет Кареев. И это также чрезвычайно характерно для мелкобуржуазного историка, которому «народнические тенденции» не по-

[34] См. «Ленинский сборник», с. 49—51.

[35] См. «Былое» № 22, 1920.

[36] Общий перечень работ Н. И. Кареева, вышедших до 1923 г., см. в сб. «Из далекого и близкого прошлого», изданном группой историков в честь пятидесятилетия его научной работы.

[37] Н. И. Кареев, Основные вопросы философии истории, т. I.

мешали впоследствии стать активным и видным членом кадетской партии.

Посмотрим, как сам Кареев устанавливает корни своего миросозерцания, вырастающие из столь известной «русской школы в социологии».

«Я пристально следил за движением русской социологической мысли»...— пишет Кареев,[38] — под ее влиянием складывались и мои собственные социологические взгляды.

Особенно важными принципами русской социологии являются: признание ею психической основы общественных явлений, ее взгляд на значение личности и защита ею так называемого субъективного отношения к общественным явлениям. С точки зрения этих принципов ведется в настоящей книге и критика разных социологических направлений»[39].

Как видим, влияние «русской школы в социологии» устанавливается здесь самим Кареевым достаточно четко.

Однако здесь же Кареев со свойственной всякому эклектику боязнью высказаться «чересчур определенно» спешит оговориться: «Вместе с тем я убежден,— пишет он, — что каждое из существующих направлений заключает в себе долю истины и что социология будущего явится синтезом (!) тех частных истин, какие содержатся в отдельных направлениях науки».

В стремлении здесь же показать не зараженному марксизмом читателю, что таковым искомым «синтезом частных истин» никоим образом не может сделаться «экономический материализм», Кареев тут же делает и другую оговорку: «Синтез этот, — пишет он, — может произойти лишь на почве наименее исключительного (!) направления, а таковым следует признать то, которое отводит свое место и Конту, и Спенсеру, и Дарвину, и Марксу, не предполагая, что кто-либо из них сказал всю истину, наоборот, исходя из той мысли, что каждый из них пролил свет (да и то не весь, какой можно пролить), лишь на ту или другую сторону предмета».

При чтении этого места в книге Кареева мне невольно вспомнилась та интеллигентка, о которой говорит в одной из своих работ М. Н. Покровский. Во время революции 1905 года она пыталась составить «свою» программу, взяв у каждой политической партии то «хорошее», что у той имелось.

Марксизм как цельное учение остается для Кареева во всяком случае совершенно неприемлемым. «Строго говоря,— уверяет он, — экономическому материализму можно даже отказать в праве называться социологической теорией... Экономический материализм отражает на себе состояние социологической мысли, предшествовавшее Конту (!)»[40]. «Теоретическая неразработанность экономического материализма» — так называется целый особый параграф в книге Кареева.

Какие же стороны марксова учения являются для Кареева особенно неприемлемыми?

Если рассмотреть этот вопрос, то мы увидим, что борьба Кареева с марксизмом идет по тем же самым основным линиям, что и у современных нам западноевропейских буржуазных историков. И это конечно следует особо отметить. Прежде всего Кареев обрушивается на диалектику. Выражение «диалектический материализм», по мнению Кареева, «придает всему учению (Маркса.—**Н. Ф.**) характер научной отсталости». «Понимать развитие общественных форм диалектически в то самое время, как биология, психология и разные направления социологического исследования создают новые формулы эволюции, имеющие свою основу в положительном знании, значит закрывать глаза на то, что наиболее интересного было сделано в понимании эволюции соединенными усилиями мыслителей, работавших над изучением реального мира, а не над произвольными построениями вселенной, которыми занимался Гегель». Именно «взятый напрокат у гегелианцев диалектический метод» особенно раздражает Кареева;

---

[38] «Введение в изучение социологии», т. I, с. 6 введения, изд. 1913.

[39] Разрядка везде моя — **Н. Ф.**

[40] «Введение в изучение социологии», т. I, с. 91 и след.

чтобы обнаружить «свою долю истины», марксизм должен, по мнению Кареева, прежде всего отказаться «от гегельянской метафизики», т. е. от «сведения всего содержания общественной жизни к одному абстрактному началу экономики (!) и от понимания социальной эволюции как чисто диалектического процесса (!) [41]. Что в таком случае остается от марксизма, предоставляется очевидно решать самим его сторонникам, ибо Кареев благоразумно об этом умалчивает.

«Еще большой вопрос (чтобы не сказать более решительно), — повторяет Кареев в «Общих основах социологии» (1919 г.), — можно ли свести всю общественную структуру и духовную культуру общества к значению простых надстроек над чисто хозяйственным «материальным» базисом» [42].

За «экономическим фактором» оставляется таким образом значение лишь «одного из многих» факторов исторического процесса, он действует лишь наряду с другими, нисколько не менее важными факторами, отнюдь не являясь определяющим.

Но ведь признание «важности» экономического фактора является не только вполне приемлемым, но и весьма характерным для мелкобуржуазных историков. Об этом достаточно убедительно говорил М. Н. Покровский на конференции историков-марксистов.

Собственная же теория «исторического процесса», которую пытается сформулировать Кареев, сводится лишь к «признанию взаимодействия личности и надорганической среды» [43].

«Объединяется же исторический процесс общей идеей прогресса» (!), явно взятой напрокат у Михайловского [44].

«Прогресс и есть то единое, которое мы должны рассмотреть во многом, сделав из него объединяющую идею философии истории». «И конечно, — продолжает Кареев [45], — философия истории не может быть не идеалистичной...» Однако и как сторонник идеалистической философии, Кареев отнюдь не является последовательным. Как типичный эклектик, он и здесь должен оговориться: «Идеализм идеализму рознь... Вредна всякая односторонность». «Мы согласны, что идеи управляют ходом истории (!); но именно те идеи, которые наиболее оказывают на него влияние, сами находятся в зависимости от его хода... Не все идеи, другими словами, управляют историей, равно как не одними идеями направляется ее ход... вот необходимая поправка формулы: «Идеи управляют историей» [46].

«...Для общественной перестройки, — пишет Кареев, — необходимо прежде всего изменение идей в обществе, хотя, с другой стороны (!), изменение идеи немыслимо при неизменности общественного строя. Таким образом жизнь и идеи находятся в вечном взаимодействии» [47].

Этот кареевский дуализм, как известно, вызвал в свое время очень едкую, но справедливую оценку Плеханова (см. его «К вопросу о монистическом взгляде на историю», работу, которая была написана как ответ «гг. Михайловскому, Карееву и др.»).

Перейдем теперь к взглядам Кареева на отдельные важнейшие вопросы исторической науки. Здесь я буду базироваться в первую очередь на книге Кареева «Общие основы социологии», вышедшей в 1919 г. Писал ее Кареев, по собственному указанию, летом 1918 г. (!) в деревенской тиши, «не отвлекаясь ничем другим, даже чтением газет, получавшихся чуть ли не раз в неделю». Таким образом гражданская война и революция, охватившая всю страну, казалось, не должна была бы достигать почетного члена Академии наук, мирно предававшегося «научной работе». Однако это оказалось далеко не так. Ведь даже и «в сельской тиши» история остается самой политической из всех наук. Именно в этой книге взгляды Ка-

[41] «Введение в изучение социологии», с. 100.
[42] «Общие основы социологии», с. 12
[43] «Основные вопросы философии истории», с. 263.
[44] Там же, с. 96.
[45] Там же, с. 190.
[46] «Основные вопросы философии истории», ч. 2, с. 162—3.
[47] Там же, с. 271.

реева на государство, и в особенности на революцию, выражены чрезвычайно выпукло. Надклассовый характер государства, его творческая, «организующая» роль не подвергаются здесь ни малейшему сомнению (см. § 146, 169). Для Кареева государство — это «высшая социальная организация, в основе коей необходимо лежит кооперация»[48].

«Исторический процесс зарождается с образования государства», ибо «только в государстве возможно появление людей, которые дают широкое применение новым идеям». «Государство, которое на первых порах было почти исключительно только организацией общественных сил для защиты извне и охраны внутреннего мира (!), мало-помалу перестало ограничиваться этими чисто отрицательными функциями и начало играть творческую роль в области и экономики, и права»[49].

Теория классового происхождения государства конечно Кареевым отрицается. «Общественная власть и обычное право зародились еще до классовой диференциации общества, зародились при удовлетворении общего интереса в безопасности и спокойствии, что осталось целью и позднейших эпох бытия государства и права», пишет Кареев (§ 169).

Строки, посвященные Кареевым вопросу о происхождении государства, в достаточной степени любопытны. «Властвование присуще самым ранним ступеням общественной эволюции человека,— пишет Кареев, — в благоустроенных обществах насекомых (!), напр., у пчел, нет элементов власти... Общественность позвоночных уже заключает в себе элемент властвования. В приемах пестования самкою своих детенышей (напр. курицею ее цыплят) мы уже наблюдаем присутствие властвования с ответными актами повиновения детей повелительным зовам матери. То же (!) изначала происходило и в человеческих материнских группах, состоявших из женщины и ее малых детей»[50].

Думается, раз дело дошло до курицы с цыплятами, то комментарии становятся излишни — отрывок говорит сам за себя.

Любопытен и взгляд Кареева на революцию. Для него это не диалектический процесс разрушения старого и созидания нового общественного строя, нет, «революции в общественной жизни это то же самое, что в природе — грозы и бури, в организмах — острые заболевания... В душевной жизни индивидуумов, в организмах им соответствуют психозы, да и на самом деле... они (т. е. революции — **Н. Ф.**) имеют характер коллективных психозов, настоящих психических эпидемий, в которых происходит заражение одних другими»[51].

Успокаивает Кареева, созерцающего «коллективный психоз», только то соображение, что в конце концов «хаос должен уступить место порядку, произвол— праву, война всех против всех— социальному миру».

Напрасно мы стали бы искать у Кареева классового анализа революционного процесса с точки зрения его движущих сил или с точки зрения его объективного содержания. Кареев ограничивается делением революций на «большие» и «малые». Энгельсовское деление революций на пролетарские и буржуазные Кареева конечно не устраивает.

Таким образом кажущаяся «объективность» и «беспристрастие» Кареева не могут скрыть от нас политической подоплеки его научных построений. Тем более интересно в связи с этим бросить взгляд на его политическую карьеру.

Политическая эволюция, проделанная на своем веку Кареевым, тоже очень типична для тех либерально-народнических кругов русской интеллигенции, которые, начав с увлечения Лавровым, кончили свою политическую карьеру в лагере кадетской партии.

«Прилежный читатель «Отечественных записок»[52], Кареев, окончив Петербург-

[48] «Старые и новые этюды об экономическом материализме».

[49] «Общие основы социологии», с. 146.

[50] Там же, § 113.

[51] Там же, § 278, с. 175.

[52] «Анналы» № 1, статья Кареева, Памяти двух историков.

ский университет в 1873 г., вступил на научное поприще с ярко выраженными «народническими тенденциями», столь свойственными русской интеллигенции 70-х гг., когда судьба русской общины и «крестьянский вопрос в сознании русского общества был центральным социальным вопросом»[53]. Этими интересами и был обусловлен выбор Кареевым темы для его магистерской диссертации, где он специально останавливается на классовом расслоении французского крестьянства накануне Великой революции. К тем же 70—80-м гг. относится и личное знакомство Кареева с Лавровым, прервавшееся в последующие годы: «Не все в этих мыслях (Лаврова — **Н. Ф.**) было для меня приемлемо, — пишет Кареев в статье о Лаврове, — н о в о б щ е м м ы ш л и о д н о й д о р о г о й»[54].

«По многим вопросам философии истории, социологии, мы были единомышленниками». «Вспоминая теперь впечатление, которое они (статьи Лаврова — **Н. Ф.**) на меня тогда произвели, я не удивляюсь тому, что люди менее теоретического, чем у меня, склада ума и наоборот более активного темперамента вступали на путь, указывавшийся Лавровым».

Однако дальнейшее «развитие капитализма в России» неминуемо вызывало и дальнейшее расслоение в рядах российской интеллигенции. «Теоретический склад ума» и «недостаточно активный темперамент», помешавшие Карееву, по его словам, пойти по революционному пути, намеченному Лавровым, не помешали ему в XX веке стать видным и деятельным членом кадетской партии. «Народнические тенденции» остались лишь благодушными воспоминаниями о далекой юности. В 1905 г. Кареев, деятельно работает в академической комиссии по вопросу об автономии высших учебных заведений, состоит гласным Петербургской городской думы и п р е д с е д а т е л е м п е т е р б у р г с к о г о к о м и т е т а к о н с т и т у ц и о н н о - д е м о к р а т и ч е с к о й п а р т и и[55], а в январе за участие в известной депутации 8 января к министрам Кареев был даже подвергнут заключению в Петропавловской крепости.

Исторические работы Кареева в этот период получают определенную политическую устремленность. «Исторический очерк представительных учреждений Западной Европы» в сборнике «Конституционное государство», «Исторические справки о введении конституций в западноевропейских государствах» написаны целиком в духе кадетских представлений о том «правовом государстве», которое фигурировало в их программе. Статьи п опольскому вопросу[56] и ряд работ по университетскому уставу лишь дополняют и конкретизируют общий облик либерально-буржуазной профессуры, как он отлился в Н. И. Карееве.

Высшим достижением Кареева в политической области было его избрание весной 1906 г. членом Первой государственной думы от г. Петербурга. Его кандидатура была выдвинута той же кадетской партией вместе с Набоковым, Петражицким, Винавером, Петрункевичем и другими.

Даже много лет спустя Кареев с удовольствием вспоминает то «моральное удовлетворение, которое получилось от выборов 20 марта и 14 апреля», давших победу в руки кадетской партии[57].

Действительно, установленный царским правительством избирательный ценз сделал свое дело: ни один представитель от питерских рабочих в Думу не попал. И даже обед у Донона, устроенный выборщиками-кадетами в упоении сдержанной победой, не смог загладить, как пишет Кареев, того мрачного впечатления, которое было вызвано отказом рабочих «сняться вместе с остальными выборщиками в общей фотографической группе»[58].

[53] «Анналы» № 1, ст. К а р е е в а, Памяти двух историков.

[54] «Из воспоминаний о П. П. Лаврове», «Былое», № 9, 1918.

[55] «Краткие биографии членов Государственной думы», 1906.

[56] С 1879 по 1884 г. Кареев вел занятия в Варшавском университете, см. сборник «Члены государственной думы», изд. 1906.

[57] См. статью К а р е е в а, Выборы в Петербурге в Первую государственную думу, помещенную в сборнике «К 10-летию Первой государственной думы», вышедшем в 1916 г.

[58] Выборы в Первую государственную думу от Петербурга, как известно, были двухстепенными.

Этот маленький инцидент был лишь небольшим предвестником грядущих грозных событий.

Весна 1906 года была повидимому кульминационным пунктом политической деятельности Кареева. Начавшаяся реакция заставила его даже в самой Думе занять весьма умеренную позицию. Его выступления с думской трибуны ограничиваются речами 2—5 мая по общим основаниям ответного адреса, где он защищает равноправие «народов, населяющих Россию, и принцип ответственного министерства»[59], да еще речью 6 июня о необходимости гражданского равенства. Но и в этих речах видна вся умеренность тогдашних взглядов Кареева. Защищая принцип ответственного министерства, он вместе с тем признает, что образование его — «дело еще не данной минуты», хотя самый принцип «парламентарного министерства... должен быть заявлен теперь же... для дальнейшего реформирования России без всяких внутренних столкновений... во избежание тех опасных конфликтов и тех ужасных последствий, которые в этих конфликтах заключаются».

По мнению Кареева, в этот момент «только полное единение монарха и нации может вывести страну из исторического тупика», и Кареев не даром здесь же с думской трибуны в эпоху первой русской революции превозносит не Марата или Робеспьера, даже не Дантона и Демулена, а Мирабо (!), «который яснее других понимал положение дела и вместе с тем яснее других указывал ту дорогу, на которую должна была выйти Франция».

По вопросу о гражданском равенстве дело тоже не обходится без оговорок. Если, по мнению Кареева, необходимо просто отменить все ограничения в вопросах национальности, вероисповедания и пола, то вопрос об уничтожении сословных привилегий уже связан для Кареева «с некоторыми затруднениями». Специальная комиссия должна быть создана для решения вопроса о том, какие из сословных привилегий могут быть отменены немедленно и в каких случаях «потребуется создание нового закона».

Характерно, что подписи Кареева нет и под Выборгским воззванием, этой бессильной попыткой бессильного протеста либеральной буржуазии против укрепляющего свои позиции царизма.

Наступившая реакция повидимому вынудила Кареева отойти от политической деятельности. Только революция 1917 г. заставила вновь откровенно зазвучать политические злободневные нотки в его многочисленных произведениях, казалось бы посвященных «давно прошедшим» временам и событиям. По ним можно судить, как далеко вправо отброшен Кареев нарастающей волной пролетарской революции. «Отчего кончилась неудачей европейская революция 1848 года?» — вот характерное название кареевской брошюры, вышедшей в 1917 г. в издании партии Народной свободы. И здесь, при перечислении причин, погубивших революцию, наряду с указанием на разделение, происшедшее «между средним классом (во Франции — буржуазия, в Германии — бюргерство) и народом в более тесном смысле трудящихся классов (особенно рабочие, пролетариат)», Кареев обрушивается на «непонимание, что завоеванная свобода должна быть упроченной», на «любовь к пышным и пустым фразам, самомнение и фантазерство».

Желание, чтобы «трудящиеся классы, особенно рабочие, пролетариат» шли за буржуазией (вспомним тогдашнюю широко развернутую проповедь Burgfrieedena (характерный для кадетской партии призыв «упрочить» сделанные завоевания, прежде чем двигаться дальше, «упрек в самомнении и фантазерстве», брошенный по адресу «левых»,—все это достаточно характеризует позицию Кареева в 1917 г.

Дальнейшая «эволюция» Кареева не вызывает никаких сомнений. «Учредительное собрание в историко-философском освещении» — вот его статья, помещенная в № 1 «Вестника культуры и политики» за 1917 г.; в эпоху заключения Брестского мира из-под его пера выходит статья о «Патриотизме фран-

[59] См. Стенографический отчет Первой Государственной думы.

цузской революции», объединившем все классы населения Франции для защиты отечества (см. кадетскую газету «На швек» 1918 г.). А «густо союзническая ериентация» Кареева ясно видна не только в его статьях. «В недавнем германском плену»[60] и «О происхождении и значении теперешней войны»[61], но и в его общем курсе «История Западной Европы в новое время», где он определенно указывает, что «ни во Франции, ни в России не было воинственного настроения. Не было его и в Англии», тогда как «вся политика Германии получила агрессивный характер»[62]. Здесь «в населении, даже в социал-демократии, все усиливалась воля к господству, в то время как в других странах брали верх пацифистские стремления» (!). Наконец, в № 3 того же «Вестника культуры и политики» за 1918 г. имеется статья Кареева «Франц. революционный трибунал 1793—1795 г.», где под видом Франции, жившей без всякой конституции, с погубленным местным самоуправлением, с комиссарами, напоминавшими даже не «интендантов старого порядка», а «римских проконсулов», без труда можно распознать попытку набросать злостную карикатуру на революционную Россию после Октябрьского переворота.

Учреждение революционного трибунала является с точки зрения Кареева лишь возвращением к чрезвычайным судам старого порядка, отмеченным в первый период революции. «Для того, чтобы понять, чем был «революционный трибунал во Франции 1793—1795 гг.», Кареев настойчиво рекомендует «проникнуть в самую суть якобинской (сиречь большевистской — **Н. Ф.**) диктатуры, которая в основе своей была тем же неуважением к достоинству и правам человеческой личности, которое характеризует старый абсолютизм». «В своей политической борьбе, — пишет Кареев, — деятели 1793—1795 гг. шли по дороге, прототоренной еще старой монархией, и в утрированном виде возобновляли ее главные грехи против человечности и культуры» — вот относящееся к 1918 г. заключение о якобинцах того самого Кареева, который в 1879 г. начал с работы о классовом расслоении французских крестьян. Как видим, попытки классового анализа нет и в помине. Между методами якобинской диктатуры и «старым порядком» (сиречь советской властью и самодержавием) историк, заслуживший своей работой 70-х гг. лестный отзыв Маркса, не видит теперь никакой разницы. Классовый анализ с избытком заменен дешево стоящим негодованием по поводу «неуважения к достоинству и правам человеческой личности».

Даже казалось бы приемлемый для либерального профессора декрет советской власти об отделении церкви от государства вызывает в Карееве негодование. В № 6 того же «Вестника» сразу после статьи Иванова «Отделение или умерщвление церкви» идет и статья Кареева, настаивающая на том, чтобы «при отделении не пострадали религиозные интересы населения» и «чтоб государство сохранило свой нейтральный характер, а не выступало с той враждебностью к данной религии, какая проявлялась во Франции в эпоху революционной дехристианизации». Политический, сугубо антисоветский характер этой статьи станет особенно ясным, если мы вспомним о вышедшем в это же время «Заявлении партии народной свободы по поводу начавшихся гонений на церковные общества», где она призывает своих членов «обращать внимание местных партийных органов на необходимость принять активное участие в защите церкви»[63].

Брошюры Кареева «Чем была Парижская Коммуна 1871 г.», вышедшей в 1917 г. в издании кадетской партии, нам, к большому сожалению, достать не удалось.

Политические и социологические взгляды Кареева, очерк которых мы пытались дать выше, конечно не могли не отразиться на его работах»[64].

---

[60] «Русские записки», 1918.

[61] Газета «Речь», 1916.

[62] «История Западной Европы», т. VII, ч. V, с. 711.

[63] См. «Наш век», № 111, 7 июля 1918.

[64] Мы остановимся здесь лишь на более поздних работах Кареева, из числа вышедших после Октябрьской революции.

Возьмем ли мы работу Кареева о «Двух английских революциях», мы увидим, что «главным (!) в них была борьба между королевским самодержавием и ограничивавшим эту власть парламентом» [65], заглянем ли в «Очерки социально-экономической истории Зап. Европы в новое время» (Гиз, 1923), мы увидим, что из 268 страниц всего 3 (с. 145—148) посвящены Парижской Коммуне—почти столько же, сколько и энциклике папы Льва XIII (с. 250 — 252). Оценка значения Парижской Коммуны, данная Марксом и Энгельсом, занимает всего 8 строк; оценка Ленина не приведена вовсе, взглядов самого Кареева на значение Коммуны в истории рабочего движения установить невозможно [66].

Не менее любопытны 10 и 22 главы этой работы [67], где I и II Интернационалу уделено всего по 3—4 страницы (с. 128—131 и с. 247—250). Напрасно стали бы мы искать четкого анализа борьбы марксизма и бакунизма в I Интернационале или освещения роли Ленина во II; зато имеется отдельная рубрика «Участие протестанских пасторов в социальном движении». То же мы видим в заключительной главе, посвященной вопросу об империализме. Даже простой ссылки на ленинское определение империализма не имеется; нет ничего и о новой роли, которую в эпоху империализма начинают играть колонии не только как рынок сырья и место сбыта фабрикатов, но и как место вывоза капиталов.

По вопросу о происхождении войны проводится та же, хотя и несколько завуалированная антантофильская точка зрения. Общее впечатление от книги — невыгодное для автора даже по сравнению с его собственными прежними работами; недостатки изложения (расплывчатость, отсутствие зачастую своей определенной точки зрения, отсутствие или недостаточность классового анализа и т. д.) значительно возросли в ущерб тому «добросовестному изложению фактов», стремление к которому еще видно например в отдельных томах кареевской «Истории Западной Европы в новое время». Что касается до историографических работ Кареева в послереволюционные годы, то все они отличаются упорным замалчиванием марксистских исследований [68].

Пожалуй, наиболее любопытным именно с точки зрения чрезвычайно одностороннего освещения «положения дел на историческом фронте» является историографический обзор Кареева, помещенный в сборнике «Historie et historiens depuis cinquante ans», изданном «Revue historique» в 1927 г. по случаю пятидесятилетнего существования этого журнала. В этом двухтомном сборнике дается краткий очерк развития исторической науки в различных странах за последние 50 лет: положение науки в нашей стране и должен был осветить Кареев в разделе, озаглавленном «Russie» [69].

Любопытно самое начало. Оказывается, исторические науки обязаны у нас своими «значительными успехами» не революции 1917 г., открывшей двери высших учебных заведений широким рабочим слоям, даже не революции 1905 г. с ее пресловутой автономией «высшей

[65] «Две английских революции», 1924, с. 258.

[66] Этой оценки Кареев не дает и в т. IV «Истории Западной Европы в новое время». Приведя мнение Маркса и Энгельса, Кареев сейчас же противопоставляет им мнение «самого основательного и авторитетного историка Третьей республики Ганото» и переходит затем к изложению взглядов Дюбрейля, счастливо избегнув таким образом необходимости выявить свою точку зрения.

[67] «Возрождение социального движения в 60-х годах» и «Международность социального движения конца XIX века».

[68] О трехтомнике Кареева «Истории французской революции» имеется краткий, но содержательный отзыв Н. М. Лукина в его обзоре «Великая французская революция в работах советских историков» («Историк-марксист № 5, 1927). Другая историографическая, тоже трехтомная работа Кареева («Революция и наполеоновская эпоха». «Девятнадцатый век». «Период от 1814 до 1859 г.» изд. «Наука и школа», Петроград 1923) в общем страдает теми же недостатками. Даже казалось бы в совершенно безобразном полубеллетристическом обзоре «Французская революция в историческом романе» (1923 г.) мы встречаем утверждение, что противоположение монтаньяров, стоявших за равенство, жирондистам, выше всего ставившим свободу, — «очень близко к тому, что было на самом деле» (с. 75).

[69] Характерно, что о существовании Союза советских социалистических республик, возникшего на месте царской России, даже и не упоминается.

школы», за которую в свое время так усердно ратовал Кареев, а... «реформам 60-х годов». О революции 1917 г. (притом, повидимому, Февральской, а не Октябрьской) говорится только то, что она открыла доступ в архивы, в частности в архив департамента полиции, да повысила еще интерес к истории революционного движения. Других, сколько-нибудь заметных для Кареева перемен в дело изучения истории революции 1917 г. очевидно не внесла. Если так, то немудрено, что из поля зрения Кареева ускользнул целый ряд организаций и учреждений, созданных именно Октябрьской революцией. Действительно, в разделе о научных журналах и обществах вы найдете Археографическую комиссию Академии наук, Общество истории и древностей российских. Киевское общество им. летописца Нестора, найдете указания даже на Духовную академию, но зато в кареевском обзоре вы не встретите даже названия Общества историков-марксистов, Коммунистической академии, Института Маркса и Энгельса и всех их многочисленных изданий. Неожиданное исключение сделано лишь для Большой советской энциклопедии, повидимому «замолчать» ее издание было уже чересчур неудобно.

Та же тактика замалчивания проводится и по отношению к историкам-марксистам. Так например, среди «русских» историков имя Ленина конечно не названо. Упоминаются Туган-Барановский, Струве, Кулишер, не забыты ни Иловайский, ни Победоносцев, но нет Плеханова. Из марксистов указаны только М. Н. Покровский и Рожков, да и те фигурируют только как ученики Ключевского, отказавшиеся «от его метода (à sa manière), чтоб примкнуть к экономическому материализму Маркса».

Останавливаясь несколько дальше на отдельных проблемах, интересовавших русских историков, Кареев особливое внимание уделяет конечно реформам 60-х гг., однако вопрос о судьбах русской общины и о развитии капитализма в России, который так интересовал когда-то юношу Кареева, не включен им теперь в круг затронутых русскими историками проблем.

Если еще в т. VI «Истории Западной Европы в новое время», вышедшем в 1909 г., Кареев считал нужным указать, что «русскими о коммуне было написано немного, но зато такими людьми, как Лавров, Бакунин, Крапоткин», то теперь, в 1927 г. самый вопрос о Парижской Коммуне каким-то образом совершенно исчез из поля зрения почтенного историографа, хотя именно по истории Парижской Коммуны еще в 1922 г. вышла монография Н. М. Лукина. Ничего не сказано и о вышедших у нас многочисленных работах, трактующих эпоху империализма. Ненароком можно даже подумать, не обрывается ли вообще вся история на Великой французской революции, так заботливо освещенной в трудах «русской школы»?

Является ли это умолчание злостным или нет, — так ли уже это важно? Ведь все равно широкие круги «читающей» западноевропейской публики составят себе суждение о советской науке по этой статье Кареева и им подобным. Вот почему нам важно заниматься не только критикой тех или иных буржуазных теорий (давно ведь известно — «критика легка — искусство трудно»), а противопоставить им собственные марксистские исследования. Только тогда задачи нашего общества будут достигнуты, только тогда, добавлю, книги Кареева со всеми их недостатками перестанут быть необходимым пособием каждого «западного» историка.

Н. Лукин (заключительное слово). Мы заслушали сейчас несколько очень обстоятельных докладов. Здесь перед нами прошел целый ряд буржуазных историков, но было бы ошибочно думать, что сегодняшним собранием мы исчерпали свою задачу, задачу социального анализа буржуазно-исторических концепций. Прежде всего конечно мы не могли в один день исчерпать этой темы. Целый ряд буржуазных историков Запада у нас остался не рассмотренным. Мы не только не коснулись здесь работ по истории Запада — Троцкого, но мы оставили вне поля нашего зрения целый ряд например украинских историков, если не считать академика Бузескула, который является одним из представи-

телей украинской школы. К целому ряду историков, о которых шла сегодня речь, нам несомненно придется вернуться, ибо очень трудно на протяжении 15—20 минут дать всестороннюю, исчерпывающую оценку трудов, писавшихся на протяжении десятилетий.

Более того. Мы сегодня только приступили к анализу работ тех историков, которых мы зачислили под рубрику наших попутчиков. В лице т. Фридланда имели только одного докладчика по этой группе историков. Тов. Фридлянд остановился на проф. Преображенском, но ведь с таким же основанием можно говорить о проф. Косминском и о целом ряде других историков с тем, чтобы показать, в какой мере можно считать их действительными попутчиками, говорить о приближении их к марксизму и т. д.

Несомненно, что дискуссии в собственном смысле этого слова не было. Был ряд докладов. Между тем чрезвычайно интересно было бы обменяться мнениями по поводу оценки того или иного буржуазного историка.

И наконец, что самое важное, мы почти не приступили к той задаче, которую я наметил в своем докладе: а именно, к задаче разоблачения классовой сущности тех или иных представителей буржуазной исторической науки. Из всех докладчиков, которые здесь прошли, в сущности вплотную к этому вопросу подошел только т. Далин, который в своем конкретном докладе показал, каким образом политические проблемы, выдвигаемые западноевропейскими империалистами и теми классами, которые надеются на реставрацию буржуазного строя в России, нашли свое отражение в тех или других работах академика Тарле.

Совершенно очевидно, что вся эта группа буржуазных историков так или иначе, в той или иной мере выполняла социальный заказ тех общественных групп, которые были разбиты, как я говорил, ходом революции и гражданской войны, которые сейчас отсиживаются и по ту сторону границы, и здесь в СССР.

В тех докладах, которые прошли перед нами, по крайней мере в большинстве из них, вопрос, в сущности говоря, сводился к выявлению антимарксистской позиции того или другого историка. Но этого еще, разумеется, мало. Нужно здесь поставить вопрос более конкретно и углубленно, только тогда мы будем иметь право говорить, что мы по-марксистски исследуем соответствующие продукты идеологической работы.

Однако каковы бы ни были совершенно неизбежные недостатки нашего заседания, мне кажется, что оно имело много положительных сторон. Прежде всего оно ввело нашу молодежь в круг больших и сложных вопросов, которые до сих пор нами или совсем не ставились, или ставились отрывочно и неполно. Мне кажется, что один из существеннейших плюсов нашего сегодняшнего заседания заключается в том, что присутствующие здесь молодые товарищи не только воспримут общие наметки и установки, которые были здесь сделаны, но, я полагаю, проникнутся сознанием чрезвычайной сложности тех вопросов, которые нам предстоит разрешить в процессе этой критики.

Затем, мне кажется, что наша сегодняшняя дискуссия имела большое политическое значение, поскольку мы здесь подчеркнули необходимость более тщательного, более щепетильного марксистского анализа в отношении тех работ, тех историков, к которым мы подходили до сих пор недостаточно критически. Я имею в виду как раз ту группу попутчиков, о которой здесь шла речь.

С другой стороны, такая дискуссия должна будет дать известный положительный результат в том смысле, что она заставит отчетливее самоопределиться те группы попутчиков, которые тяготеют сейчас к марксизму. Мне кажется, что в результате подобной дискуссии одни из наших попутчиков действительно ближе подойдут к нам, другие разойдутся с нами окончательно, но это совершенно законная и необходимая диференциация, и чем скорее она завершится, тем лучше.

Таким образом я считаю, что наше сегодняшнее заседание наметило некоторые вехи нашей работы. Мы произвели известную марксистскую разведку в этот чуждый, враждебный нам стан, но наша работа в этом направлении еще только начинается.

ДОКЛАДЫ В МЕТОДИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ И В СЕКЦИИ ИСТОРИИ ЮНОШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ [1]

А. ДОКЛАД С. С. КРИВЦОВА „ЛЕНИН О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ“ [2]

С. Кривцов. В свое время методическая секция Общества историков-марксистов вела борьбу за преподавание истории в школе. Теперь мы знаем, что существует документ, в котором В. И. Ленин четко и ясно высказался за преподавание истории в наших школах, это — заметки Ленина на тезисы Н. К. Крупской о построении нашей школы. Это мнение В. И. укладывается во всю систему его учения, так как ленинизм-марксизм насквозь испорчен. Мы имеем и помимо этого документа определенные высказывания В. И. о значении истории в изучении того или иного явления. В лекции о государстве, прочитанной в Свердловском университете, В. И. рекомендует «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как данное явление возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».

Для нас здесь важно отметить, что, выступая перед мало квалифицированной аудиторией, какой была Свердловка в 1919 г., В. И. считал необходимым поставить вопрос о государстве на историческую почву.

В докладе «Пролетариат и война», прочитанном в 1919 г., В. И. Ленин указывает, что понятие отечества дано в «Коммунистическом манифесте» как историческая категория, становящаяся излишней на определенной стадии развития общества. Далее Ленин поясняет: чтобы получить правильное материалистическое, а не эклектическое, понимание вопроса о характере войны 1914 г., нельзя ставить знак равенства между ней и прежними войнами, а надо поставить ее в ту историческую обстановку, в которой она происходит. Только подойдя к войне 1914 г. исторически, можно доказать, что она является не национально-освободительной, а империалистической войной, и соответственно определить свое тачтическое отношение к ней. Методологическая ошибка социал-патриотов заключалась в том, что они, не ставя вопрос исторически, относили эт увойну к разряду национально-освободительных войн и поддерживали ее, пытаясь опереться на высказывания Маркса. Ленин ставит вопрос о том, что при изучении политических учений всегда надо иметь в виду основные факты перехода общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и далее — к капитализму. Ленин говорит здесь об «исторических рамках», которые совпадают с понятием исторической перспективы, о необходимости которой мы постоянно говорили, борясь за историю.

В статье «Империализм и раскол социализма» Ленин устанавливает непрерывную историческую связь между явлениями на частном примере связи между социал-шовинизмом и оппортунизмом. Эта неразрывность исторической связи и является основным моментом в построении целостного курса истории, за кото-

---

[1] В настоящем номере помещается краткое изложение доклада С. С. Кривцова в Методической секции и двух первых докладов (Т. Ацаркина), прочитанных в недавно организованной при Обществе историков-марксистов Секции истории юношеского движения. Отчет о докладах, состоявшихся за последнее время в др. секциях, будет дан в следующих номерах журнала.

[2] Заседание Методической секции от 28 ноября 1930 г.

рый мы боремся. Ленин определял меньшевизм в 1905 г. как своеобразную буржуазную политику среди рабочего класса. В предисловии к сборнику «За 12 лет», написанном в 1907 г., Ленин устанавливает следующую преемственность: из легального марксизма родился экономизм, из экономизма — меньшевизм, из меньшевизма — ликвидаторство. Ликвидаторство родило оппортунизм, этот последний на наших глазах превращается в социал-фашизм. Такова непрерывная историческая цепь развития.

Переходя к заметкам Ленина на тезисы Н. К. Крупской, докладчик говорит, что Ленин прежде всего считал необходимым разграничение общеобразовательных предметов во всех профтехнических школах. По его мнению должны отдельно существовать «коммунизм», история вообще, история революций, история революции 1917 г., география, литература и т. д. Что понимал Ленин под словом история «вообще». Вот например, книга Ленина «Развитие капитализма в России». Это чисто историческое произведение и вместе с тем не только историческое, так как оно родилось из борьбы с народниками. Как и в упомянутом выше вопросе о войне для Ленина история и здесь прежде всего дает возможность установить правильный подход к явлениям и наметить правильную тактическую линию. Когда перед Лениным стал вопрос о Бресте, о «похабном», «несчастном» мире с Германией, он обратился к истории, стал изучать Кареева, том, посвященный Тильзитскому миру. Пруссии, поставленной на колени Наполеоном, удалось выкрутиться из этого положения с помощью военной реформы, создавшей народные ополчения. В первую годовщину Октября Ленин выдвинул требование о создании трехмиллионной армии. Тогда многим это требование казалось диким, так же как для многих казалось странным, когда на IV съезде советов Ленин говорил о Тильзите, казалось странным потому, что люди в большинстве случаев истории не знали. Из приведенных примеров видно, что для Ленина «история вообще» есть история развития хозяйства, история классовой борьбы, история военных и дипломатических столкновений. Говоря о союзниках пролетарской революции, т. Сталин указывает, что одними из них являются «конфликты в лагере наших врагов». Сложный узел международных отношений можно также понять только исторически.

Ленин сравнивал Столыпина с Бисмарком; чтобы понять Столыпина Ленин занимался Бисмарком. В его статьях неоднократно встречается сравнение нашей Февральской революции с революцией 1848 г.; статьи от апреля до августа 1917 г. пестрят терминами: луиблановщина, бонапартизм и т. д.

Далее т. Кривцов переходит к вопросу, как понимал Ленин изучение истории революций. В. И. больше всего интересовали революции, содержащие в себе социалистические попытки. Когда в 1905 г. стал вопрос о вооруженном восстании, о баррикадной борьбе, Ленин принимается за изучение с этой точки зрения опыта Парижской Коммуны и буржуазных революций XVII и XVIII вв.

Изучая революцию 1917 г., Ленин дал периодизацию, на основании которой легко понять значение современного этапа нэпа. По вопросам истории партии мы имеем у Ленина ряд интереснейших высказываний, имеющих большое значение для братских компартий. Ленин — насквозь историчен. Его всегда интересует, откуда возникло явление, куда оно растет. Он всегда говорит о тенденциях, о путях развития.

На беду нашей школы как раз элементы историзма были выкинуты из ее программы. Эти программы не давали никакой перспективы, брали явление так, как оно есть. В конце концов наша школа оказалась в тупике, а между тем в связи с реализацией пятилетнего плана встала вплотную программа кадров. Для того, чтобы образование действительно давало деятелей социалистического строительства, оно должно быть насквозь исторично. Нужно иметь «рамку» (по выражению В. И.), в которой данное явление развивается, в противном случае мы будем «ползучими эмпириками».

В школе II ступени нам нужен исторический курс. В основу новых программ для политехнической школы ну-

жно положить высказывания В. И. Ленина.

В прениях по докладу т. Кривцова высказались т. Егоров и т. Брагин.

Тов. Егоров соглашается с основными положениями докладчика и дополняет его разбором известной речи т. Ленина «О задачах союзов молодежи», посвященной вопросу о том, как нужно учиться молодежи. Из этой же речи можно сделать вывод о том, как эту молодежь нужно учить.

Основное условие—это связывание теории с жизнью и борьбой пролетариата. Преподавание истории надо поставить в связь с основными политическими задачами партии и Коминтерна. Перед историками-преподавателями надо поставить конкретную задачу выделения в историческом курсе проблем наиболее актуальных в настоящее время. В наших программах революция 1848 г. в Германии обычно смазывается, а между тем она ставит актуальнейшие проблемы перерастания, национальный и аграрный вопросы, которые имеют важнейшие значения для Коминтерна.

В произведениях Ленина часто ставится вопрос о смене лозунгов партии, в наших исторических курсах этот вопрос редко заостряется, в то время как для нас это имеет огромное значение в связи с новыми лозунгами о крестьянстве.

Замечания Ленина о связи теории с практикой надо применять таким образом, чтобы учащиеся переносили свои исторические знания в массы — на фабрики и заводы. Такой актуальный вопрос, как сущность право-«левацкого» блока должен быть поставлен в историческом освещении на примере таких же беспринципных антипартийных блоков в прошлом.

Тов. Брагин отмечает, что докладчик правильно указал на вопросы пролетарской революции как центр тяжести исторических работ Ленина, но это не значит, что В. И. брал материалы только из истории рабочих революций.

Оратор указывает на определения якобинцев, данные в «Что делать», частые указания на «Гору» и «Жиронду» и др. В деле преподавания истории надо учиться у Ленина, как связывать вопросы, касающиеся непролетарских революций, с проблемой пролетарской революции. Тов. Брагин указывает, что Ленин применял метод «выпячивания» той или иной проблемы на соответствующих этапах борьбы, и мы должны, как правильно указал т. Егоров, делать то же самое и перерабатывать наши программы в соответствии с потребностями переживаемого периода.

В своем заключительном слове т. Кривцов отмечает, что прения дополнили его доклад. Он говорит, что не касался специально вопроса о современности, так как считает настоящий доклад продолжением прошлогоднего доклада на тему «История и современность». Докладчик считает, что выдвинутый т. Егоровым вопрос о смене лозунгов относится к курсу ленинизма, который в заметках Ленина носит название: «Коммунизма». К вопросу о необходимости постановки курса истории это не относится, а доклад был посвящен этому.

Совершенно справедливо замечание о важности изучения германской революции 1848 г., в особенности для понимания прусского пути, значения Бисмарка, контрреволюционной роли буржуазии. Также совершенно верно замечание о «выпячивании» соответствующих тем. Программы в нужном смысле должны переделываться.

Докладчик заявляет, что он поставил себе ограниченную задачу показать, что в той борьбе, которую мы вели за историю, мы шли за Лениным. Доклад был попыткой показать, что наша тактика является тактикой ленинизма в борьбе за преподавание истории в школе.

Б. ДОКЛАД А. АЦАРКИНА „О ЗАДАЧАХ СЕКЦИИ ИСТОРИИ ЮНОШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ"[1]

Основной задачей секции т. Ацаркин наметил борьбу за ленинизм в теории и истории юношеского движения, с одной стороны, против меньшевистских теорий, отрицающих активную политическую роль юношеских организаций, и, с другой, против «левацких» теорий, отрицающих необходимость существования самостоятельных юношеских организаций. И та, и другая теория объективно в интересах буржуазии способствует выпадению из пролетарского революционного фронта одного из его боевых важнейших звеньев — комсомола. Ленинская теория не только признает необходимость массового пролетарского юношеского движения, но и его самостоятельность, что конечно не исключает общего идеологического руководства коммунистической партии и участия молодежи в классовых битвах пролетариата. Докладчик указывает, что для разработки теории юношеского движения необходимо обратиться к произведениям теоретиков марксизма: к гениальным строкам I тома «Капитала» о проблеме труда и воспитания молодежи, к произведениям Ленина, дающим развернутую программу форм и методов юношеского движения. Отдельные проблемы истории юношеского движения должны изучаться под углом зрения современных задач комсомола, чтобы использовать опыт достижений и ошибок прошлого нашего движения. Перед секцией стоит задача накопления материалов, собирания источников для того, чтобы приступить к изданию многотомной истории комсомола, намеченному юношеской секцией Института Ленина.

Докладчик считает целесообразным разбить секцию на три группы: 1) История и теория комсомола, 2) Международное юношеское движение, 3) Детское движение.

В заключение докладчик считает, что секция должна добиться в соответствующих инстанциях преподавания истории комсомола и КИМа в школах, для чего необходимо учреждение аспирантуры при историко-исследовательских институтах.

В прениях были высказаны противоположные точки зрения на задачи секции.

Тов. Бархашев предостерегает от опасности замкнуться в академизм. Всякое сугубо академическое изучение, говорит он, надо связать с самыми политическими проблемами сегодняшнего дня. В своей работе секция должна быть связана с широкими массами комсомола. Ее задача — пропагандировать необходимость изучения истории комсомола.

Тов. Шурыгин делает несколько замечаний о наличии диспропорции между ролью юношеского движения в практике пролетарской борьбы и ее отражением в теории. Здесь более чем где-либо подтверждается указанное т. Сталиным отставание теории от практики. Переходя к критике предложенного т. Ацаркиным плана работы секции, т. Шурыгин развивает точку зрения предыдущего оратора. В предложенном плане основное место занимают исторические вопросы, а не вопросы сегодняшнего дня. В этом т. Шурыгин видит возможность «отставания».

Оратор намечает следующие задачи секции:

1. Изучение лица молодежи периода реконструкции для потребностей комсомольской работы.
2. Коммунистическое воспитание молодежи.
3. Изучение вопроса об взаимоотношении партии и комсомола.
4. Теоретическая разработка выступлений правых в комсомоле: например теория воспитания молодого кулака в комсомоле.
5. Разработка ряда практических задач труда и образования рабочей молодежи.
6. Обобщение материала об участии комсомола в выполнении пятилетки.
7. Задача собирания материалов в архивах ячеек.

[1] Заседание Секции истории юношеского движения от 27 ноября 1930 г.

8. Реорганизация журнала «Юный коммунист» в политико-теоретический журнал.

Оратор предлагает изучать историю не для истории, а для понимания нынешнего периода в развитии комсомольской организации. Секция должна быть научным центром комсомольской работы. Исходя из этой задачи, надо строить формы и методы ее работы.

Противоположную точку зрения на задачи секции высказывает т. Балашев. Он заявляет, что будет говорить о секции как об организации, которая в первую очередь должна заняться не современностью, а историей комсомольского движения, так как научной разработки истории комсомола не существует. Это не значит однако, что развитие комсомольской организации наших дней можно оторвать от ее истории. Оратор предостерегает от принятия предложения т. Шурыгина, так как это означает превращение секции в информационное бюро.

Задачу секции т. Балашев видит в том, чтобы покончить с кустарщиной в истории комсомола. История без архивов, без документов немыслима, надо подтолкнуть работу истмолов. Наиболее слабым участком является изучение истории движения в провинции. Истории движения крестьянской молодежи нет совсем.

Тов. Карсавин основной задачей считает создание 4-томника по истории комсомола. Не менее важным является изучение борьбы с враждебными нам организациями молодежи. Надо взяться за изучение особенностей движения молодежи в национальных окраинах, для чего можно использовать землячества.

Тов. Катаев обращает внимание на необходимость изучения подпольных комсомольских организаций на Урале, в Сибири. Большой интерес представляет изучение сектантских юношеских организаций.

Тов. Бархашев вносит предложение об издании серии дешевых брошюр, которые дали бы освещение современных героических страниц борьбы комсомола.

Тов. Ацаркин в заключительном слове указывает, что правильная точка зрения на задачи секции заключается в одновременном проведении предложений и т. Шурыгина, и т. Балашева. Надо пронизать одно другим, т. е. современность историей и историю современностью. Докладчик заканчивает указанием на необходимость создания на местах специальных организаций по изучению юношеского движения.

В. ДОКЛАД А. АЦАРКИНА „К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОЛЕТАРСКОГО ЮНОШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ“[1]

К изучению международного и союзного юношеского движения, говорит т. Ацаркин, мы должны подходить под углом зрения необходимости борьбы за генеральную линию партии, борьбы на два фронта, которая является борьбой за ленинизм.

Конечные задачи комсомола есть задачи ленинской партии, поэтому самое важное в его работе есть обеспечение партийного руководства. Тов. Сталин определяет комсомол как резерв из рабочих и крестьян для пополнения партии и одновременно инструмент для воздействия партии на широкие массы молодежи. В противоположность этому ленинскому пониманию задач союза молодежи мы имеем, с одной стороны, меньшевистскую, социал-фашистскую теорию, утверждающую, что союзы не должны непосредственно участвовать в борьбе за диктатуру пролетариата. Представители этой теории являются прямыми агентами буржуазии, так как пытаются увлечь юношеское движение на путь культурничества и отказа от борьбы за власть. С другой стороны, имеются «левацкие», анархо-синдикалистские и авангардистские теории, отрицающие возможность существования массового юношеского движения в стра-

[1] Заседание секции по истории юношеского движения от 3 января 1931 г.

нах капитализма. Ленинское понимание этого вопроса признает самостоятельное пролетарское юношеское движение, находящееся однако под руководством партии. Юношеское движение имеет свои закономерности, но они являются частными по отношению к общим закономерностям пролетарского революционного движения.

Необходимым спутником мануфактурного производства является ученичество, потому что процесс производства выполняется различными специалистами, подготовка которых требует продолжительного обучения. Поэтому мы видим ученическое движение уже на самой ранней стадии развития капитализма.

Победа машины знаменует собой массовое вовлечение молодежи и детей в производство. Капиталистический способ производства требует незначительных кадров квалифицированной рабочей силы, которая вербуется из детей рабочей аристократии и мелкой буржуазии города. Основная масса молодежи осуждена на превращение в простой придаток машины.

Дальнейшее развитие производительных сил со всей остротой ставит вопрос о всестороннем развитии производителя. Но эта проблема составляет противоречие, которое в недрах капитализма не может быть разрешено. Быстрое вовлечение юношества в процесс производства дает резкое повышение классовой самосознательности, и отсюда идет начало собственно пролетарского юношеского движения.

В эпоху господства финансовой олигархии, которая делает неизбежным все новые и новые войны, юношеское движение, окрепшее и получившее бо́льшую организованность благодаря росту пролетарского революционного движения, идет под знаком борьбы против милитаризма. Процесс машинизации сельского хозяйства сопровождается гигантским ростом вовлечения молодежи в процесс производства и особо острой формой эксплоатации. В странах развитого капитализма крестьянское юношеское движение идет под руководством пролетарского. Там, где это руководство отсутствует, движение носит буржуазно-экономический либо культурнический характер.

Биологический фактор в определении особенностей юношеского движения, по мнению докладчика, должен быть поставлен на последнее место, хотя он и играет некоторую роль. Буржуазные теории ставят биологический фактор на первое место и против таких тенденций нам надо бороться.

Докладчик переходит к вопросу о необходимости установления точной периодизации в истории юношеского движения, которая была связана с общим социально-экономическим развитием отдельных стран, и намечает 4 основных периода в общепролетарском международном юношеском движении.

Первый период — с 30—40 гг. до конца 70-х и начала 80-х гг. прошлого столетия — характеризуется низким органическим строением капитала, увеличением прибавочной стоимости, снижением заработной платы, отсутствием почти до 50—60 гг. фабричного законодательства преобладанием датей в процессе производства. На этом этапе говорить о массовом политическом движении нельзя, так как налицо невероятная, подавляющая рабочего эксплоатация. Движение носит главным образом экономический характер, в Австрии например оно принимает характер борьбы за получение квалификации.

Выделение самостоятельного юношеского движения мы имеем во второй период от 80-х до 1910—1911 гг., для которого характерен гигантский рост капитализма, рост органического строения капитала, колоссальный разрыв между квалифицированной частью пролетариата и основной массой неквалифицированной рабочей молодежи. В этот же период во весь рост встает проблема борьбы с милитаризмом.

Третий период начинается примерно с эпохи штуттгардского конгресса 1912 г. и кончается 1918—1919 гг. Этот период характерен наличем раскола в рабочем движении, изменой социал-демократии и попытками с ее стороны подавить революционное юношеское движение, свести его к задачам культурничества, не выходящим из рамок капитализма. В эпоху третьего периода пролетарское юно-

шеское движение в связи с изменой социал-демократии и крахом II Интернационала стоит во главе революционного движения. Здесь рождается история авангардизма, ставшая политически неправильной после возникновения Коминтерна.

Четвертый период начинается с конца войны и победы пролетарской диктатуры в СССР и продолжается до наших дней. В этот период встает проблема юношеского движения в колониях и полуколониях, по-особому ставится задача молодежи в СССР и в капиталистических странах.

В заключение докладчик останавливается на задачах молодежи в эпоху строительства социализма.

В прениях по докладу т. Ацаркина выступили тт. Ярцев, Шохин и Прокошева.

Тов. Ярцев считает, что доклад скользил по поверхности явлений и ставил вопросы слишком обще. Далее оратор полемизирует с докладчиком и т. Шохиным, слишком пренебрегающими, по его мнению, биологическим принципом. Тов. Ярцев полагает, что потребность в особой организации молодежи вытекает как раз из ее биологических, возрастных особенностей. Он считает, что доклад должен был выяснить спорный вопрос о причинах отсутствия самостоятельного юношеского движения в России до 1917 г. Без выяснения этого вопроса нельзя приступить к разработке истории юношеского движения. Предложенную т. Ацаркиным периодизацию оратор считает периодизацией не истории юношеского движения, а юношеского и детского труда. По его мнению в докладе недостаточно резко подчеркнуто различие между задачами комсомола в СССР и в Западной Европе.

Тов. Шохин заявляет, что он не отвергает роли биологических особенностей в юношеском движении, но протестует против буржуазной точки зрения о том, что биологические особенности являются главной и основной причиной юношеского движения. Биологические особенности молодежи существовали всегда, но только в условиях капитализма мы имеем массовое юношеское движение. Оно вырастает из характерного для капитализма обострения классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом. Далее оратор переходит к вопросу об отсутствии самостоятельного юношеского движения в России до 1917 г. и высказывает мнение, что в том случае, если бы в рабочем движении России преобладал меньшевизм, юношеские организации неизбежно бы возникли, как это было на Западе, но у нас юношеское движение смыкалось с ортодоксальной частью рабочего движения. Цифры говорят о том, что накануне 1905 г. 72% всех вступавших в партию были комсомольского возраста. Недостатком доклада т. Шохин считает его абстрактность, а также и то, что он обошел уже имеющуюся литературу по вопросу о закономерности в развитии юношеского движения.

Тов. Прокошева также указывает на слишком общий характер доклада и отсутствие фактического материала. Она считает, что нельзя механически разрывать пролетарское и буржуазное движение. В связи с пролетарским движением надо было осветить и юношеское движение в колониях.

В заключительном слове т. Ацаркин указывает, что на Западе существуют буржуазные теории, выдвигающие на первый план биологический фактор, но неверно сказать, что они кладут его в основу. Это было бы принижением нашего спора с буржуазными учеными. Они иногда понимают классовую борьбу не хуже нас.

Тов. Ацаркин отрицает отсутствие юношеского движения в России до 1917 г. Были специальные кружки молодежи, специальные юношеские стачки. Так, например, в 1905 г. на Трехгорной мануфактуре был специальный кружок для юношества. Все это можно считать пролетарским юношеским движением, принявшим форму массового вовлечения молодежи в общепартийное движение. Цифры т. Шохина вполне это доказывают. В Германии например такой картины мы не наблюдаем.

В заключение докладчик подчеркивает, что четвертый период замечателен тем, что имеет три новых типа юношеского движения: западноевропейское, колониальное и юношеское движение в СССР.

«ТРИБУНА»

С. Бантке

ПОБОЛЬШЕ ЛЕНИНСКОЙ ЧЕТКОСТИ

(По поводу книги Г. Зайделя «Очерки по истории II Интернационала»[1]

Общество-историков-марксистов в своей резолюции от 19/III 1930 г. заострило внимание историков на разработке «тех отделов истории, которые наиболее тесно связаны с происходящими на наших глазах грандиозными сдвигами и непосредственно могут служить к уяснению этих сдвигов».

К числу таких наиболее действенных проблем относится изучение истории международного пролетариата и его классовых боев в эпоху империализма и в особенности в послевоенные годы. На западном участке исторического фронта изучение этой проблемы является одной из актуальнейших и боевых задач.

Именно поэтому можно порадоваться вместе со всеми историками-марксистами выходу в свет книги т. Зайделя, посвященной одному из кардинальнейших вопросов международного рабочего движения до войны—вопросу изучения истории II Интернационала.

Изучение прошлого для историка-ленинца является только средством «приучиться различать конкретные особенности настоящего» и должно служить политическим задачам, стоящим перед рабочим классом нашей страны и перед международным пролетариатом.

Поэтому нам чрезвычайно важно в каждой работе проследить, насколько выполнена поставленная историкам-марксистам задача дальнейшего укрепления и развития четкой марксистско-ленинской методологии, насколько данный автор в своей работе собрал все сказанное В. И. Лениным, насколько он умело применил те методологические указания, какие имеются в ленинском наследстве.

С этой точки зрения, которая является одновременно проверкой исполнения принятых нами решений, попробуем подойти к работе т. Зайделя.

В своей книге автор поставил себе задачу—«систематизировать материалы, дать им более правильное освещение и довести до сознания читателя кое-что новое, что ускользало из поля внимания других историков». Кроме того автор «стремился несколько пополнить те пробелы, которые имеются в уже вышедших работах советских историков».

Тов. Зайдель просит не смотреть на его работу «как на вполне самостоятельное исследование выдвинутых проблем», но все же книгу т. Зайделя нужно рассматривать не только как первую попытку систематизировать историю II Интернационала, но и как попытку на основании «предпосылок, намеченных в работах Ленина», поставить и заново разрешить ряд проблем.

Автор дает в начале историографическое введение, а затем общий очерк истории II Интернационала. После чего во втором очерке т. Зайдель переходит к рассмотрению аграрного вопроса и в третьем — организационных принципов II Интернационала. Четвертый и пятый очерки, которые т. Зайдель об'единил под названием: «Марксизм эпохи II Интернационала», по существу составляют самостоятельную вторую или даже третью часть книги. Причем рассмотрение марксизма эпохи II Интернационала начинается опять с истории того же II Интернационала. Благодаря тому, что у автора не было заранее строго продуманного плана всей работы, не получилось цельности и стройности изложения. Поставленная автором задача систематизировать материалы, с нашей точки зрения, не вполне удалась. Заодно, укажем на то, что т. Зейдель почему-то ограничил себя только печатной литературой, в то время как в ИМЭ имеются богатейшие архивные материалы по истории II Интернационала: архив Ньювенгюиса, архив В. Либкнехта и др. Работа над ними несомненно дала бы автору возможность лучше подкрепить свое, хотя и «не вполне исследование».

После этих предварительных замечаний перейдем к рассматриванию отдельных статей книги.

---

[1] Ленинградское отделение Комакадемии, Институт истории, изд. «Прибой», 1930, с. 240.

В своем историографическом введении т. Зайдель совершенно правильно отмечает, что настоящая марксистская история II Интернационала берет начало со статей Ленина и отчасти Плеханова, все же автор должен был указать, что и выступления Энгельса и в особенности его переписка того времени также являются прекрасным методологическим источником при изучении истории II Интернационала.

Переходя к критике оценок Плеханова, т. Зайдель указывает, что «его (Плеханова) критика итальянского синдикализма страдает односторонностью: недооценены революционные черты синдикалистского мировоззрения, значение синдикализма как реакции на реформистское загнивание официальной с.-д.» (с. 9). Мы не собираемся оспаривать настоящего положения, но недоумеваем, почему т. Зайдель сузил свою критику Плеханова только вопросом об итальянском синдикализме. Ведь у Плеханова есть работа, посвященная «Анархизму и социализму». Работа, которая была выпущена отдельным изданием ИМЭ и в предисловии к которой писалось, что «брошюра Плеханова остается по сей день лучшей и наиболее содержательной критикой анархизма как системы взглядов». Тов. Зайдель ни словом не обмолвился ни об этой оценке, ни о самой работе. А ведь без выяснения этого более общего вопроса, чем оценка итальянского синдикализма, подходить к первому периоду в истории II Интернационала, когда борьба с анархизмом стояла в центре внимания, все же довольно трудно. Так как автор исходил из «предпосылок, намеченных в работах Ленина», то последуем его примеру и посмотрим, как Ленин оценивал эту брошюру.

«Плеханов, — пишет Ленин, — ухитрился трактовать эту тему («анархизм и социализм»—*С.Б.)* совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще!». И несколько ниже Ленин продолжает: «Но говорить об «анархизме и социализме», обходя вопрос о государстве, не замечая всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса не ставились вовсе. Это уже есть победа оппортунизма» [2].

Тов. Зайделю следовало, исходя из ленинских характеристик, не ограничивать себя вопросом об итальянском синдикализме, а поставить по-ленински вопрос об одной из основных работ Плеханова, написанных, как известно, по поручению правления Германской социал-демократии.

Кстати, отметим для сведения ИМЭ, что во французском издании 1923 г. такой социал-соглашатель, как А. Дюнуа, и то посчитал необходимым остановиться на этих мыслях Ленина.

В своем первом очерке т. Зайдель, как и подобает всякому историку, начинает с установления хронологических рамок. Оговариваясь, что хронология вещь условная, т. Зайдель дает три периода в истории II Интернационала: первый — организационный (1889—1900), второй — зарождение и рост реформизма (1900—1907) и третий — оформление левого крыла и руководящая роль центризма (1907—1914).

Тов. Зайдель пишет на с. 15 о необходимости исходить из «ленинской концепции эпохи», но все же он не ее кладет в основу, а нечто свое, условное. На его месте мы, следуя ленинской концепции эпохи, намеченной им в статье «Исторические судьбы учения К. Маркса», разделили бы историю II Интернационала прежде всего на две больших эпохи. Первую — с 1899 по 1904 — эпоху «мирную» и вторую с 1904 по 1914, когда «мирный» период 1872—1904 годов «отошел бесповоротно в вечность» [3] и когда II Интернационал подвергся испытанию на деле (революции в России, Китае, Турции и Персии, Балканская война и т. д.).

Когда есть эта основная ленинская линия, то дальнейшее деление внутри этих двух эпох совершенно ясно вытекает из внутренней истории II Интернационала. Первый период, 1889—1896, организационный, второй, 1896—1904, период оформления и борьбы с оппортунизмом (Бернштейн, Мильеран), третий, 1904—1907, период после революции 1905 года и крена налево каутскианских элементов под влиянием русской революции и последний, четвертый период, 1907—1914, период бессилия германской социал-демократии и потери ею руководящей роли внутри II Интернационала, перерождения каутскианства, оформления левого крыла и эмбрионального развития элементов III Интернационала. Именно такая хронология, тоже конечно условная, соответствует ленинской концепции эпохи и методологическим указаниям, разбросанным в его статьях.

Приступая к первому основному вопросу организационного периода — вопросу об анар-

[2] Ленин, Собр. соч., т. XXI, с. 442.

[3] Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 33.

хистах, т. Зайдель пишет: «Понятно, что эта односторонняя (подчеркнуто мною — *С. Б.*) борьба «налево» давала возможность анархистам удерживать свое влияние на некоторые круги рабочего класса» (с. 21). Тов. Зайдель в данном случае только вторит тем, которые пишут, что «удалив часть анархистов, Брюссельский конгресс установил единство социалистического движения путем блока с правыми элементами» [4].

Насколько нам известно, этими правыми элементами были поссибилисты и представители умеренных английских рабочих союзов [5]. Получается, во-первых, односторонняя борьба налево, а во-вторых, тезис, что эта борьба возможна была только путем блока с правыми элементами.

Достаточно обратиться к «Письмам Энгельса к Зорге», чтобы увидеть, как систематически он давал указания о борьбе на два фронта против анархистов и против поссибилистов. Энгельс пишет о том, что все попытки к примирению и блоку с правыми кончились неудачей, чем и был положен конец этой комедии примирения. «А нашей сентиментальной примиренческой братии за все ее дружелюбие было поделом получить грубый пинок в самое мягкое место. Авось это их вылечит на некоторое время» [6]. Где же тут блок с правыми элементами?

Вообще нужно отметить, что Энгельс поиному расценивает работу Брюссельского конгресса, чем Плеханов, с которым в общем соглашается и т. Зайдель, и т. Фридлянд. Автору книги нужно было показать, во-первых, что Энгельс не только давал советы немецкой братии, но и энергично проводил в жизнь борьбу на два фронта, во-вторых, что впоследствии, после смерти Энгельса, вожди II Интернационала эту линию извратили и, в-третьих, что блока с правыми по существу не было. Иначе получается такая картина: выгоняют анархистов, а Ф. Энгельс, В. Либкнехт и др. блокируются с поссибилистами, фабианцами и прочими явными оппортунистами. По этому поводу мы напомним марксисту-ленинцу т. Зайделю следующее место из предисловия Ленина к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Зорге».

«Англо-американских социалистов, — пишет Ленин, — они (Маркс и Энгельс — *С. Б.*) всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух. Немецких социалистов они всего настойчивее учили: «не впадайте в филистерство», в «парламентский идиотизм», в «мещански-интеллигентский оппортунизм».

Пойдем дальше. На с. 32 мы читаем: «Важнейшим практическим выражением выросшего оппортунизма было, как громом (подчеркнуто мною — *С. Б.*) поразившее все международное рабочее движение, вступление Мильерана в буржуазное министерство». Но зачем Мильерану понадобилось вступать в министерство? Оказывается затем, чтобы провести закон о 10-часовом рабочем дне и «пустить пыль в глаза рабочим». По т. Зайделю получается, что «закон этот совершенно (подчеркнуто мною — *С. Б.*) не выполнялся» (с. 30).

Мы решили и в данном случае проверить, насколько т. Зайдель пользовался ленинским наследством, и обратился к сочинениям В. И. Ленина. В т. VII, на с. 198 мы прочли следующее: «На деле перед рабочим классом (Франции — *С. Б.*) объективно выдвигались уже историей зада[ча] социалистического переворота, от которого отманивали пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ».

Я думаю, что после этого не следует объяснять, что дело куда глубже и серьезнее, чем простое пускание пыли в глаза рабочим. Дело в социалистическом перевороте, о котором ни звука нет у т. Зайделя и от которого путем крохотных социальных реформ, путем усиления реформизма в среде французского рабочего класса отманивали господа Мильераны.

Теперь насчет того, исполнялся или нет этот закон. В 1919 г. в связи с требованием 8-часового рабочего дня буржуазные писаки во всех буржуазных газетах и журналах вопили о том, что это утопия. Во Франции мол не исполняется закон Мильерана о 10-часовом рабочем дне, и нельзя сразу перескочить от 12-часового рабочего дня, установленного в 1848 г., к 8-часовому, это безумный скачок, которого должно остерегаться правительство. Синдикалисты в своих газетах, защищая 8-часовой рабочий день, привели следующие данные, характеризующие применение закона Мильерана до войны:

[4] Фридлянд, История, ч. 2, с. 600.

[5] Плеханов, Соч., т. IV, с. 112.

[6] «Письма Ф. Энгельса к Зорге» от 20 июля 1889 г. и от 2 сентября 1891 г.

Часы	Число предпр.
От 8 до 10	12 554
10	194 673
От 10 до 12	46 332
Свыше 12	23 :63

Именно потому, что в 70% всех предприятий, плохо ли, хорошо ли, но применялся закон Мильерана о 10-часовом рабочем дне, введение 8-часового рабочего дня после войны стало возможным и послужило одним из факторов, задержавших революционизирование рабочих. Правда в одном случае (Мильеран) 10-часовой рабочий день дается сверху, чтобы сдержать начавшийся напор снизу, а в другом случае 8-часовой рабочий день декретируется под сильнейшим напором снизу.

Я привел все это для того, чтобы показать сквозящую иногда у т. Зайделя небрежную манеру обращения с фактами и его торопливость в обобщениях.

Немного ниже т. Зайдель пишет, что «Каутский в это время — с русской революцией — с большевиками (? — *С. Б.*), с международной левой» (с. 37). Каутский записан здесь ни больше, ни меньше, как в большевики.

Каутский никогда не был с большевиками, и его оценки революции 1905 г. не совпадали с ленинскими. Об этом, как читатель увидит, пишет и сам Зайдель.

На следующей странице мы читаем: «Этот образовавшийся блок всех левых элементов во II Интернационале — от Ленина до Каутского — и был той силой, которая противодействовала не без успеха наступлению правых элементов на международное рабочее движение в 1900—1907 гг.» (с. 38).

Здесь нам не понятны две вещи: во-первых, как мог оформиться этот блок, когда Каутский рьяно выступал против Ленина и считал его раскольником и т. д., и т. д., а во-вторых, когда ему было образоваться вплоть до Ленина, если последний впервые стал принимать участие в работах II Интернационала только с 1907 г., со Штутгартского конгресса. Получается что-то не совсем ясно насчет этого блока «от Ленина до Каутского».

Переходя к разбору работ Штутгартского конгресса, т. Зайдель на с. 43 особенно подчеркивает мужество Каутского и то, что Бебель никогда не был оппортунистом. Но уже на с. 49 он вынужден был подчеркнуть, что ортодоксальные предложения Бебеля легко было читать сквозь оппортунистические очки, что Фольмар и поспешил сделать. Но т. Зайдель забыл указать, что, несмотря, на «мужество» Каутского, вся немецкая делегация голосовала по колониальному вопросу в общем за социал-шовинистическое предложение и что Бебель потребовал «многократной переделки текста» известной поправки, внесенной В. И. Лениным. «Первая редакция, — пишет В. И. Ленин, — говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях»[7]. Умалять значение этого факта значит не понять того, что В. И. Ленин считал необходимым особенно подчеркнуть.

Кроме того, т. Зайдель, прекрасно изложивший стенографический отчет Штутгартского съезда, почему-то не посчитал нужным высказаться по вопросу о действительной роли германской социал-демократии в Штутгарте. Как известно, К. Цеткин писала, что «в большинстве комиссий по большинству вопросов представители Германии были на этот раз вожаками оппортунизма». Кстати сказать Каутский, который проявил по Зайделю столько мужества на этом конгрессе, писал почти то же самое: «Та руководящая роль, которую до сих пор играла фактически германская социал-демократия во II Интернационале, на этот раз ни в чем не проявила себя». Не сказать этого значит не понять начала потери германской социал-демократией руководящей роли во II Интернационале.

В начале следующего первого очерка, который посвящен вопросу о «периоде руководящей роли центризма и крахе II Интернационала», т. Зайдель почти в тезисной форме излагает социально-экономическое своеобразие каждой страны. Всякий марксист знает, что нужно изучить социально-экономический базис, но посвятить этому 1½—2 странички, как делает т. Зайдель, это значит отделываться общими фразами.

Показывая рост центризма, т. Зайдель с сожалением пишет: «К несчастью, центризм во главе с Каутским после поражения русской революции 1905 г. все больше склоняется к поддержке реформизма, к противодействию революционному крылу международной социал-демократии» (с. 57).

Вначале мы думали, что это просто описка, но оказывается, что этот «стиль» присущ т. Зайделю, потому что на с. 142 мы читаем: «На знаменитом банкете с Сен-Мандэ (1896), где Гед к несчастью (подчеркнуто мною —

[7] См. Г. Зиновьев, Война и кризис социализма.

С. Б.) продолжал свое единение с оппортунистами...» После того как мы увидели снова это несчастье, случившееся на этот раз с Гэдом, мы решили быть все же справедливыми к т. Зайделю и отнести эти «к несчастью» за счет стиля.

Тов. Зайдель в общем правильно оценивает позицию В. И. Ленина во II Интернационале. Он пишет, что «Ленин задолго до войны считал необходимым готовиться к организационному отмежеванию от правоцентристского большинства II Интернационала. Не имея достаточно верных союзников в этот период, Ленин отсрочивал решительное выступление» (с. 60)

Второй очерк посвящен аграрному вопросу во II Интернационале. Нужно отметить, что до сих пор на этот вопрос действительно мало обращали внимание, и автор справедливо нашел необходимым дать разбор аграрных программ французской, германской и др. партий. Это свежий и в общем ценный материал несколько перегрузил книгу, так как автор кроме истории II Интернационала дал таким образом и историю аграрного вопроса в отдельных партиях, расширив этим рамки своей работы.

Мы особо отмечаем попытку автора, довольно удачно выполненную, развернуть взгляды Энгельса на аграрный вопрос и показать, что они «до конца существования II Интернационала так и остались непонятными руководящим большинством международного рабочего движения» (с. 103).

В общем нужно отметить, что эта глава действительно пополняет те пробелы, которые имеются в вышедших работах советских историков.

В третьем очерке, посвященном организационному вопросу, т. Зайдель, говоря о составе Интернационала и разбирая вопрос об анархистах, несомненно ошибочно трактует «молодых» как ядро «левого» крыла на первом этапе развития II Интернационала. Он пишет: «Ядром этого («левого» — *С. Б.*) крыла становятся немецкие «молодые», вожди которых были исключены из партии на Эрфуртском конгрессе 1891 г., и часть голландских социалистов, группировавшихся вокруг Ньювенгюиса» (с. 113). Несомненно, что не «молодые» играли руководящую роль, а Ньювенгюис, и он по праву должен быть выдвинут на первое место. Мы увидим впоследствии, что у т. Зайделя имеется в последних очерках другая формулировка этого же вопроса.

Дальше, разбирая вопрос о приеме рабочей партии во II Интернационал, т. Зайдель оказывается политически близоруким и не видит, что В. И. Ленин, следуя заветам Маркса и Энгельса о борьбе на два фронта, выступает не только против явно оппортунистического предложения Каутского, но и против «левого» Аврамова, болгарского депутата, выступившего против приема рабочей партии на том основании, что это-де значит поощрять оппортунизм. Ленин писал, что требование Аврамова «было вопиюще неправильное мнение».

Неужели т. Зайдель не заметил, что Ленин, подводя итоги сессии МСБ, писал не только, что «доводы В. Адлера и К. Каутского» его «не убедили», и он продолжает «считать их неправильными», но и другое: «Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об-руку с ними, не делая уступок в принципах, но и не отказываясь от деятельности в гуще пролетарских масс» [8].

Или это тоже против Каутского? Нет, это место направлено против фразера Аврамова, сектанта, «левого» на словах и оппортуниста на деле, не понимающего, что нужно итти в массы, что нужно «уметь терпеливо, выдержанно работать рука об-руку с ними». Вспомним, что говорил английским коммунистам В. И. Ленин: нужно оставаться, не отказываясь от своих коммунистических принципов, в английской рабочей партии. Это место показывает, что т. Зайдель не только не заметил борьбы против «левых», но и не понимает, что такое борьба на два фронта.

В конце очерка, касаясь вопроса о вмешательстве МСБ в русские дела и в общем правильно описывая прения, т. Зайдель неожиданно заканчивает: «Впоследствии большевики, в том числе и Ленин, приветствовали принятое решение МСБ. Ленин мягко называл поправку Каутского «необдуманным утверждением» (с. 132).

Прежде всего о мягкости Ленина по отношению к Каутскому. В своей статье «О недопустимой ошибке Каутского» Ленин писал: «Сказав свою ч у д о в и щ н у ю фразу и встретив возражения, Каутский пытался поправиться: по центральному органу германской социал-демократии «Вперед»; выходит, что поправился плохо».

[8] Л е н и н, Собр. соч., т. XII, с. 348.

Дальше относительно «приветствования» решения. Ленин просто пишет, что было два плана: Каутского и Розы, «разумеется этот второй план был хуже» (подчеркнуто мною —*С. Б.*). Ясно отсюда, что и план Каутского был плохим, но второй был хуже: «Большевики вынуждены были принять план Каутского, который кстати ни к чему не обязывал кроме «обмена мнений». А по Зайделю получается, что Ленин мягко отнесся к Каутскому и приветствовал его. Приходится сказать, что наш автор не умеет по-ленински определить отношение большевиков к Каутскому накануне войны, не умеет по-большевистски заострить политизировать эту проблему.

Последние два очерка, являющиеся центральными, как мы уже писали, посвящены «Марксизму эпохи II Интернационала».

В своих предварительных замечаниях т. Зайдель обрушивается на тех историков, которые не понимают процесса перерождения вождей II Интернационала: «Кто думает, что II Интернационал и вожди не перерождались, что эта международная организация с самого начала и до конца была реформистской, тот ничего не понял в истории рабочего движения, тот не сумеет объяснить, почему Энгельс, иногда резко критикуя отдельные шаги вождей социал-демократических партий, председательствовал на Цюрихском конгрессе II Интернационала и считал эту организацию детищем марксизма, почему Ленин работал в недрах этой организации, почему рабочее движение накануне войны было единым и пр. и пр.» (с. 139).

Здесь, как видит читатель, т. Зайдель занял решительную позицию. Он пытается кого-то запугать тем, что «тот ничего не понял в истории международного рабочего движения».

Что касается Энгельса, то мы думаем, что общепризнанные авторитеты сумеют по-настоящему выяснить роль и значение Энгельса во II Интернационале, но что касается Ленина, то аргумент т. Зайделя напоминает мне аргумент Мартова в связи с Бернской конференцией II Интернационала, оппортунизм которого он пытался прикрыть тем, что в нем принял участие Ф. Лорио, тогда сторонник III Интернационала. Напомним по этому поводу следующий отрывок из Ленина: «Мартов писал где-то: вы «большевики» поносите Бернский Интернационал, но в нем же состоит «ваш» друг Лорио». «Это, — продолжает Ленин, — довод мошенника. Ибо всем известно, что Лорио борется за III Интернационал открыто, честно, геройски. Когда Зубатов устраивал в Москве в 1902 г. собрания рабочих в целях одурачивания их «полицейским социализмом», рабочий Бабушкин... ходил на зубатовские собрания, чтобы бороться с зубатовщиной и вылавливать рабочих «из ее лап»: Бабушкин так же мало был зубатовцем, как Лорио «бернцем»[9].

Конечно накануне войны положение дел внутри II Интернационала было сложнее, но так же как Бабушкин вылавливал рабочих из лап зубатовцев, так же и Ленин, работая в недрах II Интернационала, стремился сгруппировать вокруг себя подлинных революционных марксистов и освободить от центристских иллюзий тех из них, кто подпадал под их влияние.

Дальше, что касается единства рабочего движения накануне войны, то кому неизвестно, что в России существовала самостоятельная партия большевиков с 1912 г., кому неизвестно, что в Болгарии были по существу две партии, партия тесняков и широких, в Голландии существовала с 1909 г. партия «трибунистов», и в самой Германии мы имеем внутри одной партии вторую революционную партию (левая радикалов), и разве не величайшим несчастием в рабочем движении Германии было то, что «не был произведен разрыв еще до войны» (Ленин).

Все это не говорит в пользу тезиса т. Зайделя о том, что «рабочее движение накануне войны в общем было единым». Задача историка-марксиста показать, что в общем накануне войны во всех странах мы имеем по существу две партии: одну оппортунистическую, а вторую — революционную, пролетарскую. Это выяснение поможет нам объяснить происхождение братских нам западноевропейских коммунистических партий, которые не являются продуктом войны, корни которых лежат глубоко еще в довоенной истории рабочего движения в отдельных странах и во всем мире.

Методологической основой у т. Зайделя, как мы видим, является теория перерождения. Причем он исходит из того, что «Каутский, Гэд, Гайндман, Плеханов, даже Бернштейн — все они в 80—90-х годах XIX столетия выступали как революционные марксисты» (с. 139). Я не буду сейчас развертывать подробно своей мысли, но я хочу только высказать сомнение в том, действительно ли все названные вожди II Интернационала правильно усвоили учение Маркса и Энгельса, и был ли хоть один из них

---

[9] Ленин, Собр. соч., т. XVI, изд. 1-е, с. 275—276.

верным выразителем революционного марксизма, или же сам этот марксизм в силу того, что он распространялся вширь — в чем и состоит огромная заслуга II Интернационала — потерпел какие-то изменения. Ленин пишет, что «не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма»[10]. Если бы т. Зайдель писал о марксизме с пониженным революционным уровнем, то и тогда конечно было бы непонятно, почему у него в одной линии оказались и Гэд, и Плеханов, и Каутский и даже Бернштейн. Но из его основного методологического тезиса вытекает, что все эти вожди были верными учениками Маркса и «проповедывали несокрушимую классовую борьбу против буржуазии, клеймили всякое соглашательство и оппортунизм» (с. 139) — вот это-то как раз и неверно.

Дальше, что такое теория перерождения по Зайделю? «Перерождение заключается именно в этом процессе перехода от революции к контрреволюции, от марксизма к либерализму». Эта одна сторона процесса, а вот и другая. «Оно (перерождение — *С. Б.*) представляет собой вместе с тем возвращение на другой основе к их первоначальным взглядам, возвращение в лоно буржуазной идеологии, из которого они вышли» (с. 140).

Несомненно, что здесь у т. Зайделя получилось то, что на марксистском языке называется похлебка. По существу есть две теории, одна, что все перечисленные лица, придя от буржуазно-демократических взглядов к марксизму, никогда подлинными марксистами не были, а, оставаясь полудоктринерами, полуфилистерами в политике, вернулись в конце концов на свои старые буржуазные позиции, а вторая, что они стали революционными марксистами, вели несокрушимую классовую борьбу и в силу перерождения повернули от марксизма к исходному положению. Здесь не две стороны одного и того же процесса, не одна теория, как думает т. Зайдель, а две. Тов. Зайдель обе хочет примирить и становится на эклектическую точку зрения.

Перейдем вслед за т. Зайделем к вопросу о подготовке «бернштейнианства». Тов. Зайдель пишет о том, что датой рождения ревизионизма обычно считают 1898 г. «Но если с этого момента действительно произошло оформление ревизионизма в самостоятельное учение, то это оформление было собственно заключительным аккордом довольно продолжительного развития (подчеркнуто мною — *С. Б.*) оппортунистических идей, выросших не только на немецкой почве, но и в международном масштабе. Пока эти идеи не получили своего теоретического оформления в систему взглядов, они не представляли особой опасности для международного рабочего движения» и т. д. (с. 140). Отсюда следует, что бернштейнианство: 1) выросло не только на немецкой почве, но и в международном масштабе, 2) что оно продолжительно развивалось и 3) что оно родилось в рабочем движении, для которого оно не было вначале опасностью, а потом стало таковой. Посмотрим, насколько эти положения согласуются с тем, что пишет В. И. Ленин, работы которого якобы являлись для т. Зайделя путеводной звездой.

«Требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась издавна против марксизма и с политической трибуны, и с университетской кафедры, и в массе брошюр, и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую»[11].

Незачем доказывать, что т. Зайдель не хочет считаться с этим высказыванием Ленина в «Что делать». Преклонившись перед Лениным в предисловии, он в дальнейшем изложении частенько забывает его взгляды. Тов. Зайдель не понял не только, что бернштейнианству по существу «не приходилось развиваться и складываться», но и что бернштейнианство не зарождалось в международном рабочем движении, а было прямо перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Но вот общая мысль, синтезирующая борьбу с ревизионизмом: «Второй Интернационал и его партии однако не только не оказались способными дать настоящий отпор ревизионизму, но сами подверглись его воздействию и в

---

[10] Ленин, Собр. соч., т. XVI, изд. 1-е, с. 182.

[11] Ленин, Собр. соч., т. IV, с. 367 (подчеркнуто мною — *С. Б.*).

лице большинства сами оказались ревизионистскими» (с. 140).

Читатель видит, что т. Зайдель не успел еще рассказать о подготовлении «бернштейнианства», как на той же с. 140 большинство II Интернационала оказалось ревизионистским. Бедный революционный марксист Каутский, бедная теория перерождения, ты уже на второй странице оказалась неспособной справиться с Бернштейном! Правда, если стать на точку зрения т. Зайделя, то Бернштейн очень долго собирался в поход, все взвесил, продумал, оценил, и поэтому его атака не была отбита, а все революционные марксисты (Каутский, Гэд, Плеханов), переродившись, стали ревизионистами.

Но вот от «правого» ревизионизма т. Зайдель переходит к «левому» ревизионизму. Кто же эти герои «левого» ревизионизма? Оказывается, наши старые знакомые со с. 113. Там, когда шел разговор об организационных делах, «молодые» были ядром «левых», а Ньювенгюис был их союзником. На с. 166 т. Зайдель решил изменить соотношения. Он пишет о том, что, «еще будучи в рядах с. д., Ньювенгюис взял под свое покровительство анархиствующих «молодых» из германской с.-д.» (с. 166).

Кто же был руководящим ядром «левых», кто кому покровительствовал? Видно, т. Зайдель, когда писал один очерк, успевал забыть, что писал в другом.

Но все же нужно отметить, что т. Зайдель очень подробно излагает взгляды анархистов и революционных синдикалистов (последние, хотя они и не являются политической организацией, зачислены т. Зайделем в категорию таковых).

В этом очерке читатель найдет изложение взглядов Ньювенгюиса, Сореля, Лагарделя, де Лиона и др.

В разделе о центризме т. Зайдель разбирает взгляды Каутского. Он довольно правильно подходит к разрешению вопроса, говоря о том, что в «Анти-Бернштейне» Каутский не наступает, а обороняется. Еще правильнее было бы сказать, что Каутский в ряде кардинальнейших вопросов—насильственная революция, диктатура пролетариата, выяснение классовых корней бернштейнианства, применение оргвыводов к оппортунистам — не только не обороняется, но прямо отступает перед Бернштейном. Подводя общий итог, т. Зайдель пишет: «Поэтому, оставаясь ортодоксальным на словах, Каутский уже в конце 90-х годов в практической работе социал-демократии совершенно солидаризируется с Бернштейном» (с. 190.

Приводя ряд новых данных, т. Зайдель показывает крен Каутского влево (на словах или на деле неизвестно) и подводит итог: «В период 1900—909-х годов Каутский становится главой левого революционного большинства II Интернационала» (с. 191). Оказывается, что после своего довольно неудачного выступления сначала против Бернштейна, а потом против Мильерана, Каутский уже не просто революционный марксист, не просто представитель центра, а вождь левого, революционного большинства. Мы до сих пор считали, что так называемое революционное крыло во II Интернационале состояло из левых и центристов, поколебнувшихся влево, и что Каутский был вождем центристов, но оказывается мы ошибались, дело обстоит таким образом, что имеется налицо не блок, а сплошное левое, революционное большинство во главе с Карлом Каутским.

Правда, этот революционный глава «спешит оговориться, что время баррикадных боев и вооруженных восстаний прошло» (с. 192), он боится обвинений в бланкизме (с. 193), выступает против конфискации предприятий и земель у господствующих классов» (с. 193), и вот на с. 195 мы имеем новую формулировку: «Левые настроения Каутского нашли свое кульминационное выражение в брошюре его «О движущих силах и перспективах русской революции». Здесь оценка революции 1905 г. в корне расходится с плехановской и весьма приближается к оценке Ленина» (с. 195). Здесь Каутский оказывается не глава левых, а человек «левых настроений» — не плохо сказано, — и теперь читатель понимает, что мы напрасно обрушились на т. Зайделя за то, что он на с. 37 писал: «Каутский с большевиками». Правильная формулировка дана именно здесь; Каутский только приближался к Ленину и к большевикам. Каутский с большевиками полностью никогда не был, даже в своей лучшей работе «Путь к власти».

Для того, чтобы подвести итоги и иметь общее представление о том, как т. Зайдель оценивает главу центристов Каутского, мы приведем следующие места.

Каутский в 80—90-х годах — революционный марксист (впрочем вместе с Бернштейном). С 1900—1907-х годов образовался блок от Каутского до Ленина, (в другом месте Каутский с 1900—1909-х годов глава левых, значит он ведет за собой и Ленина). В другом месте у т. Зайделя Каутский в эпоху 1905—1909-х годов «в общем возглавляет левое крыло во II Интернационале». На с. 102 мы имеем «переро-

ждение центристов и их вождя Каутского, сделавшего с 1910 г. значительный крен вправо...» На с. 57 «к несчастью — как вспоминает читатель — центризм во главе с Каутским после поражения русской революции 1905 г. все больше склоняется к поддержке реформизма». Когда же Каутский склоняется направо: после 1905 г. или после 1910 г.?

Но вот общий итог: «Вплоть до 1909 г. (а для Каутского — до 1910 г.) мы имеем во II Интернационале единое ортодоксальное левое крыло от Бебеля и Каутского до Ленина включительно».

Оказывается, т. Зайдель утверждает ни больше, ни меньше, что существовало единое ортодоксальное крыло с 1900 до 1910 г. от Каутского до Ленина. Читатель вероятно помнит, что в другом месте т. Зайдель писал о «блоке Каутского и Ленина до 1907 г. Видно в следующем очерке т. Зайдель решил амнистировать Каутского и продлить его пребывание в этом блоке до 1910 г. На данном конкретном примере я думаю читатель видит, как у т. Зайделя неплохое изложение иногда смешано с путаницей, бестолковщиной и как в результате небрежного отношения к фактам и формулировкам он скатывается с одной точки зрения на другую.

Если кто-нибудь думает, что т. Зайдель не знает, кто настоящие руководители левого крыла, тот ошибается. Достаточно открыть с. 130, и здесь мы прочтем в главке об «Единстве партии», что «яркими выразителями левого революционного марксистского крыла были Ленин и большевики, к ним примыкали и Роза Люксембург и др.» Можно подумать, что т. Зайдель писал на всякий случай и так, и этак. У него в одном месте главой левого крыла оказывается Каутский, в другом месте — Ленин и Роза Люксембург.

Последняя часть книги посвящена левому радикализму. Здесь бросается в глаза отождествление радикалов в Германии с революционным синдикализмом.

Эта тенденция имеется во всей работе: определяя состав левого крыла, т. Зайдель включает в него наиболее выдержанных революционных синдикалистов. Таким образом по т. Зайделю получается, что революционные синдикалисты были не чем иным как революционной партией и зародышем ее в странах, «где загнивание социалистических партий особенно сильно выражено, — во Франции, Англии, Италии, САСШ» (с. 130 и 208). Прежде всего об Англии — ведь там как будто существовала британская социалистическая партия, которая несомненно тяготела к левому крылу. В Италии почему-то т. Зайдель видит особенно сильное загнивание соцпартии, забывая об изгнании Биссолати и др., что помогло итальянской социалистической партии занять сравнительно правильную позицию в начале войны. В отношении же Франции общетеоретическая установка т. Зайделя не только не приближается к ленинской, а как раз является не чем иным как троцкистским истолкованием роли революционного синдикализма. Для Троцкого революционный синдикализм был «антипарламентской *партией* рабочего класса». Если левые радикалы — предшественники германской компартии, то из отождествления их с революционным синдикализмом естественно вытекает, что во Франции предшественники французской компартии и есть революционные синдикалисты. Это логически вытекает из теории т. Зайделя, заимствованной из арсенала Л. Троцкого, который писал в своем письме к П. Монатту: «Я утверждаю, что вся ваша прошлая работа была не чем иным как подготовкой к созданию коммунистической партии пролетарского переворота. Довоенный революционный синдикализм был эмбрионом коммунистической партии» [12].

А т. Зайдель с серьезным видом утверждает, что его точка зрения в этом вопросе ленинская. Нет надобности доказывать, что на самом деле т. Зайдель вольно или невольно скатился в объятия неверной теории Л. Троцкого.

В очерке «Левый радикализм» т. Зайдель довольно подробно и полно приводит взгляды Розы Люксембург. Тов. Зайдель несомненно прав, когда, подводя итоги, пишет: «Тем не менее заслуги «левых радикалов» накануне войны бесспорны: *они наряду с русскими большевиками выступали против ревизионизма и «центризма»* (с. 225). Это попадает не в бровь, а в глаз некоторым историкам, как например, т. Слуцкому [13], которые некритически повторяют легенду, пущенную в оборот К. Радеком о том, что В. И. Ленин и русские большевики не только не выступали против ревизионизма и «центризма», но недооценивая центразма, не понимали и силы оппортунизма в немецком рабочем движении.

[12] Л. *Троцкий*, Коммунистическое движение во Франции, с. 82.

[13] См. его статью в № 6 журн. «Пролетарская революция» за 1930 г.

Нужно отметить все же, что обещанного (на с. 217) разбора ошибок Розы Люксембург в организационном вопросе т. Зайдель все же не дал. А нужно сказать, что Ленин очень жестоко обрушился на Розу в этом вопросе. В своем ответе[14] на статью Розы «Организационные вопросы русской социал-демократии»[15] Ленин писал: «Читатель, который даст себе труд изучить первоисточники нашей партийной борьбы, легко поймет, что выражение Розы Люксембург об ультрацентрализме, о необходимой постепенной централизации и т. п. практически и конкретно являются насмешкой над нашим съездом, абстрактно же и теоретически (если здесь можно говорить о теории) являются прямым опошлением марксизма, извращением настоящей диалектики Маркса» и т. д.[16]. Из замечания Ленина следует, что т. Зайделю следовало уделить достаточно внимания критике взглядов «левых радикалов» в организационном вопросе.

Но в общем нужно согласиться с той оценкой, какую дает «левым радикалам» т. Зайдель. «Левые радикалы,—пишет он,—самое выдержанное, революционно-марксистское течение в западноевропейском рабочем движении до войны». К этому он добавляет, что все же, несмотря на все заслуги, «люксембургианство» не было еще революционным марксизмом в полном смысле этого слова, не было еще ленинизмом (с. 229).

Подводя общие итоги, нужно сказать, что наряду с некоторыми достоинствами рецензируемой книги, давшей новые и свежие материалы по революционному синдикализму, аграрному вопросу и т. д., в ней нужно отметить один существенный недостаток: автором недостаточно учтены методологические указания Ленина, какие имеются в его статьях, относящихся к истории II Интернационала, к международному рабочему движению до войны. В связи с этим в целом ряде мест мы имеем явно неверные, не ленинские формулировки, порой заводящие автора в область враждебной нам идеологии.

Борясь на идеологическом фронте против непонимания, игнорирования и ограничительного толкования марксо-ленинского наследства, мы по-большевистски должны преодолевать все ошибки и все уклонения от правильной линии. Именно поэтому мы должны систематически проверять, насколько четко и последовательно применяется в работах наших историков марксистско-ленинская методология.

В данном случае нужно сказать, что т. Зайдель не справился с этой задачей.

---

[14] Он был написан Лениным для „Neue Zeit“ но не был помещен редактором его Каутским.

[15] Статья была помещена в „Neue Zeit“ и в новой «Искре».

[16] «XV Ленинский сборник», с. 206.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

В. Сергеев

ЭДУАРД МЕЙЕР (1855—1930)

Летом настоящего года скончался германский ученый «тайный советник, доктор философии и классической филологии, академик ректор Берлинского университета, профессор Эдуард Мейер. Эдуард Мейер — один из самых известных в России западных историков, оказавший сильное влияние на русскую историографию античного мира. Как историк античности Эдуард Мейер требует специальной оценки, не составляющей цели настоящего очерка. Достаточно указать лишь на то, что все более или менее значительные труды по античной истории последних десятилетий находились под прямым или косвенным влиянием Мейера и в значительной степени вышли из его школы. Таковы, например, работы Гуммеруса, Волькенштейна, Перзона, Виппера, Ростовцева и мн. др. Однако историческое значение работ Э. Мейера далеко выходит из рамок античной историографии. Эд. Мейер, как и всякий более или менее значительный историк, не был только историком в узком техническом смысле, но выступал так же и как политик определенного (бисмаркианского) направления. С методологической точки зрения эта сторона Мейера прежде всего и заслуживает внимания, хотя оба аспекта мейеровских работ внутренно, органически связаны друг с другом.

Вообще надо принять как установленный факт, что античная историография, как и всякая вообще историография, с самого первого дня своего существования служила одним из видов политической борьбы на идеологическом фронте, что и придавало ей особую остроту и создавало импульс к постановке и исследованию тех или иных проблем. В силу некоторых своих особенностей античность оказывалась (и оказывается) одним из наиболее подходящих отделов мировой истории для построения и проверки всякого рода историко-философских схем и политических концепций. Начиная с Ренессанса, античная, в особенности римская, история всегда рассматривалась под определенным углом зрения, определявшимся эпохой, политическими симпатиями и классовой психологией автора. В первые столетия Ренессанса античный мир служил орудием антипапского и антицерковного направления, затем античность была использована обеими церковными группами (католиками и протестантами), боровшимися за преобладание в христианской Европе. С XVIII ст. господствующими направлениями античной историографии становится резко выраженное антихристианское направление, достигающее своей высшей точки в лице Гиббона, и эстетическая школа, широко распространенная во всех странах Европы в столетия «просвещенного абсолютизма».

Наивысшего взлета античная историография достигает в середине XIX в. в Германии, совпадая с эпохой образования национального государства и грюндерства. Быстрая индустриализация и социально-политический рост буржуазии произвели глубокий сдвиг, дав могучий толчок мысли, работавшей по всем направлениям и в частности в направлении древней истории. Середина XIX в. в Германии ознаменована появлением целой плеяды первоклассных историков античности—Шверлера, Дройзена, Марквардта, Моммсена, Нича и, наконец, Эд. Мейера. До огромных размеров расширяется фактический материал, и античная история становится настоящим идеологическим фронтом борьбы между соревнующимися классами—юнкерством, крупной и мелкой буржуазией и затем пролетариатом. Наиболее яркой фигурой первого добисмаркианского периода является Теодор Моммсен, автор знаменитой «Римский истории» (1854) и гениальный систематизатор римского права. Моммсен, как никто иной, впитал в себя идеалы и настроения прогрессивной буржуазной Германии 40—70-х гг., с большим трудом промывавшиеся через феодальные преграды. Борьба патрициев с плебеями, сохранившаяся в передаче древнеримских публицистов, Ливия и Дионисия, представляла прекрасный материал для историка, отображавшего либерально-буржуазную идеологию, каковым, как известно, был Моммсен. Исключительное знание материала и огромный

литературный талант дали Моммсену возможность с необыкновенной силой представить грандиозность и величественность социальной борьбы и подчеркнуть справедливость требований римских плебеев, боровшихся amutati, mutdandis— за то же самое дело, за которое боролась и германская буржуазия. Косность глупость, эгоизм, мелочность, бесталанность и проч. низкие качества на одной стороне, на стороне римского юнкерства (патрициев); прогрессивность, благодарство, самопожертвование, отвага и прочие добродетели на другой стороне, на стороне римских прогрессистов (плебеев) — такова историческая концепция Моммсена.

Та уверенность, с которой написаны главы, относящиеся к борьбе патрициев с плебеями, отражает уверенность и прочность германской буржуазии, переходившей после подавления мартовской революции от одного успеха к другому. Не менее сильно написаны также и главы, посвященные «демократическому» монарху древнего Рима Гаю Юлию Цезарю, идеализированному прообразу будущего германского монарха, долженствовавшего обуздать окостеневшее в своих предрассудках юнкерство и, с другой стороны, надет узду на разбушевавшиеся страсти «черни», своими сатурналиями ведущей общество к гибели. В данном контексте «Римская история» Моммсена важна для нас именно как показатель самоуверенности и социально-экономической крепости германской буржуазии, приходившей к власти. Своими рассуждениями и образами Моммсен удачно попадал в тон буржуазной психологии, чем, главным образом, и объясняется исключительный успех моммсеновской «Римской истории», составившей целую эпоху в истории германской, а до известной степени и вообще европейской общественной мысли.

Теми же самыми причинами, которыми объясняется широкая популярность Моммсена в либерально-буржуазных кругах, объясняется вначале непопулярность в тех же самых кругах его соперника Карла Вильгельма Нича, также одного из первоклассных немецких историков. Слава Нича стала расти по мере того, как начинал падать престиж либеральной буржуазии и когда против нее начала подыматься феодальная реакция, опиравшаяся на самые разнообразные слои, недовольные усилившимся влиянием буржуазии, ни в коем отношении неоправдывавшей возлагавшихся на нее больших надежд. В противоположность Моммсену Нич центр своего внимания передвигает в сторону умеренной аристократии, якобы умевшей мудро сочетать интересы феодалов (патрициев) с интересами мелких собственников (плебеев), составлявших главную опору несокрушимых римских легионов. Отсюда проистекал, между прочим, повышенный интерес Нича к аграрно-колонизационной политике Гая Фламиния. «Крестьянская» концепция Нича находила и находит еще по сие время много сторонников в самых разнородных кругах, ориентирующихся на так называемую крестьянско-демократическую, т. е. кулацкую монархию.

В основных чертах сложившаяся в период между мартовской революцией и основанием Германской империи моммсеновская концепция с большими или меньшими вариациями сохраняла свое значение и в последующее время, а в некоторых частях и в некоторых кругах удерживает его и по сей день. Ближайшим преемником Моммсена по специальности античной истории был Эдуард Мейер, во многом удержавший традиции моммсеновской школы, в особенности в смысле технических приемов обработки материала, гигантской широты и глубины эрудиции и редкой остроты критики, положившей конец многим предрассудкам в отношении античного строя, затемнявшим сознание прежних поколений. Однако хронологическая преемственность и академическое сходство между Моммсеном и Мейером никоим образом не должны скрывать глубокого различия между ними. Несмотря на относительно короткий период времени, отделяющий десятилетия, в которые сложились историко-политические взгляды Моммсена, от десятилетий, когда выросла историко-философская концепция Эд. Мейера, это две совершенно различных эпохи германской истории.

Образование Германской империи 1871 г. и открывшаяся вместе с нею эра Бисмарка знаменовали крутой перелом в классовой структуре Германии как в отношении социально-экономической и политической, так и идеологической сферы. Прежде всего, бисмаркианство означало конец старой либеральной партии, идеями которой вдохновлялись Моммсен и его коллеги. В новой Германии место либералов 40—70-х гг. заняли национал-либералы, партия в своем ядре выросшая под крылом бисмарковского протекционизма и в значительной степени состоявшая из индустриальной буржуазии, непосредственно связанной с государственными заказами. Хотя национал-либералам пришлось вести довольно упорную борьбу за свое существование с рядом оппозиционных групп, но по своему характеру эта борьба не была такой, чтобы она могла зажечь и воодушевить

историка, как это было в юные годы Моммсена. Со дня основания Империи в течение целых 20 лет в центре политической арены Германии бессменно стоит одна и та же фигура — «всемогущий князь» Отто Бисмарк. Канцелярство Бисмарка в силу ряда причин, не могущих быть в данной связи ближе исследованными, с политической стороны представляет одну сплошную Parteimacherei, всякого рода блоков, конфликтов, примирений, договоров, новых конфликтов, перебрасывавших Бисмарка от консерваторов к национал-либералам, от национал-либералов к центру, от центра снова к консерваторам и т. д. Но при этом характерно, что при всех политических комбинациях, создавшихся на почве Германии в период 70—90-х гг., центральной руководящей фигурой всегда оставался князь Бисмарк. Правда, и в бисмарковской Германии имелись группы, например группа прогрессистов Евгения Рихтера, мечтавшие о перенесении на немецкую почву Ministerium Gladstone, но все же такого рода попытки длительного успеха не имели, да и иметь не могли, ибо в Германии не существовало соответствующей социально-экономической почвы, необходимой для парламентаризма. Немецкая буржуазия всегда оставалась das gehorsame Bürgertum в отношении к прусскому правительству, возглавлявшемуся «железным канцлером».

При таком положении вещей, при бросающейся в глаза силе, решительности и крикливости исполнительной власти у многих могло сложиться убеждение во всемогуществе прусского государства и в творческом гении его исполнительных органов, прежде всего конечно «железного канцлера», а вместе с ним и всей прусской бюрократической машины. Разумеется, подобное обманчивое представление могло возникнуть лишь на фоне чрезвычайного убожества и трусости прусской буржуазии, бессильной вести сколько-нибудь самостоятельную политику. Ведь в самом деле—рассуждало большинство—один только «железный канцлер» мог выполнить в несколько лет грандиозную программу, о которой осмеливалось лишь мечтать немецкое бюргерство в период с 1848 по 1866 г. Отсюда через посредство абстракции делался вывод о всемогуществе государства вообще и о роли бюрократии. При подобном взгляде на вещи все многогранное содержание общественной жизни представлялось в виде борьбы крупных личностей (элитов по современной фашистской терминологии) с противостоящим им обществом, раскалывающим на множество групп, подгрупп, фракций, полфракций и пр., преисполненных всякого рода противоречий. В общем получалось так: на одной стороне индивид-руководитель и организатор, а на другой волнующаяся дезорганизованная масса людей, борьба партий и групп. Конечно независимость бисмарковской политики от соотношения партийных сил была, по существу говоря, только мнимой, но это не мешало тому, что в широких кругах буржуазного общества шаг за шагом вырастал идеал «просвещенной монархии», руководимой просвещенными государственными мужами-бюрократами. Это, как видно из нижеприводимого места из речей и мемуаров Бисмарка, был идеал самого Бисмарка, в свою очередь позаимствованный им от популярного в бисмаркианских кругах Меттерниха:

«Успехи национального развития каждой страны,—говорил Бисмарк в апреле 1895 г. в Фридрихсру, — покоятся главным образом на интеллигентном меньшинстве (auf Minorität der Gebildeten), которым располагает данная страна».

В «Мыслях и воспоминаниях» (т. II, с. 59) к этому положению сделано важное прибавление, иллюстрирующее классовую сущность бисмарковского государства.

«Большое благоразумие интеллигентных классов конечно имеет своей материальной основой приобретение имущества». Поэтому для прочности и устойчивости государства полезнее всего перевес тех, кто владеет имуществом. Всякое государство, в котором утрачено осторожное и сдерживающее влияние имущих, приобревших свое состояние предпринимательским или интеллигентным трудом, понесется с головокружительной быстротой как это имело место во Французской революции, и неизбежно придет к разрушению всей государственной машины».

Всемогущий диктатор, достигший зенита своей славы, в конце 80-х годов катастрофически пошел под уклон и скоро потерпел полное фиаско. Новый подъем капитализма, а вместе с ним и титанический рост рабочего движения, требовал иных, боле сложных методов политики и оказался совершенно не под силу прусскому дворянину Отто Бисмарку, привыкшему действовать в значительной степени еще в условиях остатков феодального строя. Напор социал-демократии, с одной стороны, центра—с другой, и двора — с третьей, в 1890 г. окончательно решили судьбу прусского канцлера. Та же самая сила, вызвавшая к жизни «железного канцлера», его и разрушила. Этой силой был капитализм, над созданием которого долго и успешно трудился Бисмарк.

Неожиданный Zusammenbruch «железного канцлера» на многих, в том числе и прежде всего на идеологов бисмаркианства, произвел прямо ошеломляющее действие, он рассматривался чуть ли не началом конца света. Это впечатление усиливалось быстрым ростом влияния социал-демократии, который оценивался буржуазией, как угроза существованию всего капиталистического мира. В числе пораженных людей был также и историк Эдуард Мейер, совершенно растерявшийся в новом потоке событий, развившихся в Германии в период «высокого капитализма», в эпоху империализма. Вообще никогда не страдавший чрезмерным оптимизмом Эд. Мейер, бисмаркианец до глубины сознания, после катастрофы Бисмарка потерял почву под ногами и погрузился в беспросветный пессимизм, сделавший его сторонником давно забытой теории исторического круговорота, некогда развивавшейся Аристотелем и Вико. Переплетение трех мотивов: крупной личности, культа государства и идеи исторического круговорота собственно и составляет содержание историко-философской концепции Эд. Мейера, осложненной несколькими привходящими рядами мысли, не имеющими прямого отношения к центральной части системы. После этих предварительных замечаний обратимся уже непосредственно к воспроизведению и анализу самой историко-философской концепции Эд. Мейера.

Основная работа Эд. Мейера «История древности», первым изданием вышедшая в самый разгар бисмаркианства в 1884 г., всем своим существом принадлежит этой эпохе, являясь доподлинным зеркалом своего времени. Бисмаркианство брызжет из каждой строки мейеровской концепции, образуя ее становой хребет. Общество представляется Эд. Мейеру системой самых разнообразных и противоречивых сцеплений, в конечном анализе сводимых к непрекращающейся коллизии между целым и его частями или, в более узком смысле, постоянной коллизии между обществом (массой) и руководящей личностью. Около этого основного стержня создается масса самых разнообразных комбинаций, из которых выделяются ряды отношений, называемых Мейером социальными состояниями, в число которых он помещает государство, право, хозяйство, религию, науку, искусство и т. д.

«Посмотрим еще раз на ход человеческого развития как внешнего, так и внутреннего для того, чтобы острее оттенить важнейшие моменты, которые одинаково выступают перед нами во всех областях. Всегда повторяются три группы противоречий: внешние события и влияния, внутренние условия и мотивы; традиция, застой и привязанность к прошлому, и прогресс, как свободное движение, борющееся против старого и создающее новое; универсальные тенденции, носителем которых является гомогенная масса, и индивидуальные тенденции, исходящие от отдельных личностей (von einzelnen Persönlichkeiten). Таким образом, мы можем все, даже воздействия внешних сил, свести на противоположность общего (Allgemeine) и частного (Individuelle)[1].

Личность в историко-философской концепции Мейера реагирует на общество, не только обороняясь, но также и наступая, т. е. организуя его в направлении максимального развития творческих возможностей, заложенных в данной личности и в данном обществе.

«Все вышеуказанные тенденции (состояния) стремятся к всеобщей закономерности, которой они и достигли бы, если бы они были всемогущи и если бы как у животного, так и у человека, помимо внешних процессов, действовали бы одни только врожденные инстинкты и побуждения в вечно одинаковой, всему виду свойственной форме. Однако сопротивление индивидуальных тенденций, прерывающих их действие в каждый момент и обусловливающих постоянные изменения не только внешних процессов, но и прежде всего внутренние формы жизни, создает своеобразие исторической жизни и исторического развития» [2]. На движение исторического процесса оказывают влияние даже второстепенные личности, случайно выбрасываемые на общественную поверхность. «Беспрерывно подымаемые случаем на поверхность многие личности, сами по себе не возвышающиеся над средним уровнем и даже стоящие ниже его, оказывают, по крайней мере на известное время, большое влияние на течение событий. Поведение и воля таких лиц имеют огромное влияние на все последующее развитие, значительно большее, чем дела и мысли действительно выдающихся людей. Их индивидуальность, как бы сами по себе ничтожны они ни были, становится мощным фактором, действующим как в хорошем, так и в плохом направлении» [3].

Идеальным обществом, в глазах Мейера, было бы такое общество, в котором личность, наделенная полной автономией, могла бы развернуть максимум творческой энергии.

---

[1] «Geschichte des Altertums» S. 173.
[2] Ibid., S. 175.

«Лишь в том случае, если культурное развитие через совместное действие внутренних и внешних моментов достигло определенной стадии, возможно устранить препятствия и завоевать индивидуальности полную свободу. А эта последняя состоит в том, что индивидуальность больше не признает над собой никакого авторитета. Там, где авторитет выставляет правило, она усматривает лишь то, что закон для нее не есть нечто внешне данное, но что она носит его в самой себе, проецируя его или в понятие бога или во внешний мир. Поэтому она стремится оформить внешний и внутренний мир по своему знанию и убеждению, когда условия обеспечивают ей возможность подобного рода индивидуальной свободной деятельности». Но такого рода предположение о полной индивидуальной автономности, продолжает Мейер, бьет в лицо всему миру реальных фактов. История человечества с самого начала своего существования показывает диаметрально противоположную тенденцию; история человечества есть длинная цепь, никогда непрекращающихся конфликтов между обществом и руководящей личностью, вызываемых некоторыми заложенными в самом понятии жизни принципами или тенденциями, составляющими основу социальной динамики.

«Всякое культурное развитие свидетельствует о двойственности тенденций. Носителями культуры являются отдельные личности, которым она, продвигаясь вперед, создает широкое поле для развития их сил. Но в то же время, стремясь сделать индивидуальные достижения общим достоянием, она превращает их в твердые правила, в традиции, стремясь подчинить им индивидов. Таким образом через освобождение индивидуальности культура действует в направлении создания новых ограничений той же самой индивидуальности, заковывая ее в новые цепи и порождая новую, во много раз увеличенную гомогенность» [3].

Из сказанного следует важный вывод. Если исторический факт является результатом столкновений общества с спонтанно действующей личностью и при этом толчок всегда исходит от личности, то исчезает историческая закономерность, а вместе с ней пропадают и исторические законы.

«Именно потому, что историческое развитие в каждый отдельный момент принимает своеобразную форму, не знает никаких законов и не может их знать, сколь бы настойчиво этого ни требовала стоящая на ложном пути теория, воображая, что она их даже открыла. На самом же деле она знает только возможности и аналогии, постоянно модифицируемые своеобразием единичных исторических случаев, всегда отклоняющихся друг от друга».

Все предпринимавшиеся до сих пор попытки установления исторических законов ни в малейшей мере не удовлетворяют Мейера. Все эти, говорит он, мнимые законы, при ближайшем анализе оказываются пустыми понятиями (leere Begriffe), получающими свое содержание только через соприкосновение с многообразной действительностью, а это указывает на то, что не законы объясняют действительность, а наоборот конкретность сама дает смысл этим законам. Таковы например двадцать четыре исторических закона, открытые Куртом Брейзигом в его «Культурных ступенях и законах мировой истории», 1905 г. Что в самом деле, спрашивает Эд. Мейер, конкретно значил бы например 11-й закон брейзиговской таблицы, гласящий:

«Установление сильной королевской власти должно вызвать к жизни из фактического состояния почти полной бесклассовости дворянство, будь это медиатизированные, некогда самостоятельные вожди, или же будь это новое дворянство, созданное из сословия воинов и чиновников?»

Или 20-й закон той же самой таблицы, формулируемой таким образом:

«Народное хозяйство при монархии, как и при аналогично развивающемся народоправстве, должно привести к дотоле неслыханному развитию торговли и ремесл». Лучшего опровержения существования исторических законов,—иронически замечает Мейер,—чем вышеприведенная брейзиговская таблица, ничего и не придумаешь! Точно такими же бледными фантомами и общими местами в глазах Мейера оказываются и все попытки сведения исторической дисциплины к изучению типичного в общественной жизни.

«Мы уже знаем и ежедневно узнаем, сколь многие национал-экономисты пытаются с помощью схем натурального, денежного и кредитного хозяйства постичь тайну исторического процесса, сводя весь исторический процесс к одной формуле. Не так давно были выставлены обширные формулы, вроде формулы Лампрехта, и, несомненно, что и в будущем нам будет подарено еще немало подобного рода формул... Наше время одержимо стремлением к лозунгам и убеждено в воз-

[3] «Geschichte des Altertums», S. 179.

можности нечто познать и понять в истории, окружив себя одними лозунгами» [4].

«В самом деле, в течение многолетних своих исследований ни я сам не нашел ни одного исторического закона и не встретил такового ни у какого-либо другого исследователя. Поэтому приходится признать, что таковые до сих пор существуют лишь в виде постулатов. Точно так же и в массовых явлениях, как например в хозяйственной истории, не существует никаких законов, но только правила, выводимые из параллелей и аналогий» [5].

Отрицание исторических законов вынуждает Мейера ограничить и самую задачу исторической науки. Цель исторической науки, по его мнению, состоит не в изучении общего, а в исследовании единичного, сингулярного. В этом пункте Мейер близок к «Гете» и «Рембрандту» Зиммеля и «Границам естественно-научного познания» Генриха Риккерта. Область специально исторического знания составляет единичное, сингулярное. История не принадлежит ни к философским, ни к естественно-научным дисциплинам, и потому всякая попытка мерить ее мерой этих наук искажает самую ее сущность. Мейеровский индивидуализм идет так далеко, что он даже и в сверхиндивидуальных факторах или состояниях (Zustände) отводит главную роль не коллективному, а индивидуальному фактору.

«Что же касается того взгляда, что будто бы культурная история имеет дело главным образом с массовыми явлениями, а политическая с личными действиями и особенно, что будто бы это идентично с ранее исследованными различиями между общими и индивидуальными факторами, между типичными и сингулярными явлениями, и что на этом основании культурная история может элиминировать сингулярные формы и быть в состоянии установить исторические закономерности (Gesetzmässigkeit der Geschichte), рассматривая это как единственно научное трактование истории, то нам не следует даже входить и в обсуждение этого фантома, уничтожающего всякую историю [6].

Было бы прямым заблуждением, говорит Э. Мейер в другом месте, утверждать, что будто бы в культурной истории индивидуальные и личные моменты отступают на второй план. Напротив, именно в культурной истории эти моменты действуют еще сильнее, чем даже в политической истории, в чем убеждает уже простой взгляд на историю религии, литературы, искусства и науки, абсолютно немыслимые без сильных личностей, их создавших и оформивших.

То же самое сохраняет силу и по отношению к хозяйственной жизни, возведенной модернизированной теорией в главного носителя исторических явлений, якобы протекающих согласно вечным, железным законам, без индивидуальных воздействий. В крайнем случае Мейер, пожалуй, согласен еще признать известную закономерность в каждом отдельном ряде, но эта закономерность исчезает тотчас же при встрече и перекрещении отдельных рядов. Встреча и перекрещение каузально обусловленных рядов событий является, по теории Мейера, делом чистого случая, не поддающегося никакому учету.

«Что линия, достаточно продолженная, должна пройти через определенную точку, это может вытекать из ее свойств, но то, что она именно в этой точке встречается с другой определенной линией, отнюдь еще не вытекает из ее свойств, хотя этой второй линии может быть столь же необходимо пройти через ту же самую точку» [7]. Истории как науке о единичном противопоставляется социология или, по мейеровской терминологии, антропология, своего рода социальная анатомия, по своим задачам близкая к формально философской социологии Визе, Фиркандта и Риккерта.

«Антропология, т. е. наука об общих формах жизни людей и ее развитии (часто неправильно называемая философией истории), благодаря исследованиям нового времени, получила более четкую форму и из дедуктивной сферы встала на почву более точных факторов» [8]. Смысл этой общей естественнонаучной дисциплины состоит в ограничении поля деятельности историка и потому имеет главным образом отрицательный характер, устанавливая границы, внутри которых скрываются бесконечные возможности самых разнообразных исторических форм и комбинаций. Но какие из этих возможностей осуществляются, зависит прежде всего от «высших, индивидуальных факторов исторической жизни».

Оборотной стороной отказа от исторической закономерности является признание всеопределяющей роли случая (Zufall), вы-

---

[4] «Geschichte des Altertums», S. 12.
[5] «Theorie», S, 32.
[6] «Geschichte des Aetertums», S. 195.
[7] «Theorie», S. 23.
[8] «Geschichte des Altertums», S. 3.

ступающего в мейеровской концепции в виде античного рока.

«Случай есть тот момент, который господствует над всем эмпирически данным и который дает каждому индивидуальному существу его индивидуальную, отличную от всех аналогичных явлений форму. Во всех духовных процессах жизни людей, а в меньшей интенсивности и вообще во всей живой жизни к случаю присоединяется еще и особая целеполагающая воля» (der freie Zwecksetzende Wille)[9]. В качестве примеров случаев, оказавших определяющее влияние на ход исторического процесса, Мейер приводит отсутствие в решительный момент значительного государственного человека, бесплодность правящего дома и ряд подобных, совершенно не поддающихся учету мелких фактов, «которые, однако, оказывают далеко охватывающее историческое влияние, как например тот факт, что Александр Великий не оставил никакого потомства, факт, имевший решительное влияние на все дальнейшее течение мировой истории»[10].

Если теперь все сказанное Мейером об исторической дисциплине объединить в одно целое, то придется совершенно отказаться от истории как от науки, что вполне последовательно и делает сам Мейер, превращая историю в искусство изображения прошлого. «История, — категорически заявляет он, на первых страницах своего главного теоретического трактата «К теории и методике истории», — не есть систематическое знание (eine systematische Wissenschaft). Ее задачей являются исследование и изобразительной рассказ событий прошлого, и потому никакой историк, какова бы ни была его специальность, никогда не может отрешиться от бесконечного многообразия индивидуальности (von der unendlichen Mannigfaltigkeit des Einzelnen) заключенного во всяком действительном явлении, называемом историческим фактом. Ее прямой задачей является описание перемен, совершающихся в определенное время, и сообщение факторов во всей их реальности (Ermittelung der Tatsachen die einmal real gewesen sind).

Итак, история есть искусство, но, как это следует из всех высказываний и из всего стиля Эд. Мейера, искусство политическое, рассчитанное на защиту одних и опровержение других политических платформ. И если несколько внимательнее присмотреться к ходу рассуждений Мейера по поводу задач и целей истории, то не остается никакого сомнения, что все они ведутся под определенным политическим углом бисмаркианства, не желавшего признавать закономерности исторического процесса и все сводившего к спонтанному творчеству великого мужа. Не требует больших комментариев и тот факт, почему Эд. Мейер, истый бисмаркианец, так резко ополчается против закономерности в истории. Конечно потому, что признание закономерности исторических процессов означает eo ipso признание неизбежности роста капитала и рабочего класса, несущих конец не только бисмаркианству, но и всему буржуазно-юнкерскому строю. Всякого рода предсказывания и предвидения, не один раз повторяет Мейер, лежат вне сферы доподлинного, чистого исторического знания. В сфере же исторического процесса, где действует «бесконечное многообразие индивидуальности», ни о каких предвидениях не может быть даже и речи, ибо всякое предвидение было бы равносильно теологическим спекуляциям о грядущей кончине мира.

По понятным причинам Мейер особенно энергично протестует против признания приоритета за экономическим фактором, развивающимся по законам внутренней логики, часто даже вопреки воле людей и целых классов. Экономическому фактору, как увидим из дальнейшего изложения, Мейер все время противопоставляет политический фактор, т. е. базе — надстройку, как допускающий большой простор der schöpferischen Tätigkeit einzelner Individuen.

«Они (сторонники исторической закономерности и материалистического понимания истории) постулируют доминирующее значение массовых явлений, специально — хозяйственных «законов», хотя очевидно, что все хозяйственное развитие, благосостояние и социальная форма государства и народа зависят от политических моментов. В новой истории Германии достаточно припомнить решительные годы 1866 и 1870, когда именно было ясно, что хозяйственное развитие так же, как и политическое, всецело подчинены случаю и зависят от творческой деятельности отдельных индивидов, т. е. факторов, хозяйственной жизнью не обусловленных и из него не выросших»[11].

Зависимость своих взглядов, как и вообще взглядов всех историков от современности, Эд. Мейер не только не отрицал, но на

---

[9] «Geschichte des Altertums», S. 284.
[10] Ibid., S. 206.

[11] «Theorie», S. 37.

оборот, считал это предпосылкой всякого здорового исторического повествования. Чем обусловливается, спрашивает Эд. Мейер, выбор исторического материала и исторической темы, и отвечает:

«Ответ на этот вопрос может дать только современность. Выбор покоится на историческом интересе, проявляемом современностью к какому-либо действию или результату развития» [12].

В другом месте та же самая мысль формулируется следующим образом.

«Современность историка есть тот момент, который никоим образом не может быть изъят из исторического изложения точно так же, как нельзя устранить его (историка) индивидуальности и элиминировать идей того времени, в котором он живет. Во все времена существует только наше знание истории (nur unsere Erkenntniss der Geschichte), никогда не достигающее абсолютной значимости [13].

«Современность историка» определила также и второй центр историко-философской концепции Эд. Мейера — теорию исторического круговорота, выступающую на общественную поверхность всегда в периоды социальных кризисов и смены одних классов другими. Выше были приведены причины, вызвавшие кризис бисмаркианской идеологии, совпадавший с началом кризиса всего буржуазного строя. Несмотря на категорическое отрицание исторической закономерности, Мейер превосходно пользуется этой закономерностью там, где это гармонирует «современности историка». Историческая закономерность и «пророчества» отсутствуют лишь в одном коридоре мейеровских идей, именно там, где речь идет о творчестве руководящей личности, но они тотчас же появляются, как только переходим в другой коридор, когда речь заходит о судьбах западноевропейского общества. История круговорота образует ядро мейеровской философии истории, так как без нее историко-философская концепция немецкого историка даже не могла бы быть вообще названа философией истории.

«Все лучшие люди времен Империи чувствовали ненормальность существующих условий, что эта через меру развившаяся, достигшая высшей точки культура носит в себе зародыш смерти, и не раз с грустью указывали на грядущую опасность» (с. 79). «Мы имеем здесь дело исключительно с распадением культуры, достигшей наивысшего развития и разлагающейся изнутри, при полной исправности внутреннего строя, без вмешательства сколько-нибудь опасного внешнего врага» (с. 66).

Подобно навязчивой идее мысль о кризисе неустанно преследует Мейера во всех его работах, с особой же интенсивностью она развернута в последней главе «Экономического развития древнего мира», трактующей о распаде Рима и погасании античной культуры.

Картина потухающего Рима написана очень ярко и производит сильное впечатление, но и здесь Эд. Мейер остается верен «современности историка», не давая полного анализа классового строения римского общества (хотя это вполне возможно сделать на основании уже открытого материала) и упорно отрицая принципиальные различия между античной и современной экономикой и не менее упорно идентифицируя античный люмпенпролетариат с современным пролетариатом, и все это для того, чтобы оправдать идею круговорота.

За исходный пункт своих рассуждений Мейер принимает отрицательную сторону, разлагающее влияние (ein zersetzendes Element) культуры на общество и человека. Всякая культура действует разрушающе и на общество и на человека, выбивая их из первичной колеи, разрушая традиционную дисциплину, ослабляя нравы и уменьшая силу сопротивления, с одной стороны, повышая эмоциональность, усиливая страсть наслаждений, психически и физически расслабляя общество и т. д., с другой стороны. Культура оказывает свое разлагающее влияние не только на индивида, но также и на все сверхиндивидуальные факторы, в том числе и на само государство. Под воздействием культуры на известной ее стадии государство теряет свою национальную физиономию и народность, космополитизируется и нивелируется, и тогда исчезает та грань равновесия между целым и частями, без которого не может существовать ни один социальный феномен.

«Высокоразвитая общая культура, когда параллельно с ней идут рука об-руку ассимиляция и объединение различных народов в одном универсальном, потерявшем свою национальную физиономию государстве, может повести к тому, что господствующая народность стирается универсальной культурой, и ее национальная оригинальность продолжает существовать лишь в виде рудимента, как это много раз имело место в восточных, затем эллинистических и, наконец, римских культурах» [14].

---

[12] «Theorie», S. 44.
[13] «Theorie», S. 54.
[14] «Geschichte des Altertums», S. 82.

Национальная пестрота Западной Европы, полагает Эд. Мейер, была огромным преимуществом западноевропейского развития перед всеми другими известными странами античного и нового мира. Борьба между западноевропейскими нациями создавала многоразличные противоречия, служившие ферментом высокого культурного прогресса (das kräftigste Forderungsmittel der Kultur) Запада.

Но в настоящее время культурное развитие Европы уже обнаруживает тенденцию движения под уклон. По многим симптомам можно предполагать, что западноевропейская культура пойдет по тому же самому пути, по которому шли все остальные культуры, восточная, эллинистическая и римская. Здесь Мейер окончательно попадает в плен декадентских настроений в стиле Шпенглера и Кайзерлинга, начавших складываться приблизительно в те самые девятисотые годы прошлого столетия. Снова и снова, с грустью резонирует автор пятитомной «Истории древности», повторяется судьба народов, повторяется то круговое движение (Kreislauf), которое еще давно, давно во всей глубине осознал мавританский историк Ибн Халдун (XV ст.), переживший пышный рацвет и упадок ислама. В стране ислама развивались богатая и сильная жизнь и пышная культура, созданная великими личностями, но эта культура начала тускнеть по мере роста материальной культуры, с ее неизбежными разлагающими последствиями. Военная сила и государственный порядок стали распадаться. Сознание национальности и единства союза государственности начало тускнеть, и тогда победоносный народ арабов через несколько поколений сам сделался добычей своих завоевателей. Несколькими столетиями раньше та же самая история, но в более крупном масштабе имела место и в греко-римском мире, погасшем своей естественной смертью также в результате внутреннего разложения.

Историко-философская концепция Эд. Мейера, в основных чертах, как мы видели, восходящая к эпохе Бисмарка, не потеряла своего социального значения в буржуазно-юнкерских кругах Германии и в последующее время. Напротив, серия войн, следовавших одна за другой (Русско-японская, Марроканская, Триполитанская, Балканские и др.) и ряд революций (русская, турецкая, персидская и т. д.), с одной стороны, создавали почву для самых крайних милитаристических и национально-шовинистических концепций, а с другой — порождали трезогу за будущее капиталистической Европы, косвенно предрасполагая ко всякого рода пессимистическим теориям, подобным разбираемой теории круговорота. Под непосредственным впечатлением всех вышеописанных фактов внешней и внутренней политики Мейер окончательно оформил свои теоретические взгляды и написал архипатриотический памфлет «Англия» и затем выпустил сборник статей под общим заголовком «Мировая история и мировая война», где он стремился обосновать разницу между английской и немецкой культурой, называя Англию новым купеческо-плутократическим Карфагеном, а Германию идентифицируя с Афинами эпохи Перикла и Римом. Главную же причину различия между английским и немецким строем Мейер усматривал в различии их политического строя, применяя при этом свой социологический критерий государства.

Государство — важнейший момент в историко-философской концепции Эд. Мейера, составляющий самое ее сердце. Бисмаркианство и этатизм почти что идентичные понятия. Государство, по Мейеру, исходный и основной момент всех видов социальных организаций, первое условие существования самого общества людей и всей его культуры. Нетрудно рассмотреть в этой высокой оценке государственного начала прямое отражение увеличившейся роли государственной власти в эпоху империализма.

«Необходимость существования государства живет в сознании каждого как у культурных, так и у варварских народов. Поэтому оно может быть только таким, каким оно было до сих пор. И мы видим, что люди, низвергавшие и убивавшие неспособных или грубых правителей, возводили на трон другого правителя, едва ли лучшего, чем предыдущий, покорно ему подчинялись, склоняясь перед всемогуществом государственной идеи (von der Allmacht der Staatsidee).

Историко-этнографические исследования опровергают старую теорию либералов, что исходным пунктом общества служат брачно-половые союзы (das Gebiet des Geschlechtes) и, в свою очередь, постулируют существование другой более постоянной организации; этой предобщественной организацией именно и является государство.

Государство, учит Мейер, вечно и неизменно, сохраняя свое существование в том или ином виде в течение всей человеческой истории. «Поэтому несправедливы возражения некоторых ученых, как например, Ратцеля,

[15] «Geschichte des Altertums», S. 691.

утверждающих, что государство в историческом процессе также подвержено изменениям, как и вообще вся человеческая культура. Но к государству это неприложимо по той причине, что все существенные для государственного союза моменты — единство воли, реализация правопорядка, военная и политическая организация и наконец, самое главное, сознание вечности союза — независимы от воли входящих в государство частей и индивидов» [16].

Ввиду всеобщности и относительного постоянства государства политический (государственный) момент только и может быть взят за основу периодизации истории. Никакая же другая периодизация, по мнению Эд. Мейера, не состоятельна потому, что: «всякая периодизация не только политической, но также и культурной истории и всякой истории вообще зависит от политических моментов, даже в том случае, если она имеет в виду крупный перелом, как, например, падение древнего мира. Дело в том, что этот культурный процесс происходит постепенно в течение столетий и взятый сам по себе еще не вызвал бы общей катастрофы всех жизненных форм, так как изжитые и внутренне отмершие формы и вызванное ими вторжение новых народов придало ему всемирноисторическое значение» [17].

Политический момент, т. е. на языке Мейера государство, оказывает определяющее влияние как на экономику, так и на весь культурный строй, взятый в целом.

«Надо признать вообще, что различение политической и культурной истории имеет лишь относительное значение. Подобно тому как человек и группа людей составляют некоторое внутреннее единство, так точно составляет единство и их историческая жизнь... Но ясно без дальнейшего, что политическая история занимает доминирующее положение в историческом процессе» [18].

Классическим примером влияния государства, а через него и руководящей личности на ход истории является Перикл, единодержавный глава афинской демократии, один из самых любимых героев Эд. Мейера, в этом отношении целиком примыкающего к афинскому историку Фукидиду, идеологу классической афинской демократии. Свою теорию примата политического (государственного) фактора над всеми остальными Мейер проводит через всю «Историю древности», представляющую как бы экземплификацию его историко-философской концепции. Помимо Афин, политический момент особенно ярко выявлен на первоначальной истории Рима, когда римская община, во много раз уступавшая и по количеству военных сил и по военным дарованиям, благодаря единственно превосходству своего политического строя (an ihrer politischen Organisation) одерживала победу над союзами соседних общин и создала единое национальное государство Италии. И в дальнейшем Рим был крепок и велик до тех пор, пока он имел хороший государственный строй, возглавляемый достойными государственными мужами, сильно смахивающими на князя Бисмарка. Но римские государственные мужи были крепки не только личными качествами, но также и главной своей социальной опорой — **крепкой деревней** (Bauernschaft).

Мы с полным основанием можем поставить в связь эту основную идею Мейера с антииндустриальными настроениями прусского юнкерства, идеализировавшего кулачество и патриархальный крестьянский уклад как опору порядка, собственности и государства.

Рим пошел на уклон с того момента, когда пошатнулась деревня и ослабела аграрная колонизация, что приходится на период Гракхов, XI ст. до хр. эры. Отсюда особое внимание как самого Мейера, так и всех вообще бисмаркианцев к «братьям Гракхам». Под государственным углом зрения написаны и все другие большие и мелкие сочинения Эд. Мейера, в частности очерк македонского государства, предоставившего автору возможность провести параллель между впавшими в государственное ничтожество и потерявшими национальное лицо греческими общинами, раздираемыми внутренними междоусобиями, и единодержавной Македонией, политика которой в основных чертах была начертана рукою Аристотеля. Подобного рода примеров можно было бы привести очень много, и все свидетельствовали бы только об одном: об органической связи мейеровских сочинений с его историко-философской концепцией.

Констатируемая всеми критиками Мейера монолитность и последовательность его мысли, проявляющаяся на самых различных исторических объектах, находит свое объяснение именно в факте неразрывной связи его философии, истории и политики. Можно сказать, что конкретные работы Эд. Мейера представляют одну сплошную политику, в этом их сила и се-

[16] «Geschichte des Altertums», S. 12.

[17] Ibid., S. 118.

[18] «Theorie», S. 197.

крет их огромного влияния на широкие круги буржуазии и буржуазной интеллигенции. В отличие от большинства немецких буржуазных историков влияние Эд. Мейера не утратило своей силы еще и по сие время, что доказывается хотя бы уже одним фактом частых ссылок на «Историю древности», как на одно из самых авторитетных исторических произведений. Авторитет автора пятитомной «Истории древности» сохраняется постольку, поскольку в некоторых кругах послевоенной Германии продолжают питать надежды на возможность реставрации империалистической Германии, для чего призыв «назад к Бисмарку» является чрезвычайно удобным лозунгом, объединяющим самые различные империалистически-настроенные группы. В самом деле, в призыве «назад к Бисмарку» заключены: сильное государство, руководимое выдающимися политиками (элитами), идея великой нации, богато одаренной народности, крепкой деревни, «бесклассового» общества и т. д.,— словом, собрана вся программа национал-фашистов, среди которых в настоящее время особенно популярна фигура Бисмарка. Вопросы государства, нации, взаимоотношения массы вождей и целый ряд других вопросов, составляющих содержание историко-философских концепций Мейера, остаются предметом горячих ученых дисскусий послевоенной Германии. Чем глубже идет кризис капитализма и чем больше обостряется классовая борьба, тем острее ставятся историко-философские проблемы и тем изощреннее методы их разрешения. Бринкман, Михельс, Зальц, Литт, Шпанн, Фрейер и многие другие светила современной буржуазии Германии имеют с Эд. Мейером то общее, что их системы также насквозь пропитаны политикой, как и вышеразобранная историко-философская концепция Мейера. Разница состоит лишь в том, что система Эдуарда Мейера опиралась на более прочный социальный фундамент, имела в виду более монолитное общество, в такой степени не раздиравшееся классовыми противоречиями, как современная неоимпериалистическая эпоха загнивающего капитализма.

РЕЦЕНЗИИ

КАК РАЗРАБАТЫВАЮТ БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ ИДЕОЛОГИЮ ИНТЕРВЕНЦИИ[1]

Проф. Ю. Готье, Железный век в Восточной Европе, 1930.

Книга эта — образчик того, как создается буржуазной профессурой идеология интервенции против СССР. Вместе с тем концепция проф. Готье представляет собою «опыт» примирения сменовеховского «евразийства» с «авгуровской» [2] позицией борьбы «европейской цивилизации» против советской «азиатчины». Не останавливаясь на всех нелепостях и явных ошибках, имеющих место в «археологических» трудах проф. Готье, мы думаем сосредоточить внимание читателя именно на упомянутом более для нас интересном моменте. Мы говорим о трудах потому, что «Железный век» есть по сути дела продолжение, второй выпуск книги «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства», (кн. 1-я, изд. Брокгауза-Ефрон, 1925), о чем пишет и сам проф. Готье.

Однако прежде чем перейти непосредственно к поставленному вопросу, кстати будет напомнить о некоторых бесспорных, но часто забываемых вещах. Дело в том, что не все еще мы осознали как следует то, что буржуазные историки тоже ставят теперь «по-новому» целый ряд важнейших вопросов. Разве не факт, что многие буржуазные историки говорят теперь о классах в истории, о классовой диференциации, даже о классовой борьбе. Мы у Готье находим часто целые абзацы, посвященные классам. Факт и то, что на этом основании люди нередко зачисляются в «марксисты». А между тем никакого марксизма у них не оказывается. В чем же дело?

Тов. Покровский очень своевременно напомнил на съезде историков-марксистов одно важное высказывание Ленина: «Учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса, создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо... Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма» (т. XIV, с. 323).

Если вообще говоря, для буржуазной идеологии характерен национализм, растворение классовых антагонизмов в национальных противоречиях, в какой угодно форме, то в период восхода буржуазии признание борьбы сословий было сплошь и рядом. В период же «крушения» буржуазии неизбежно также и признание борьбы классов. Причем тут дело не только в том, что некоторые слои буржуазной профессуры подделываются таким образом под «марксизм», но и в том, что в силу революционного размежевания классов, небывалого обострения классовой борьбы, совершенно открыто ставится вопрос «кто—кого», какой класс возьмет верх.

Таким образом должно быть совершенно ясно понято это указание Ленина. Гвоздь вопроса не в том, говорит ли или не говорит тот или иной историк о классовой борьбе, а в том, что и как он говорит об этом. Вместе с тем надо подчеркнуть то обстоятельство, что «признание диктатуры пролетариата» для историка означает не просто признание ее, как факт для XX века. Оно означает диалектическое рассмотрение борьбы классов под этим углом зрения на протяжении всего исторического процесса.

Второй интересный вопрос — относительно великодержавничества современных буржуазных историков. Редко кто из них может выступить ныне так откровенно, как Карамзин, Соловьев, Ешевский и т. п. Иная обстановка, иные задачи своеобразно оформляют и позиции историков от великорусского шовинизма. Да и отношения между великодержавничеством и местным национализмом уже значительно другие, у них теперь куда больше точек соприкосновения, чем раньше. Ничего странного нет поэтому в том, что в выступлениях как той, так и другой стороны часто встречаешь мешанину обоих видов национализма. Взять к примеру труды Готье. Вокруг великодержавнического стержня напутано подчас такое, чего никак нельзя иначе расценивать как поблажкой местным националистам, вопреки фактам (например модернизация и идеализация Волжской Болгарии, ее «процветание» и т. д. в угоду и на предмет драки чувашских и татарских националистов).

Даже вопрос об образовании великорусской народности ставится ими иначе. Ни Готье, ни Любавский не отрицают теперь того, что русские — это... не славяне, а смесь разных племенных групп. Даже вопрос о норманнах приобретает иной оборот. Многие проблемы и в буржуазной историографии переносятся в нынешний период на иную плоскость. Этого нельзя недоучитывать.

Предоставим теперь слово самому проф. Готье:

«Под русской историей обычно подразумевается,— начинает он в первом выпуске своего труда, — совокупность явлений, имевших место с того времени, когда на Восточноевропейской равнине впервые сложилось славяно-норманское государство, которое затем с неизбежными (sic!), сменяющими друг друга периодами процветания и упадка существует до наших дней» [3].

---

[1] Мы сознательно ставим более широкую тему с тем, чтобы не ограничиться выступлениями одного проф. Готье.

[2] См. Авгур, СССР — угроза цивилизации

[3] «Очерки», с. 7 (разрядка моя — *К.*).

Нет нужды критиковать ненаучную постановку вопроса о пределах исторической науки — он пишет об истории до IX—XII вв. как о «доисторической эпохе», — тут важно другое. Запомним первое его положение: «Славяно-норманское государство», то процветая, то упадая, «существует до наших дней». К этому можно добавить, что во втором выпуске это государство носит уже название «СССР», даже в такой пошлой форме, как «СССР до эпохи великого переселения», или «появление угров на юге СССР» [4].

Под углом зрения «процветания и упадка» автор интересуется главным образом двумя вопросами. Первый — это вопрос колонизации, второй — вопрос об азиатском влиянии на Россию, вопрос о «Евразии».

По мнению проф. Готье, «распространение» славян к северу-востоку «составляет коренной процесс русской истории» [5]. В предисловии к «Очеркам» он пишет по вопросу о колонизации таким образом:

«История может отметить некоторые фазы этого многовекового процесса; ее источники, например летопись или жития преподобных Авраамия и Леонтия Ростовских, освещают отдельные его эпизоды иногда очень ярко и красноречиво, но все же одно только подробное и неуклонное исследование археологических памятников может дать истинный ключ к разрешению самого может быть важного и основного культурно-исторического процесса, развертывающегося на Восточноевропейской равнине и прямым последствием которого было образование великорусской народности в ее современном виде» [6].

Опять-таки, оставив в стороне его великодержавный «культуртрегерский» стиль, отметим другое. Почему он берет за основу основ именно процесс колонизации? Потому что это является у него историческим обоснованием политической постановки «модного» вопроса о «евразийстве».

«В настоящее время, — пишет он, — очень модным является мнение, что Россия во всей совокупности истории и быта составляет самостоятельное целое, переходную ступень от Европы к Азии — «Евразию», как теперь принято говорить. Русские люди самых различных программ, взглядов и убеждений разными путями, но с одинаковым увлечением стремятся к спасительному (sic!) термину Евразия, разом устанавливающему и «особенную стать» России и объясняющему все ее особенности, прошлые и настоящие. Обычно доказательств, что Россия существенно отличается от Европы и имеет более сродства с Азией, ищут в русской истории, т. е. с IX века.

«Я думаю, что если к делу привлечь факты и явления за более долгий хронологический период, то мнение о России как Евразии получит для многих может быть неожиданное, но веское подтверждение...» [7]

Таким образом вся сложность вопроса в концепции проф. Готье сведена к тому, как стала Россия «Евразией», в чем причины ее периодического «процветания и упадка».

Ответ на этот центральный вопрос он ищет в характере русского народа как продукта скрещения славянства с пришельцами из Азии.

Возьмем характеристику славян. В первые века нашей эры, до VI ст. славяне несмотря на свою воинственность и храбрость были подчинены гуннам и аварам. Где «разгадка» этому?

Тогда как и у готов, и у гуннов, и у аваров, пишет автор, «мы находим ясно выраженную и прочно организованную власть военного вождя или хана, имевшую военно-деспотический характер, славяне «не повинуются единому вождю, но с древних времен живут в народовластии, вследствие чего у них сообща обсуждается и горестное и полезное» (Прокопий). Следовательно, славяне вступают в историю в анархическом строе, не чуждом славянству и в его позднейших судьбах. Единение создает силу; отсутствие единения ведет к противоположному; храбрые не менее своих соперников, численно очень сильные славяне, не умевшие создавать прочных союзов, а тем более крупных военных деспотий, неизменно подпадали под власть лучше организованных, хотя может быть и меньших по численности соседей-врагов» [8].

Но вот начинается «великое колонизационное движение». Славяне расширяют территорию на юг, северо-восток и север, оттесняя иноплеменное население. Причин колонизационного движения, по мнению автора, «надо искать в обстоятельствах, нарушивших равновесие в славянской прародине в эпоху великого переселения народов. Может быть иго готов, гуннов, а позднее аваров заставило некоторые энергичные и предприимчивые восточно-славянские «антские» племена искать спокойствия на угрюмом, но более безопасном севере, т. е. сделать то же, что их потомки отчасти повторили в XII, XIII и XIV вв., уходя из разоренного Поднепровья в Суздальскую и Московскую Русь» [9].

Колонизационный процесс шел настолько легко что, славяне-«анархисты» не встречали никаких препятствий.

«Финны видимо (?) отступали перед русскими, уходя более в леса и задерживаясь по пути отступления лишь небольшими клочками. Они дорожили свободой быта и легко поступались местом, не имевшим значения в их глазах после утраты больших рыбных озер Переславского и Ростовского» [10].

По характеру своему славяне—колонизаторы — «мирный народ-земледелец, который любит землю и вольный простор, стремится к ним и захватывает их, где может. А земли и простора было ведь так много и в юго-восточных степях и в северных лесных дебрях. Однако даже в своей экспансии он невоинственен. Он де-

[4] «Железный век», с. 23.
[5] Там же, с. 44.
[6] «Очерки», с. 14 (разрядка моя — К.).
[7] Там же, с. 15.
[8] «Железный век», с. 41 (разрядка моя — К.). ср. с. 44—45, 204.
[9] Там же, с. 219.
[10] Там же, с. 221.

рется по нужде и умеет и сражаться, и умирать в борьбе, но лишь под влиянием особых условий (каких? — *К.*). а в нем вырабатываются своеобразная воинственность и особая удаль... Расселяясь по рекам, понемногу охватывая весь бассейн Днепра, проникая в Озерный край и на Верхнюю Волгу, он устраивается, распахивает землю, собирает ее плоды, ловит зверя и добытые излишки продает прохожему купцу или сам везет их в торговый город, если последний не слишком отдален...» [11].

Наконец еще один штрих такого же свойства: «О т с у т с т в и е   в о и н с т в е н н о г о   н а т и с к а, недостаток сплоченности, в р о ж д е н н а я   а н а р х и ч н о с т ь, столь метко схваченные византийским историком Прокопием еще в VI веке, делали этого земледельца-колонизатора постоянной жертвой более слабых численно, но лучше организованных шаек купцов-разбойников и отрядов степняков. Все это давно и хорошо известно, поскольку дело идет о Руси X—XIII вв. и более позднего времени, но те же явления повидимому широко распространены и в долгие века, предшествовавшие началу русского государства» [12].

Труд проф. Бахрушина о колонизации Сибири тем и ценен,—писал совсем недавно заграничный его коллега Кизеветтер, что «дает массу колоритного фактического материала, бросающего яркий свет на удивительные колонизационные таланты великорусского племени» [13]. Проф. Готье, как мы видим, отсылает в этом случае к житиям «преподобных»; такое идиллическое изображение колонизации несомненно заслуживает комплимента со стороны «Современных записок». Хотя... хотя с фактической стороны дело обстоит буквально по Ницше: «мы не фантазируем, мы рассчитываем. Но для того, чтобы мы могли рассчитывать, мы сначала фантазировали».

Ответ на интересующий нас вопрос должен быть по Готье таков: народовластие, врожденная анархичность славян, неумение создать крупные военные деспотии, вот что держало их сначала в состоянии «упадка», в подчинении у врагов.

Такие племена, как готы, были тем сильны, что у них «с самого начала были племенные, потом   ф е о д а л ь н ы е   в о ж д и,   в о к р у г   к о т о р ы х   с о б и р а л с я   э т о т   н е м н о г о ч и с л е н н ы й,   н о   с т о й к и й   и   с и л ь н ы й   н а р о д» [14]. Процветание такого народа, как волжские болгары, объясняется видимо тем, что «там во главе народа стоял великий хан», да еще «активностью болгар в процессе торговли...». А уплата крестьянами дани «с достаточной ясностью говорит о богатстве их скотом» [15].

Тут, конечно, «логика ваша немного дика» (Некрасов) но что же поделаешь, если на одной странице славяне — воинственные, а на другой — мирные сельские хозяева и культурные колонизаторы. Проф. Готье ничего неизвестно о борьбе славян с их «вождями» против других народов, но зато достоверно известно, как он пишет, о борьбе черемис с вотяками.

Но во всяком случае остается фактом, что славяне в виду анархичности и отсутствия «феодальных вождей» и «военных деспотий», несмотря на свою энергичность и предприимчивость, еще не «процветали».

Но вот появляются норманны. Проф. Готье не пишет, конечно, прямо «придите, володейте», но стиль примерно тот же:

«Для инертного и пассивного славянского населения норманны были тем возбуждающим и вызывающим брожение элементом, который было необходимо привить ему для перехода от разоруженного городского и племенного строя к более развитым общественным формам» [16].

Так образовалось «славяно-норманское государство». Теперь уже все условия процветания налицо, но дальнейшее повествование передается из рук археолога в руки историка. Впрочем мы узнаем, что Россия вошла с самого же начала в круговорот смены «процветания» и «упадка». В этом смысле Готье, можно сказать, сплагиировал свои идеи от Виппера, высказанные последним в книге «Кризис...».

Таким образом выясняется, что в явлениях «процветания» России повинны мирные и предприимчивые славяне, которые при помощи норманнов создали необходимую «военную деспотию», преодолевая свою «анархичность».

Где же основа для явлений «упадка»? Очевидно, в рецидивах «народовластия» и «анархии»? Не совсем так. Проф. Готье дает другой «истинный ключ» к уразумению этого:

«Далекое прошлое нашей страны учит нас, что восточное влияние было почти предвечным. Оно учит нас также, что оно было двояким (стиль-то каков! — *К.*). С т е п н я к и   п р и н о с и л и   ч а щ е   в с е г о   б е с п о к о й с т в о   и   р а з р у ш е н и я. Цивилизованные страны древнего Востока неизменно приносили в нашу землю семена культуры... Таковы уроки нашего далекого прошлого. Чем больше мы его изучаем, тем ярче и яснее выступает постоянная и тесная связь России с Востоком, более постоянная и тесная, чем связь между Востоком и Западной Европой. И здесь дальнейшие археологические исследования обещают много новых открытий и много существенных данных, необходимых для уразумения и осмысления культурно-исторического облика России» [17].

Замечательно для понимания вопроса то, что проф. Готье вовсе не отрицает «семена культуры», принесенные от «цивилизованных стран д р е в н е г о   В о с т о к а». Но он только подчеркивает то, что якобы «степняки приносили чаще всего беспокойство и разрушения».

Теперь уже окончательно ясна вся его концепция «процветания и упадка». Исторически, дескать, Россия оказалась дуалистичной, не в смысле классов, конечно, или хотя бы «тюрьмы народов», а в том смысле, что в со-

---

[11] «Железный век», с. 243—244.

[12] Там же, с. 244 (разрядка моя — *К.*).

[13] К и з е в е т т е р, Современные записки, Париж, 1930.

[14] Там же (разрядка моя — *К.*), ср. с. 148— о финских вождях.

[15] «Железный век», с 171, 175, 181, 185.

[16] Там же, с. 252.

[17] «Очерки», с. 18 (разрядка моя — *К.*).

прикосновении с Востоком, особенно в «культурно-историческом процессе» колонизации, к мирному славянину пристал «беспокойный» «степняк» — от этого все качества!

Прежде чем резюмировать наши выводы об «исторической» концепции Готье, приходится опять вспомнить «евразийцев». Философия побитой и разочарованной во всесилии западноевропейского капитализма русской буржуазии — так можно было охарактеризовать писания белоэмигрантов Трубецкого и К° в начале 1920 годов. Сменовеховское «евразийство» формировалось в тумане размышлений на тему о том, «как внезапно рухнуло то, что мы называли русской культурой»[18].

Но с тех пор прошло почти целых десять лет социалистической стройки СССР. Увяли надежды на перерождение Союза изнутри или на реставрацию капитализма кулацкими силами. Мировой капитализм в каждой сводке новых контрольных цифр чувствовал неизбежность назревания вопроса «кто—кого» на мировой арене, неизбежное приближение срока великого Zusammenbruch с более широким размахом, чем было до сих пор. От «евразийства» до Авгура («СССР — угроза цивилизации») был лишь один шаг, как бы ни казалось велико между ними расхождение с первого взгляда.

В эпоху развернутого социалистического наступления в СССР мы являемся очевидцами того, что «сменовеховская» буржуазная интеллигенция на деле идет по вехам «Промпартии» etc. до Парижа. Диалектика борьбы социализма и капитализма оказывается такова, что люди, помышляющие занять позицию между СССР и «европейской цивилизацией», якобы ради того, чтобы избежать «ужасов европеизации», неизбежно становятся агентами мирового империализма, который делает ставку на свержение диктатуры пролетариата в СССР и превращение нашей страны в колонию. Философ Лосев, экономист Чаянов и историк... Готье, — все они не лишены элементов «евразийства», но ныне они прямо и непосредственно выступают как идеологи интервенции против СССР.

Готье отразил в своих трудах сдвиги определенной группы буржуазной интеллигенции от «евразийства» к прямой контрреволюции под руководством Парижа. Для «процветания» России нужно преодолеть «народовластие», «анархизм», устранить «беспокойство и разрушения». Как? — Авось придут новые «норманны» и помогут установить «военную деспотию». Вот к чему сводится по существу вся эта философия от археологии проф. Готье.

Но «научная смена», на кого рассчитывает Готье, не настолько уже наивна, чтобы не понять, о чем идет речь. Она еще заставит профессора сказать прямо и без кривотолков: или с нами за социализм, или против социализма, тогда прочь от нас!

И. Куршанак

[18] Н. Трубецкой, Европа и человечество.

И. И. Мещанинов, Палеоэтнология и Homo sapiens, «Известия Гос. академии истории материальной культуры», т. VI, вып. 7, Л. 1930, с. 36.

Революция, произведенная в науке о языке новым диалектическо-материалистическим учением акад. Н. Я. Марра, — его яфетической теорией, не ограничивается, естественно, только относительно узкими рамками самой лингвистики, но уже оказала и, надо надеяться, еще больше окажет влияние в будущем и на смежные обществоведческие дисциплины. Последние не могут не учитывать языковедные достижения яфетической теории, не могут в той или иной степени не использовать добытые ею факты, которые в корне разрушают старые реакционные концепции буржуазной лингвистической науки, до сих пор продолжающей к сожалению господствовать не только в наших вузах, но и в исследовательской практике большинства историков-марксистов.

Автор рецензируемой публикации ГАИМК — ленинградский профессор И. И. Мещанинов, один из ближайших учеников и сотрудников акад. Н. Я. Марра, в течение нескольких лет работающий над увязкой данных яфетидологии и истории так называемой материальной культуры, успел выпустить ряд весьма интересных и ценных работ[1], в которых показал, какие чрезвычайно важные в методологическом отношении выводы позволяет сделать привлечение яфетидологии к исследованию проблем древнейшей истории человечества. Оставляя в стороне вопрос о целом ряде серьезных методологических ошибок автора в интерпретации основных положений и проблем яфетической теории, на которых в данном случае не приходится останавливать внимание, и которые были разобраны в свое время[2], необходимо отметить и подчеркнуть, что эти работы т. Мещанинова интересны не только с точки зрения нового, чрезвычайно близкого к марксистскому освещению фактов, но особенно по их теоретически-боевой заостренности, против вредных учений буржуазной исторической науки. В этом отношении труды т. Мещанинова, выкорчевывающего глубоко вросшие в научную почву пни архиреакционных «теорий» рас, миграций и пр. традиционного хлама, подлежат не только положительной оценке со стороны марксистов-ленинцев, но также и всемерному использованию в борьбе против тех суррогатов обществоведения, к которым фактически свелась история общества в руках буржуазных историков.

Привлекая для анализа значительное количество археологической литературы различных

[1] Из них назовем здесь: «О доисторическом переселении народов», «Вестник Комакадемии» № 29, 1928; «К терминам История и Доистория «Нового Востока» № 26—27, 1929; «Кромлехи», «Известия ГАИМК», 1930, вып. III, т. VI.

[2] См. в частности мои статьи: «Шаг назад» в № 26—27 «Нового Востока» за 1929 г.; «От яфетидологии к марксистской лингвистике» в первом томе «Ученых записок» Научно-исследовательского института этн. и нац. культур народов Востока, М. 1930.

борющихся между собой школ, в совокупности представляющих лицо современной археологической науки, т. Мещанинов очень убедительно демонстрирует в своей работе тот тупик, куда путями ложной методологии заведена так называемая доисторическая археология, совершенно не критически усвоившая целый комплекс ненаучных представлений — наследство пресловутой расовой теории, в настоящее время процветающей в буржуазной науке в новом, хорошо замаскированном виде «этнологии». Последняя, выступая как общая теоретическая наука о культуре, уже успела превратиться в методологическую дисциплину для буржуазных антропологии, археологии, этнографии и лингвистики, захлестывая, с одной стороны, не только древнейшие по общепринятой, но абсолютно абсурдной терминологии, «доисторические», но и позднейшие «исторические» стадии всемирной истории, более того, грозя поглотить всю историческую науку капиталистического общества, с другой же стороны, претендует выполнить задачи и занять место старой, значительно скомпрометировавшей себя на службе классовым интересам буржуазии, социологии.

Конкретным применением этнологического подхода к вопросам археологии является усиленно пропагандируемая ее адептами «палеоэтнология», которая рассматривает все материальные памятники, добываемые лопатой археологии, как результат специфической деятельности различных этнических групп, каждая из которых действовала совершенно самостоятельно и обособленно, без всяких связей друг с другом. «В связи с этим,—подчеркивает т. Мещанинов,—основной момент во всяком палеоэтнологическом построении — смена культур — объясняется сменой этнических масс, и потому уже для эпох раннего палеолита пришлось признать приток... различных «человеческих волн» (с. 5).

Ссылаясь на предыдущие свои работы, автор отмечает «неестественность высказывавшихся предположений о том, что сотнями и даже тысячами лет двигавшиеся племенные массивы доносят до конечного пункта своего миграционного движения формы своего творчества в неизменном виде. Не говоря уже о том, что народ, не изменявший своего облика сотнями и тем более тысячами лет, едва ли может быть причислен к тем «народам-просветителям», каковые, по мнению исследователей, несут с собой творческое начало, само такое переселение представляется в достаточной степени неестественным. Это не «просветители», а какие-то, своеобразно застывшие, стабильные в своем развитии массы. Кроме того как раз наоборот передвигавшийся с длительными остановками на местах народ неминуемо должен был скрещиваться со встречаемыми по пути своего движения племенами и следовательно в результате многократных смешений должен был дойти совсем не в том виде, в каком вышел. Если он шел по пустынным, незаселенным местам, то он двигался вовсе не на смену каких-то других культурных форм, очевидно при данных условиях вовсе до него нигде не существовавших. Если же он все же на кого-то по пути своего движения натыкался, то тот другой должен был жить в пересекаемых странствующим народом местах. Избежать неминуемого с ним скрещения возможно лишь при условии полного уничтожения одним народом другого. Так и предполагает ряд исследователей. Миграционная теория неминуемо ведет к пранародам и пракультурам, восстанавливаемым научно-исследовательскою мыслью в весьма нереальной обстановке. В данном случае, археологи-доисторики господствующей школы полностью повторяют то, что делают лингвисты пока тоже господствующей школы. Прослеживание переселений неизбежно упирается в так называемые «культурные очаги», каковые устанавливаются нередко по произвольному желанию самого исследователя. Равным образом (слишком к сожалению часто), научная работа сворачивает на споры о преимуществе того или иного очага и в связи с этим на движение переселенческих волн в ту или иную сторону, намечаемую чаще всего по предвзятому мнению автора. Миграционная теория, отсылая исследователя в мало изученные районы Азии и Африки, откуда будто бы двигались «культурные» племена, не разрешает вопроса о происхождении исследуемых культурных форм, так как появление из неизвестного отнюдь еще не дает ответа на то, как образовались эти формы в отмеченных, пока недостаточно изученных местах. Переселения оказываются наиболее активными в так называемые доисторические времена, то-есть в те, которые не засвидетельствованы письменными источниками, что заставляет видеть такую активность не в самых племенах, а в исследователях, не могущих разобраться в сложных формах изучаемого объекта и потому прибегающих к более упрощенному их объяснению, сводящемуся к вычерчиванию географических карт с нанесением на них предполагаемых путей движения, идущих из прародин, намечаемых под именем упомянутых выше «культурных очагов» (с. 5—7).

Тов. Мещанинов совершенно прав, когда он констатирует, что «легкость такого толкования поступательного движения культуры соблазнила археологов-доисториков, и они всецело подпали под влияние этнологической теории и закрепили формально-сравнительный метод, придав деятельности человека стабильную форму» (с. 8).

Полностью используя блестящую критику этнологизма в языке, проведенную на огромнейшем материале яфетидологической школой, автор борется против реакционнейших метафизико-идеалистических положений этнологизма в археологии. «Прослеживание длительного периода развития требует учета всей хозяйственной подосновы всех меняющихся группировок человеческих объединений и создающихся ими условий использования себя и окружающей природы на удовлетворение своих растущих потребностей. Сложность проблемы,—делает он ударение,—весьма искусно обойдена исследователями, свернувшими на путь этнических расчленений и на поиски не возникновения этноса, а уже готовых, каким-то чудом созданных.

этнических форм. Таким образом искусственно создались не только этнос в палеолите, но и сама палеоэтнология» (разрядка моя — *В. А.*).

Разоблачая антинаучность концепции палеоэтнологии и противопоставляя ей требование рассматривать всякое культурное явление в его движении, развитии, изменении и конечной обусловленности материальными экономическими отношениями, тем самым по существу критикуя палеоэтнологизм с марксистской позиции, т. Мещанинов вскрывает вредное отражение шовинистической «теории» расового неравенства и в том понимании термина homo sapiens, которое является безраздельно господствующим в науке. «Этот термин,—пишет он,—является непосредственным порождением старых этногонических теорий, выдвинувших «культурную» расу кроманьонов, прародительницу современного человечества. Оказывается, что все предшествовавшие ориньякскому человеку расы погибли в неравной борьбе с ним, и сохранился один только, неведомо откуда пришедший, homo sapiens, давший многообразное потомство в образе ныне населяющих земной шар разнообразных человеческих рас. Все же хронологически более ранее, и гейдельбергский человек и неандертал и т. д., все это стерто с лица земли, как неспособные к жизни расы, не оставившие после себя никаких следов, кроме изделий своих собственных рук... Всякая находка промежуточных форм, умещающихся между оторванно взятыми периодами, воспринимается еще охотнее как еще неведомый этнос, тоже пришедший с запада или востока на смену своего предшественника» (с. 9—10).

Сложнейший диалектический процесс общественного развития подменяется в палеоэтнологии вульгарной упрощенческой схемой механической смены неведомо откуда появляющихся рас, наделенных абсолютно неизменяющимися свойствами, которые отпечатываются в памятниках их материальной культуры. Отношения этих рас даны только в форме фатальной дикой борьбы, в которой сильнейшая раса побеждает и поголовно истребляет слабейшую. Не требуется особых усилий, чтобы вскрыть в этой джингоистско-фантастической схеме отражение реальной империалистической практики современных капиталистических хищников, эксплоатирующих и истребляющих целые народы, оправдывающих ужасы своей колониальной и национальной политики все теми же человеконенавистническими принципами расовой теории. Последняя, как и всякая другая буржуазная теория, в конечном счете построена и защищается как средство обороны классовых интересов капиталистов.

Резко отличается подход к тем же проблемам яфетической теории, которая уже давно четко показала классовые корни доминирующих в современной науке антинаучных представлений о расах, культурах, языках. «Лингвистический материал,—говорит т. Мещанинов,—с вполне достаточной очевидностью доказывает, что мы имеем не смену рас и во всяком случае не смену этнических составов, как думают сторонники Обермайера, а результат длительного перехода от одной системы к другой, отразившегося и в языке и в творчестве человека на вещах... Мне кажется, что для эпох палеолита неполнота материала в значительной степени посодействовала укоренению так называемой расовой теории и широко распространенного и вовсе еще не оставленного по сей день применения миграционных толкований... Обычно применяемые объяснения смен изучаемых формаций обоснованы... не опорою на факты, а лишь выводами сравнительных сопоставлений. Между тем мы прекрасно знаем, к каким результатам приводят заключения, построенные на узком формально-сравнительном методе. Исследователь чаще всего проявляет склонность ограничиться анализом отдельно взятого сюжета и путем сопоставлений со сходными сюжетами других мест и культур считает себя вправе определять сущность изучаемого, не считаясь с окружающим его комплексом и с условиями формирования его на месте. Идя таким путем, исследователь вылетает из тесного круга определяющих формаций и, не считаясь с жизнью формы, характеризует ее сходными формами, нередко совершенно не учтенными. При углублении такого подхода, археолог крайне легко обращается в узкого вещеведа, и притом нередко ошибающегося в делаемой оценке самой вещи. Подобные отлеты от окружающего комплекса наличны даже в эпохи, близкие к историческим... Оторванно взятая форма уносит исследователя из изучаемой им области, фактически он оказывается свободным в выборе сопоставлений и даже, до известной степени, свободным в деталях своей собственной фантазии. Обнаружение нового материала при таких условиях дает повод к немедленному применению сравнительного метода. И вместо того, чтобы изучать условия жизни этого материала на месте и перейти к поискам дополнительных данных для получения цельности картины, ученый ограничивается внешними формальными сопоставлениями... Все изученные яфетидологией материалы говорят об единстве процесса развития, а не о смене самостоятельно зародившихся и друг от друга не зависящих этнических составов. В связи с этим решительно отпадают всякие суждения об обособленно существовавших и сменяющихся в порыве переселенческих волн этнических составах эпохи палеолита. Тем самым изъемлется из употребления несоответствующий исследовательским заданиям термин палеоэтнология. Вместе с тем требует уточнения и другой термин,—homo sapiens. Если кроманьон трансформировался из неандертала, то применение к нему одному означенного термина представляется далеко не обоснованным. Под homo sapiens подразумевается мыслящий и творящий человек. Между тем, как утверждает яфетидология на основании лингвистического анализа, человек периода кинетической речи уже обладал достаточно развитым мышлением и, судя по сохранившимся памятникам материальной культуры, был несомненно творящим человеком, во всяком случае в области изготовления орудий. Таким образом термин—homo sapiens, прикреплявшийся к кроманьону по чисто расовому признаку, должен быть, судя по влагаемому в него содержанию, распространен на весь период трудя-

щегося уже человека в его ясно выступающей творческой деятельности (с. 10—13).

Таковы в общих чертах основные положения общеметодологической части рецензируемой работы.

Вторая часть посвящена критическому разбору пользующейся на Западе значительным успехом теории венского проф. Освальда Менгина, которую пытались пропагандировать и у нас в СССР (первая попытка, если не ошибаюсь, принадлежит Б. Богаевскому) [3].

Ученик покойного Гернеса, Менгин резко отошел от научных позиций своего учителя и примкнул к школе известного кардинала Вильгельма Шмидта, выступающего сейчас главным представителем теории культурных кругов. «Почувствовав неустойчивость действующих суждений археологов,—отмечает т. Мещанинов, —Менгин не нашел иного выхода из них, как построение двух культурных кругов, характеризуемых ручным топором и ручным клинком... В его освещении, названные культурные круги играют первенствующую роль даже в сложении всей человеческой культуры вообще... Менгин неминуемо уперся в этнос, и какая-то непреодолимая сила не позволяет ему освободиться от напора миграционной теории» (с. 14—15). Здесь мы можем помочь т. Мещанинову. «Непреодолимая» сила, заставляющая Менгина (да его ли только одного?) скатываться к обветшалым традициям бесконечных переселений гипостазированных этносов, в реальной действительности есть не что иное, как буржуазно-классовая идеология, преодолеть которую вместе с неразрывно с нею связанной классовой же методологией, естественно, очень не легко даже и крупному специалисту, поскольку он сам не осознает этого положения и не стремится его изменить, переходя на теоретические позиции другого класса. Наоборот, связавшись с ярко-конфессиональной школой ученого кардинала, группирующейся вокруг «Anthropos'a», Менгин еще больше завяз в болоте, поскольку его новые друзья как раз и поставили своей основной целью всячески способствовать распаду науки, стремясь превратить ее в безвредное дополнение к божественному откровению. Совершенно случайно, что в наше время, в эпоху империализма и пролетарской революции, в эпоху осуществляющегося разложения капитализма, самую действенную помощь ему оказывают наиболее оголтелые приспешники средневековой феодальной реакции. Лагерь «Anthropos'a» лагерь ученых слуг Ватикана—есть в настоящее время самая крепкая цитадель, защищающая интересы эксплоататоров. Эти «ученые» не подведут буржуазию, их «наука» не может оказаться революционной силой в руках другого, «революционного» класса. Сюда, к монастырю Ggabriel Mödling bei Wien ведут буржуазную науку, не желающую и не могущую итти вперед, итти на разрыв со своим классом, «непреодолимые» силы классовой борьбы, сюда вместе с Менгиным, приходят и другие представители мятущейся в безысходном кризисе буржуазной научной мысли. Впрочем часть их приходит и в иные обители: отметим быстрый рост всяческих теософических настроений, особенно так называемой антропософии, которые весьма энергично распространяются среди ученых гибнущего общества. И здесь, и там наука буржуазного Запада жалко капитулирует перед атавистическими религиозными капканами.

«Приняв схему В. Шмидта, Менгин тем самым вновь свернул на узкий этнологический подход. Он привлек в параллель к своим «доисторическим» исследованиям также и данные современной этнографии. И что же вышло из такого привлечения этнологического материала?—спрашивает т. Мещанинов. Не углубив достаточно вопросов стадиальности, Менгин, в результате своих этнологических сопоставлений «доисторического» человека с современным «дикарем», склоняется к отнесению в число первичных культур расово им обособляемого ориньяка, то-есть опять приходит к тому же пресловутому homo sapiens кроманьону. Сделав своего рода «культурный круг», венский археолог венулся к тому исходному пункту, от которого пытался отойти. Менгин ярко олицетворил в своих работах бесплодность попыток выйти из заколдованного круга, созданного этнологической школой...» (с. 15—16).

Отметив значительный отход назад Менгина по сравнению с Гернесом, т. Мещанинов высказывает ряд очень интересных соображений о роли типологии и о проблеме «дикаря». «Типологические сопоставления неизбежны,—пишет он,—и от них ни один яфетидолог отказываться не может, но они должны быть обусловлены учетом всего наличного комплекса... С применением комплексного анализа мы неминуемо подойдем к прослеживанию смен хозяйственных формаций человеческих объединений и тем самым выявим проявление этих смен на обусловленном ими вещевом творчестве... Застигаемые нами так называемые примитивные народы сами по себе вовсе не представляют начальной стадии развития. За ними лежит длительный период предшествующего состояния. Кроме того к ним нельзя подходить как к безукоризненно цельным формациям. Они представляют собой тоже уже многократно скрещенные образования, и вовсе нельзя предполагать, что процессы скрещения везде проходили в однообразных сочетаниях... Понять современного «дикаря» можно только, подойдя к нему стадиально и палеонтологически. Между тем этого не сделал ни один этнограф, и, поскольку мы знаем, не собирается делать это и поныне. Обычное разрешение этого вопроса, сводящееся к наблюдениям форм бытования, приводит лишь к легкости применения сравнительного метода, и к «дикарю» подходят как к чему-то самобытно-целостному и вполне ясному в своем условном примитивизме. Это совершенное недоразумение. Именно здесь,—подчеркивает автор—наиболее необходимо привлечение лингвистических исследований» (с. 16—18).

Важно подчеркнуть, и это не упускает сделать т. Мещанинов, что от этнологической фальсификации исторического процесса не гарантированы и отдельные исследователи-марк-

[3] «Доистория и этнология в работах проф. Освальда Менгина «Человек», 1928, № 2—4.

систы, которые позволяют себе некритически заимствовать материалы из трудов палеоэтнологов. В частности, он указывает на ошибку М. Серебрякова [1], которой в вопросе о homo sapiens фактически становится на почву палеоэтнологии, приписывая разум только пресловутому кроманьону. Между тем, «согласно выводам яфетидологии на основе анализа лингвистического материала, не появление кроманьона сопровождалось коренными изменениями в технике производства и в общественных отношениях, а наоборот изменения в технике производства обусловили видоизменения в общественных отношениях и создали тот тип, который именуется кроманьоном» (с. 21).

Давая в своей работе богатый и хорошо подобранный материал, иллюстрирующий все обостряющийся кризис буржуазных антропологии, археологии и этнографии, т. Мещанинов показывает, что только отказ от старой в корне дискредитировавшей себя методологии способен вывести эти науки из тупика. Автор глубоко убежден, что такой новой методологией является яфетическая теория, совершенно проглядывая при этом, и в этом заключается существеннейший недостаток как рецензируемой так и других его работ, что сама яфетидология в своей методологической сущности является не чем иным, как «стихийным историческим материализмом», по меткому и глубоко правильному высказыванию М. Н. Покровского. Задача состоит поэтому не столько в том, чтобы переносить, хотя и имеющие огромное значение, но все же остающиеся частными, основные положения яфетической теории, а в том, чтобы сознательно и углубленно применять в исследовании археологических, этнографических и антропологических явлений единственно подлинно-научный метод марксистско-ленинской методологии. Только органическое внедрение революционного марксизма в эти дисциплины позволит коренным образом не только уничтожить многочисленные миражи, но и дать положительный ответ на вопрос о конкретных путях развития человеческой истории в ее древнейшей стадии от обезьяны, в процессе труда превращавшейся в человека, и до появления классового общества. Только тогда изменится и современное положение, которое «загнало археологический материал в отгороженные непроницаемыми полками ящики, снабженные этикетками с указанием этноса, культуры и даты», положение, при котором «почти никаких попыток к стадиальному прослеживанию меняющихся форм, почти полное отсутствие учета изменчивых условий жизни и труда, форм хозяйственной деятельности, различия потребностей обособляющихся слоев населения. Не заметно никаких стремлений проверить свои выводы по данным языка, отражающего ту же хозяйственную деятельность и следовательно выявляющего пережитые моменты. Памятник материальной культуры продолжает быть самодовлеющим» (с. 35).

[1] «Основные проблемы исторического материализма» «Записки Научного общества марксистов» № 1 (9), 1928.

Когда же это будет? Тогда, когда за эту насущную и актуальную задачу возьмутся историки-марксисты. А браться — давно пора.

В. Аптекарь.

Б. Тихомиров, Разинщина, Гиз, 1930, с. 140.

Нет ничего странного в том, что история крестьянских движений систематически игнорировалась крепостнической и буржуазной историографией. В тех же случаях, когда историки указанных направлений касались этой проблемы, они оставляли после себя такое нагромождение исторических фальсификаций, что марксистско-ленинской историографии придется еще немало приложить усилий и впредь для того, чтобы окончательно расчистить поле для подлинно-научного классового освещения как хода событий, так — тем более — их характера и значения.

В этом отношении значительным явлением представляется работа Б. Тихомирова — «Разинщина», которая вышла из семинара Института красной профессуры. Тов. Тихомиров подвергает пересмотру с марксистской точки зрения все основные этапы, действующие силы и задачи, которые пыталась разрешить крестьянская война второй половины XVII века. Заслуга тем более значительная, что в своей работе автор почти не имел предшественников.

Прежде всего и главным образом следует отметить последовательное проведение классового анализа разинщины. Вся предшествующая историография, которая пыталась замазать классовую борьбу и ее революционную целеустремленность, рассматривала действующие классовые силы как случайно выступившие на историческую сцену, а в соответствии с этим рассматривала крестьянское движение в лучшем случае как борьбу «воровских людей», «низших слоев общества» против высших, а в худшем — как проявление чего-то «нездорового, ненормального». Автор «Разинщины», в ряде глав исследуя социально-экономическую обстановку движения, дает подробнейший анализ всего переплета классовых сил на окраинах и в центре московского государства. Не всегда автору удается вскрыть основное и решающее соотношение классовых сил и последовательно провести его через все этапы разинщины. В ряде случаев он модернизирует феодальную эпоху в стиле капиталистической. Так например приведя ряд данных, подтверждающих «факт заторможения и кое-где упадка экономического развития городов во второй половине XVII в. (до 80 г.)» [1], он пишет : «четвертая часть Тульского посада представляла собой городской пролетариат, наемных рабочих, не тянувших тягла» [2].

Эта же терминология употребляется Г. М. Белоцерковским в его работе «Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках» (с. 109—110). Таким образом, т. Тихомиров, следуя немарксистским работам, стал на путь некритического перенесения категорий капиталистического общества

[1] Тихомиров, Разинщина, с. 25.

[2] Там же, с. 26.

на эпоху феодализма, когда еще чуть-чуть начинали возникать элементы капиталистического общества. Этот налет внеисторичности несомненен и в ряде других случаев.

Повидимому, т. Тихомиров иногда и сам чувствует ложность своего положения ,и тогда он начинает говорить лишь о «предпролетарских кругах посада».

Не менее существенны ошибки, которые допускает автор по другим линиям. Для марксиста обязательно во всяком историческом исследовании вскрыть отношения и борьбу основных классов: в эпоху феодализма—крепостного крестьянства и помещиков-крепостников. Это не исключает, а наоборот должно являться исходным пунктом для выяснения всех других классовых группировок, вырастающих в данной хозяйственной системе. У т. Тихомирова иногда выпирает на передний план торговый капитал, выпирает настолько, что благодаря этому затушевывается, остается в тени та крепостная база, на который он утверждается. И пожалуй самым интересным в данном случае является то, что т. Тихомиров, останавливаясь на изучении Волжской артерии — ее значения в развитии торговли внутри Московского государства и в процессе развертывания внешних торговых связей с восточными странами — ни разу не останавливает внимания читателя на политике «военно-феодального империализма» (Ленин), которая, разумеется, находится в соответствии с требованиями развивающегося торгового капитала и им в значительной степени вдохновляется. Значения этого момента никак нельзя недооценить, ибо касаясь политики военно-феодального империализма, мы непосредственно сталкиваемся с задачей выяснения истории и методов колонизации юго-востока и других окраин Московского государства. Изучение военно-феодальной колонизации должно привести нас к более полному пониманию того, в силу каких обстоятельств поднимались — и не могли не подниматься на борьбу — различные народности, которые были зажаты в кулак военно-феодального государства, при поддержке которого орудовал и торговый капитал. Мы могли бы указать например на Якутские столбцы XVII века, которые сохранили на своих еще совершенно незатронутых исследователями ветхих страницах бесконечное количество примеров, как рука об-руку военно-феодальный империализм с торговым капиталом «огнем и мечом» прокладывали себе путь к богатствам колонизуемых народов — тунгусов и якутов. Способы и методы феодального грабежа — сиречь торговли — были одинаковы для представителей как московского гостя Надея Светешникова, так и боярина князя Я. К. Черкасского, уполномоченные которого проникали в самые крайние части Сибири уже в середине XVII века.

История, как принято говорить, повторяется: вторжение носителей политики военно-феодального империализма в любую часть света вызывало неизбежно выступление колонизуемых народов, так было и в далекой Якутии, так было и среди народов Поволжья.

Правильная постановка данной проблемы заставила бы т. Тихомирова уделить должное внимание и политике военно-феодального империализма.

Было бы неправильно, если бы мы не упомянули, что т. Тихомировым национальная проблема освещается на различных этапах разинщины. Но вот каким образом он определяет основное содержание национального движения: «Национальное освобождение от эксплоатации русского торгового капитала было несомненной целью этих угнетенных народностей»[3]. После сказанного выше становится ясным, что поскольку отсутствует увязка торгового капитала с крепостнической системой, поскольку автор оказывается бессильным вскрыть основные причины, толкающие угнетенные народности на борьбу против московского самодержавия.

Переходя к анализу других сторон рецензируемой работы, мы обязаны с особой силой подчеркнуть оценку, данную различным периодам разинщины. Представителям крепостническо-буржуазной историографии, согласно рассматривавшим первый период как период разбоя, нанесен решающий удар. Тов. Тихомиров, изучая разинщину с точки зрения социального характера движения, сумел встать на новую позицию, выдвинув на передний план положение, что «восставшие крестьяне сами поднимали движение на более высокую ступень»[4]. Это сугубо важно подчеркнуть, поскольку все крестьянские движения не имели и не могли иметь заранее продуманной программы борьбы. Она вырастала и оформлялась в процессе ожесточенной схватки двух основных классов феодального общества — крепостного крестьянства и крепостников.

В связи с этим особенно большой интерес представляет глава, посвященная четвертому периоду разинщины. В ней т. Тихомиров различает «три направления» в массовом движении: первое — по его мнению, «отражало собой идеологию дюжего казачества и донской войсковой старшины»[5], которые являлись своеобразными попутчиками крестьянской войны; второе — «представляло собою интересы голутвенного казачества» и возглавлялось С. Разиным, и, наконец, «левое», которое оформлялось в Астрахани, «вождями местной городской бедноты, беглых холопов, ярыжек, работных людей». К сожалению эта сторона в работе т. Тихомирова не нашла полного освещения, хотя представляет несомненный интерес.

Особенно интересна глава, посвященная вопросу строительства революционной власти, программе и тактике движения. Опыт революции XX столетия, главным образом Октябрьской, стоит перед автором, когда он приступает к решению этих задач. Банальные рассуждения реакционной историографии на тему о проявлении «нездоровых, ненормальных» чувств и т. п. не выдерживают критики. Автор совершенно резонно к сожалению «глухо» выступает против попытки рассматривать борьбу поднявшегося крепостного крестьянства и колонизированных народов как подражание С. Разину,

[3] Тихомиров, Разинщина, с. 118.
[4] Там же, с. 83.
[5] Там же, с. 131.

обладавшему для этого «всеми физическими и психическими данными». Революционные массы крестьянства и посадского люда, выступая на путь беспощадной борьбы против крепостников и крепостного государства, не могли не проявить революционной творческой инициативы. Структура революционной власти на местах не являлась простым слепком с «казацкого устройства», а являла собой «сочетание... двух порядков организации власти»: наряду с выборными властями действовали «назначенные лица, представлявшие великое войско донское, как бы комиссаров С. Разина»[6].

Рассматриваемая брошюра свидетельствует о прекрасном знакомстве автора с литературой вопроса. В то же время им умело используется весь известный исторической науке архивный материал.

Приходится сожалеть, что автор глухо полемизирует с враждебной нам историографией, ограничившись лишь кратким историографическим очерком вместо того, чтобы с большевистской непримиримостью преследовать своих врагов по горячим следам, хотя для этого у него были все основания и возможности. Написана книжка живым и сочным языком.

При всех недочетах, которые имеются в рецензируемой работе, она несомненно является значительным вкладом в нашу историческую литературу о крестьянских войнах XVII—XVIII вв., а поэтому должна быть широко использована в нашей борьбе против крепостнической и буржуазной историографии.

А. Королев

«История пролетариата СССР» (Коммунистическая академия, Институт истории, Секция пролетариата СССР, под редакцией П. О. Горина, Е. П. Кривошеиной, В. В. Максакова, Ю. К. Милонова, В. И. Невского, А. М. Панкратовой (ответственный редактор), М. Н. Покровского, С. А. Пионтковского, И. Л. Татарова). Сборник первый, 1930, издательство Коммунистической академии, Москва.

Марксистская историческая наука может поздравить себя с огромной победой: начали выходить специальные сборники по истории пролетариата СССР. В процессе самопознания рабочего класса СССР и всего мира эти исторические сборники сыграют далеко не последнюю роль, ибо, как подчеркнул в своем предисловии к т. I сборников М. Н. Покровский, «история рабочего класса нашей страны... становится очередной исторической задачей не только для нас, но и еще для наших западных и восточных товарищей» (с. IV). Изучать историю пролетариата СССР означает изучать историческое подготовление Октября; исторический опыт рабочего класса Советского Союза не может быть обойден вниманием мирового пролетариата в его борьбе.

Недостатки прежних работ по истории пролетариата, их либеральная и меньшевистская установка правильно отмечены в предисловии М. Н. Покровского и в методологической статье А. Панкратовой. («Проблема изучения истории пролетариата»). Я хотел бы подчеркнуть еще одну, методическую, сторону дела. Такой исключительной сложности и важности вопрос, как тот, которому посвящено рецензируемое издание, не может быть осуществлен единичными, партизанскими усилиями. Старые работы, помимо своих принципиальных дефектов, страдают еще и от того, что они скользя в сущности по поверхности явлений, в лучшем случае представляют собой сводку и самую первичную обработку исторических источников. Круг материалов, которыми оперировали исследователи, ограничен и неоднократно привлекался к изучению. Отныне этим, подчас случайным, поверхностным, разрозненным опытам положен конец: история пролетариата получила свой оформленный центр. Общие малообоснованные построения сменяются кропотливым, но зато глубоким изучением отдельных проблем. Лишь на такой основе станет возможной единая, цельная, истинно-научная марксистско-ленинская история пролетариата СССР.

Можно указать на выходивший несколько лет тому назад в Ленинграде журнал «Архив истории труда» и сборники «Труд в России», как на предшественников «Истории пролетариата СССР». Но первые отправлялись от такой широкой и расплывчатой категории, как «труд», именно поэтому крестьянству, ремесленникам там уделялось во всяком случае столько же внимания, сколько пролетариату. Вдобавок ленинградское издание заполнялось немарксистскими работами.

В своей статье А. Панкратова отправляется от высказываний Маркса, Энгельса и Ленина, подчеркивает значение изучения истории пролетариата и отмечает основные проблемы исследования: 1) возникновение рабочего класса, 2) формирование основных кадров пролетариата и основные этапы его количественного и качественного роста, 3) эволюция экономического положения рабочего класса, 4) формы и характер массового движения и развитие организаций пролетариата, 5) формирование идеологии рабочего класса. Затем т. Панкратова раскрывает содержание этих проблем и отмечает существеннейшие моменты прошлого рабочего класса СССР. Попутно автор останавливается на источниках и делает ряд критических замечаний.

По характеристике М. Покровского «все вопросы методологии... работы... хорошо объяснены во вступительной статье, написанной т. Панкратовой....» (с. VII).

Статья В. И. Невского («Народная воля» и рабочие») посвящена очень важному и интересному вопросу. Как и все работы т. Невского и данная статья основана на большом и свежем, мало или совсем неизвестном материале. С плоскости «филиации идей», от изучения чисто идейной эволюции «Народной воли», автор сводит вопрос к исследованию той объективной обстановки в виде работы среди пролетариата, какая обусловила эволюцию народовольчества. Тем самым идеологическое развитие получает прочный базис, в виде того правильного положения, что народнические элементы вели и к

---

[6] Тихомиров, Разинщина, с. 109.

социал-демократии, если на практике они были связаны с рабочими кружками (с. 88). Перед В. И. Невским стояла большая опасность: сама тема, а также некоторые материалы могут толкнуть к переоценке социал-демократического характера народнических рабочих кружков. Автор однако не поддался этому искушению; говоря об эволюции к марксизму, т. Невский постоянно подчеркивает народнические, утопические элементы в этих кружках, проводя грань между ними и социал-демократическими идеями. Благодаря такому подходу «утробный» период оформления рабочей идеологии предстает во всей своей сложности и пестроте заложенных в нем тенденций.

Совершенно противоположный пример ненужной модернизации одностороннего подхода, не учитывающего многогранности процесса, имеем в статье М. Нечкиной («Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г.»).

Поставив себе благодарную задачу изучения рабочих волнений в связи с реформой, М. Нечкина, исходя из верной мысли, что крепостных рабочих «нельзя соединять знаком равенства с понятием «пролетариат» (с. 92), автор в дальнейшем, вопреки действительности, чрезмерно перегнул палку в сторону приближения идеологии и форм борьбы крепостных рабочих и пролетариата эпохи развитого капитализма. Подчеркивая, что «необходимо... улавливать крестьянский оттенок в идеологии» (т. I, с. 104), т. Нечкина при исследовании конкретных фактов отказывается от этой правильной установки. Единственное исключение она делает для волнения на Березовском золотопромывальном заводе, проникнутого крестьянской идеологией. Во всех же остальных случаях односторонне выпячиваются пролетарские черты движения крепостных рабочих; автор находит даже смычку между рабочим и крестьянским движением, приписывает правительственным чиновникам такое понимание специфических отличий между рабочим и крестьянином, какое сделало бы честь не одним агентам Александра II. По мнению М. Нечкиной даже репрессии правительство применяло одни по отношению к рабочим, другие по отношению к крестьянам: «крестьян порют, — рабочих заковывают, арестовывают, высылают» (с. 117). Смеем уверить т. Нечкину, что часто происходило наоборот: правительство не жалело розог для рабочих, а крестьян заковывало, арестовывало, ссылало, а то и применяло «комбинированное» наказание — ссылку и порку. Конечно нужно улавливать особенности рабочих волнений эпохи буржуазных реформ, отличия этих волнений от крестьянских, но нельзя упускать из виду и того, что крестьянские черты еще в сильной степени довлели над крепостными рабочими.

Статья А. Анского («Рабочий вопрос во II Государственной думе») вскрывает на этом не занимавшем большого места в работах Думы вопросе четкую расстановку партий и стоявших за ними классовых сил. На примере отношения к правительственной декларации, на запросах и законопроектах показана и мелкобуржуазная природа эсеров, и ошибки меньшевиков в социал-демократической фракции и буржуазная суть кадетов. Самым интересным выводом из всей статьи является то, показанное на конкретных примерах положение, что по отношению к рабочему вопросу кадеты шли вместе с правыми. Это лишний штрих для оценки роли буржуазной оппозиции, предпочитающей союз с монархистами уступкам рабочему классу. Напрасно автор не подчеркнул этого обстоятельства в своих выводах.

М. В. Злотников в своей статье затронул очень интересный вопрос о формировании вольнонаемного труда в крепостной России. Так как статья представляет собой подвергшийся «значительной переработке» доклад, то она лишена необходимой связности и законченности. Основной вывод, к которому приходит исследователь, заключается в том, что вольнонаемный труд в промышленности крепостной России был весьма распространенным явлением. Недостатки работы отмечены в напечатанных в сборнике прениях по докладу М. Злотникова. Давая социальную характеристику рабочих, автор использует терминологию источников, не пытаясь раскрыть классового содержания того или иного сословно-группового термина. Так например вывод о том, что на мануфактурах шести крупнейших фабрикантов первой половины XVIII века «вторую по численности группу рабочего населения... составляли дети солдат, матросы и рекруты» (т. I, с. 154) имеет очень малую научную цену, благодаря невыясненности классового лица детей солдат, матросов и рекрутов.

В связи с тем, что вопрос о роли посадских и мещан в формировании пролетариата совершенно не изучен, заслуживает внимания вывод о значительном проценте (17,5%) посадских людей среди рабочих.

Содержание статьи В. В. Максакова значительно уже ее названия («Архивы как источники изучения истории пролетариата»). Характеристики архивов как источника в статье нет; да и по существу эта тема не может быть освещена в пределах одной статьи. В. Максаков дает перечисление ряда архивных фондов, бегло указывая на их содержание. В качестве предварительного справочного материала для лиц, изучающих историю пролетариата, статья эта не бесполезна.

Заметка Б. Горева («Автобиографический материал как источник изучения истории пролетариата СССР») далеко не исчерпывает проблемы. Повидимому автор имел в виду лишь поставить вопрос, обратить внимание на автобиографический материал, а не дать развернутую характеристику этой категории источников. К тому же, т. Горев переоценил значение автобиографий. В частности, нельзя от автобиографий ожидать, чтобы они дали ответ на «вопросы, касающиеся классового формирования (разрядка Б. Горева) основных кадров пролетариата... (из крестьян, мелкой буржуазии, в частности, ремесленников, потомственных пролетариев и т. п.)» (с. 179). Социальный генезис пролетариата может быть изучен лишь на основании массовых статистических данных; количество же автобиографий даже при организованном их сборе, всегда будет более или менее ограничено и не-

достаточно для выводов о «классовом формировании» пролетариата.

Особый отдел посвящен монографическому изучению промышленных предприятий. Здесь помещено резюме доклада М. М. Раковского («Опыт работы над архивом завода «Серп и Молот», бывш. Гужона»). В выступлениях отдельных товарищей по докладу отмечены методологические ошибки докладчика, заключающиеся в чрезвычайно механическом подходе к марксову методу, в предположении, что можно изучать и дать цифровое выражение теоретическим категориям политической экономии на материале одного предприятия.

М. К. Рожкова поделилась опытом работы над архивом Трехгорной мануфактуры.

Статья В. Зельцера («К вопросу о монографическом изучении промышленных предприятий») направлена против тенденций, выраженных в упомянутом докладе М. Раковского и, с другой стороны, против узко-краеведческого подхода. Нужно сказать, что помимо отмеченных в редакционном примечании ограниченности опыта, недостаточной полноты и всесторонности освещения, автор оставляет неясным многие существенные вопросы. Справедливо возражая М. Раковскому, В. Зельцер видит однако возможность иллюстрации на примере отдельных производственных единиц, скажем, теории реализации. Возникает вопрос — почему теорию реализации иллюстрировать можно, а норму прибавочной стоимости и органическое строение капитала — нельзя.

Впечатление большой продуманности, чрезвычайно умелого и осторожного подхода к источникам оставляет статья М. К. Рожковой («Рабочие Трехгорной мануфактуры во II половине XIX века»). Поскольку это позволяют скудные архивные данные, автор прослеживает процесс образования постоянного кадра пролетариата и эволюцию представителей отдельных сословий среди рабочих. Абсолютно необоснованным представляется возражение Б. Д. Маркуса во II сборнике «Истории пролетариата СССР» (с. 61—62) против вывода Рожковой о росте числа крестьян среди рабочих Трехгорной мануфактуры, вывода, якобы противоречащего установленному Лениным положению о процессе раскрестьянивания после реформы. Наоборот, вывод Рожковой как раз иллюстрирует это ленинское положение: рост числа крестьян в рабочей среде и образование постоянного пролетарского ядра как раз и говорят о «раскрестьянивании», о том, что крестьянство все большими массами уходило на фабрику.

В отделе «документов и материалов» приведены публикуемые В. Невским доклады фабричных инспекторов о январском рабочем движении 1905 года.

В отделе критики и библиографии, среди других напечатана весьма содержательная рецензия Т. Т. Скубицкого на книгу П. Г. Любомирова «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв.». Последняя часть сборника отведена хронике.

В заключение надо отметить, в качестве чрезвычайно отрицательного момента, что в сборнике нет н и о д н о й статьи по истории пролетариата союзных республик и национальных окраин. А ведь сборник называется «История пролетариата СССР». На эту сторону дела редакции придется обратить самое серьезное внимание.

А. Гайсинович

П. А. Половцев, Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.), Изд. «Возрождение», Париж 1928.

Мемуары генерала Половцева, имя которого так тесно связано с июльским движением 1917 г., остались в нашей литературе совершенно незамеченными. А между тем для историка революции они безусловно представляют некоторый интерес. Не сообщая никаких новых фактов, иногда даже не совсем точно описывая некоторые эпизоды из истории 1917 г., эти мемуары любопытны, во-первых, ярким колоритом определенной специальной среды и, во-вторых, интересными деталями событий. Уже сам автор П. А. Половцев, сын известного статс-секретаря и видного царского сановника А. А. Половцева (знакомого советскому читателю по дневнику, печатавшемуся в «Красном архиве»), выступает в этой книжке как весьма колоритный образчик определенной среды. Это типичный военный, бравый офицер, затянутый в черкеску и кривящий улыбку, блиставший в салоне остроумными словечками, готовый ради какого-нибудь сомнительного mot посмеяться и над своим ближайшим приятелем, и над своими принципами, и вообще над всем на свете. Поневоле вспоминаешь дипломата Билибина, так ярко описанного Львом Толстым. Можно было бы сказать, что Половцев — это военный Билибин. Но Билибин был хотя и ничтожным, но умным человеком. О Половцеве же последнего не скажешь: и остроумие и насмешка казарменного пошиба, хотя, правда, гвардейской казармы.

Но гораздо более интересен, чем сам Половцев, «революционный путь» и им проделанный. Здесь он уже совсем не был оригинален, и перед читателем предстает только один из многих офицеров, более или менее ловко приспособившихся к обстоятельствам и при помощи мелкобуржуазных социалистов оказавшихся во главе революционной армии.

Половцев прибыл в Петербург как раз к началу революции прямо из ставки, где он был обласкан царем. Ни о какой революции он не помышлял, он не был связан ни с одним из оппозиционных кружков, но к работе его привлекли друзья. Нужно было унять разбушевавшиеся народные страсти, и вокруг военной комиссии Временного комитета Государственной думы собирали более или менее подходящую группу офицеров. Гучков в этой работе играл видную роль. Вокруг него и создалась своеобразная «полковничья» группа, куда притянули и Половцева. Их назвали «младотурками», как называли еще раньше те полуоппозиционные офицерские кружки, которые легально собирал Гучков еще во времена своего председательствования в военно-морской комиссии Государственной думы.

Группа «младотурок» (Якубович, Туманов, Энгельгардт, Туган-Барановский, Гилдбах, Верховский, Лебедев, Балабин, Масленников и др.) своим подлинным организатором имела однако не Гучкова, фактически душой кружка являлся небезызвестный Пальчинский, недавно расстрелянный ОГПУ как организатор и руководитель вредительских штабов.

Пальчинский регулярно собирал эту группу, информировал ее, обучал, направлял, именно он являлся политическим руководителем всего этого полковничьего кружка, почти всем участникам которого буржуазная революция принесла генеральские эполеты. «Удивительно светлая голова» — отзывается Половцев о Пальчинском. И действительно голова на плечах у него была. Если кружок Пальчинского отличался изумительным и ни с чем не сравнимым невежеством, то сам Пальчинский несомненно обладал известным политическим нюхом. Половцев рассказывает, как, получив ответственный пост при Гучкове, он решил выяснить разницу между с.-р. и с.-д. Он послал офицера, и тот в 10 минут (Половцев — этот невежественный дикарь, вошедший в политику с непосредственностью туземца острова Фиджи, полагает что это сверхамериканская быстрота) принес сообщение: «с.-р. — это земля и воля, с.-д. — это «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Между тем Пальчинский уже с самого начала понял непригодность Гучкова и провиденциальное назначение Керенского. Еще в марте он тайком и ночью возил своих «младотурок» в министерство юстиции, в кабинет к Керенскому. «По его (Пальчинского — *М. Ю.)* мнению — сообщает Половцев — Керенский единственный сильный человек, которого выдвинула революция, и мы должны его всячески поддерживать и просвещать». Пальчинский рассчитал не плохо. Керенский, уже в марте потихоньку заводивший знакомства среди гвардейских офицеров, действительно заменил Гучкова, и тогда «в довмине (дом военного министерства — *(М. Ю.)* атмосфера изменилась. «Младотурки» воцарились всюду. Якубович и Туманов—помощники военного министра, Туган-Барановский — начальник канцелярии». Половцев получил пост главнокомандующего Петроградским военным округом, а сам Пальчинский, формально занимавший не очень видный пост товарища министра торговли и промышленности, фактически становится одной из крупнейших фигур буржуазной контрреволюции. Керенский, Церетелли, Чернов и другие дурачки из совета служили для этой компании удобным прикрытием, за которым можно было подготовлять контрреволюционные заговоры и мятежи против революции. Пока же контрреволюция под флагом порядка и закона легально производила отдельные партизанские налеты на революцию. Один из таких налетов описывает Половцев — взятие дачи Дурново.

Эта операция произвела на активную часть правительства большое впечатление. «Терещенко меня спрашивает, — пишет Половцев, — нельзя ли теперь (после дачи Дурново— *М. Ю.)* взять дом Кшесинской и вышибить большевиков из их твердыни. Эта мысльповидимому правительству понравилась, и через несколько дней меня опять приглашают на заседание в Чернышев переулок».

Эти благие намерения буржуазных дельцов получили в начале июля реальную почву. Половцев, который и с дачей Дурново справился только при помощи оборонческих комитетов, прекрасно знал, что без содействия оборонческих групп ему не удастся вывести даже верные правительству части. Вот почему он в июльские дни сначала ограничивается бандитским налетами. «Спрятанная у меня во дворе дружина Георгиевского союза выскочила и после непродолжительного столкновения захватила пулемет... Эти молодцы, упоенные победой, просят разрешения атаковать редакцию ленинской «Правды», находящуюся недалеко от штаба на Мойке. Благословляю их на это дело». Но к регулярным так сказать военным действиям Половцев решается приступить лишь под флагом помощи ЦИК. Как только на смерть перепуганный соглашательский ЦИК попросил помощи, Половцев отдает приказание гвардейской конной артиллерии, «сделав одно возможно краткое предупреждение или даже без этого, открыть огонь по толпе перед Таврическим дворцом».

Меньшевистско-эсеровский ЦИК в борьбе с революционными массами обратился за помощью к штабу и фактически превратился в игрушку последнего. В штабе округа, правда, и день и ночь проводят Церетелли и Чернов, но советуется Половцев естественно с Пальчинским. Туда приходят правда Либер и Гоц, но приходят в эти дни не как советчики, а как просители. Причем Половцев не только отказывает в просьбе, но и позволяет себе поиздеваться над вождями всемогущей революционной демократии. Гоца, этого по характеристике Половцева «деятельного работника по сохранению порядка», «очень хорошо проработавшего эти дни», автор мемуаров нарочно, в присутствии антисемитски настроенных подонков гарнизона величает «Абрам Рафаилович».

Но пожалуй самое пикантное место всей книги, это место о попытках захватить Ленина. «Возвращаюсь в штаб, где усиленно проповедуется мысль о том, что нужно арестовать всех большевиков-руководителей... не без удовольствия принимаю из рук Керенского список двадцати с лишним большевиков, подлежащих аресту с Лениным и Троцким во главе. Список составлен в штабе и одобрен правительством. Балабин (начальник штаба Петроградского военного округа — *М. Ю.)* и Никитин (из контрразведки — *М. Ю.)* торжествуют. Последний имеет очень точные данные о месте нахождения разных большевиков. Балабин сейчас же рассылает на автомобилях офицеров с юнкерскими конвоями. Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу». Это было в те дни, когда юнкерские конвои у ж е отличились, когда у ж е были разгромлены меньшевистские партийные комитеты, небольшевистские завкомы, профсоюзы, когда уже были аресты некоторых меньшевиков и

с.-р.' интернационалистов, когда уже был убит рабочий-большевик Воинов.

В конце концов совсем неважно, правильно или неправильно передает через десять лет свой цинично охраннический ответ генерал Половцев. Важно то, что он правильно рисует обстановку штаба, настроения в нем и важно то, что эти настроения прекрасно знали мелкобуржуазные вожди ЦИК. Юридически Гоц, Церетелли, Керенский умыли бы руки на основании всех статей кодекса законов, как умыли себе руки Шейдеман и Носке при убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но политически они отвечают за покушение на убийство Ленина так же, как и офицерская банда Половцева, как политически отвечают за убийство вождей германского революционного пролетариата вожди германской социал-демократии. Вожди ЦИК не сделали ни одной серьезной попытки бороться с огромной, искусно организованной дрейфусиадой о немецком шпионаже и немецких деньгах. Формально при их попустительстве, фактически при их содействии была натравлена ярость темных масс на пролетарскую партию. И эти же вожди ЦИК все время требовали явки Ленина на суд, добровольной явки Ильича к тому или иному Половцеву.

События текут быстро. То, что было тринадцать лет тому назад, отделено от нас веками «мирного» исторического развития. Нет уже ни буржуазно-либеральной, ни мелкобуржуазной радикальной контрреволюции. Есть фашизм и социал-фашизм. Но попрежнему как мелкобуржуазная контрреволюция служила буржуазной, так социал-фашизм служит фашизму. Керенский фактически служил Пальчинскому, как фактически ему же служили Кондратьев и Чаянов, Громан и Суханов. А за всеми ими попрежнему, стоит такая избитая, надоевшая, превращенная как будто в агитационную фразу и в то же время такая суровая, жестокая, грозно реальная фигура — фигура международного капитала.

М. Югов

ЭСЕРОВЩИНА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Дм. Кузьмин, Народовольческая журналистика, изд. О-ва политкаторжан, 1930 г., с. 287.

Пятидесятилетний юбилей партии «Народная Воля» выбросил на рынок огромное количество массовой мемуарной и исследовательской литературы. Марксистская критика взяла под обстрел книгу т. Теодоровича «Историческое значение партии «Народная Воля». Но ведь это только маленький уголок всей литературы, куда попал коммунист, и то ставший не на классово-пролетарскую, а на неонародническую точку зрения.

Задача историков-марксистов—в ближайшее время тщательно изучить весь материал, который мы получили и получаем об эпохе и самой партии «Народная Воля». Это особенно относится к массовой серии, имеющей широкое распространение и выпускаемой без комментариев.

Д. Кузьмин задался целью дать работу исключительно библиографического характера. «Революционная библиография дает ключ к пониманию всей публицистики «Народной Воли». Доказательством этого должно было явиться все содержание предлагаемой работы» [1].

Автор свою книгу делит на 9 глав: I. Народовольческая журналистика и ее изучение. II. Сотрудники. III. По каким принципам составлен «Алфавит сотрудников». IV. Редакторы. V. Кто был ответственным редактором. VI. Якобинские тенденции в народовольческой журналистике. VII. Параллели и контрасты. VIII. Дегаев и Судейкин как «сотрудники» газеты «Народная воля». IX. Мартиролог и последние итоги. Из приведенного перечня видно, что автор решил переворошить под своим революционно-библиографическим углом зрения почти всю историю «Народной Воли». Кузьмин действительно проделал значительную работу по установлению фамилий, авторства, сотрудничества, редакторства тех или иных лиц. Это крайне полезное занятие, поскольку после обнародования списка сотрудников должна была стать яснее диференциация, происходившая в «Народной Воле». Итоги этой работы занимают 27 страниц (от с. 203 по с. 231). К этому материалу прибегнет историк революционного движения, изучающий эпоху, но в этом исследовани много спорного и недоказанного. Все остальное в книге — многословная аппаратура и бесконечные, подчас, тягучие повторения. Из главы в главу переносятся и пережевываются один и тот же материал и установленные факты.

Открывается книга утверждением, что «ни одна другая партия за все 100 лет существования русского революционного движения не создала столь богатой журналистики, выходившей внутри России, и не собирала вокруг нее таких крупных литературных сил, как «Народная Воля». Автор в своем панегирике народовольцам хватил через край. Только за одни 90-е гг. XIX в. мы можем назвать несколько десятков рабочих подпольных органов, выходивших в России. Правда, эта сторона дела мало могла интересовать автора.

Автор указывает, что «народовольческие журналисты могли не стеснять себя особенно там, где это требовалось, размерами своих работ, что давало им возможность с наибольшей полнотой развивать свои мысли» [2]. Это замечание крайне полезно для некоторых наших товарищей, которые должны понять, что не только по программам следует судить об этой партии. Писавшие твердо знали, чего они хотели и куда вели своих последователей. «Мы можем сказать, — пишет Кузьмин, — что имеем здесь дело не с дилетантами революционной

[1] Кузьмин Д., Народовольческая журналистика, с. 6.

[2] Там же с. 12.

публицистики и не со случайными сотрудниками, а с профессиональными революционными литературными работниками, руководимыми притом опытным в литературной практике редакционным коллективом».

Да, тогда мы, выходит, имели дело с настоящими людьми, не то, что последующие подпольщики (ведь это не конспираторы!) с их прессой, создававшейся руками рабочих-корреспондентов и профессионалов-революционеров. Но автор, хорошо подсчитавший, что выпущено «в общей сложности, не считая даже «листков», до 100 тысяч печатных листов, исходя из расчета, что на номер приходилось от 3,5 до 4 печатных листов» [3], не проанализировал в то же время влияния этого огромного по своему времени газетного массива в сравнении с последующей революционной прессой. Ведь нельзя же только механически перебрасывать косточки на счетах, ведь в книгах, претендующих на название исследования, надо и вывод дать, а не скрываться за мнимо беспристрастными подсчетами. И автор от подсчета переходит к идеализации коллектива литературных работников, сиречь самой партии. Простую вещь, заключающуюся в том, что партийные литераторы помещали свои статьи под псевдонимами или вообще без подписи, он возносит в добродетель, свойственную исключительно публицистам «Народной Воли». Они, как и революционеры 60-х и 70-х гг., «охотно топили свою личность в великом безыменном коллективе, к которому они, по их сознанию, принадлежали; поэтому не я, а безличное мы стояло у них на первом плане» [4]. Вот какие это были замечательные люди, все личное забыли, индивидуальность стерлась. Ну а куда же делись критически мыслящие личности и резко выраженный индивидуализм Михайловского и многих других? Зачем простую конспирацию возводить в добродетель, присущую якобы только «Народной Воле»? Разве этим правилом не руководились авторы любого из подпольных органов до «Народной Воли» и сотен других революционных органов после «Народной Воли»? Разве это обстоятельство — особенная характерная черта только «Народной Воли», а не всякой другой революционной газеты или журнала вроде напр. «Революционной России» или «Вестника Народной Воли»? «На почве такого стремления к верховной власти коллектива, — говорит Кузьмин, — стояли несомненно и сотрудники «Народной Воли» [5]. Подозревать под простой анонимностью авторов такие глубоко идейные соображения является выдумкой досужего человека: просто никакой революционер не хочет отдаться в руки жандармов, а всем яснее ясного, что подпись или революционная кличка, даже инициалы под статьей — это нить для полиции к раскрытию автора. К чему же в таком случае с серьезным видом исследователя заниматься столь легковесными литературными упражнениями? Да и сам Д. Кузьмин приводит сообщение Иванчина-Писарева о том, как последний, переписывая рукопись Михайловского «Политические письма социалиста», назвал их идущими якобы из Женевы именно для того, чтобы департамент не обнаружил автора. Весьма разумная мера, которая вытекает отнюдь не из «стремления к верховной власти коллектива». Таких «мелочей» в книге немалое количество. Для иллюстрации приведем еще одну из них.

«Определяя, кто был сотрудником основного народовольческого печатного органа, мы тем самым, — говорит Д. Кузьмин, — определим глубину и серьезность охвата народовольческими идеями наличных интеллектуальных сил страны, а также глубину проникновения их в научно-теоретическую работу тогдашней литературы» [6]. Автор подменяет идеалистической стряпней настоящее изучение вопроса. Ведь сущность проблемы состоит в том, чтобы решить, какие классы или социальные группировки представлялись той или иной народовольческой фигурой. А интеллектуальные силы — это вторая статья при изучении состава сотрудников «Народной Воли». Интеллектуальность больше всего интересует автора и именно под этим углом зрения написана им почти вся работа.

Не показал он своим «алфавитом» и того, как глубоко проникали идеи народовольцев в научно-теоретическую работу тогдашней литературы. То, что говорит Д. Кузьмин в I гл. (разд. 4, с 18—20), давно уже известно. Ведь всякий знает хотя бы по наслышке о Михайловском и о Тихомирове, писавших в легальной прессе, а ни о ком другом в этом разделе Д. Кузьмин и не сообщает, причем, говоря об этом, он ни одним словом не пытается определить, как же идеи «Народной Воли» влияли на теоретическую работу хотя бы даже Михайловского и Тихомирова в толстых журналах.

О работе Иванчина-Писарева и Кибальчича в легальной прессе Д. Кузьмин в сущности ничего не говорит кроме того, что они что-то писали; а между тем углубление в этот вопрос, исследование хотя бы того, о чем писал Тихомиров в «Деле» в тысячу раз более объяснили бы читателю, как и какие народовольческие идеи проникали в теоретическую мысль легальной прессы, чем тщательно составленный «алфавит» Д. Кузьмина.

Не менее интересна трактовка Кузьминым передовой статьи из № 2 «Народной Воли». Эта статья показывает типичную идеологию мелкого буржуа. Буржуа у нас по этой статье «не член сословия, а просто отдельный умный и неразборчивый в средствах хищник, который в душе сам сознает, что действует не по совести и правде» [7]. Статья развертывает концепцию мелких буржуа, боящихся крупного производства, класса буржуазии и вопящих,

---

[3] Кузьмин Д., Народовольческая журналистика, с. 12.
[4] Там же, с. 12.
[5] Там же, с. 15.

[6] Там же.
[7] «Литература партии «Народная Воля», изд. 1930, с. 23.

что все это от лукавого и лучше жить по-стародедовски — так спокойнее. Говоря о будущем Учредительном собрании, автор пишет: «В этом собрании 90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии. Что может постановить такое собрание? В высшей степени вероятно, что оно дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений...»[8]. От положения, что мужик забит, обезличен, народовольцы сразу переходят к тому, что делают его кандидатом в «смутьяны», в «расстройщики», в «бунтовщики» — речь идет об умном и энергичном крестьянине — «не изменившим мирским традициям»[9].

Еще Плеханов отметил, что «типическим образчиком фикций, наскоро продуманных для соглашения практической программы «Народной Воли» с народническими теориями, было известное пророчество о том, что в будущем русском Учредительном собрании 90% депутатов явятся сторонниками социальной революции, если только мы добьемся всеобщего избирательного права. Здесь теория нашей самобытности дошла уж до Геркулесовых столбов, за которыми ей грозила гибель со стороны самого простого здравого смысла»[10]. Но видимо здравого смысла в понимании этих явлений нет у людей и через 50 лет. А возможно, что мы имеем дело с умелым «наведением» читателя на идеи, которые довольно наглядно обнаруживаются у Д. Кузьмина. Большинству читателей конечно ясны вся мелкобуржуазная сущность и колебания, обнаруженные автором передовицы, Л. Тихомировым (а не Н. Морозовым, как силится убедить Кузьмин), но автор все же солидаризируется в анализе с выводами «Народной Воли». Подчеркнув слова, что если партия действует с ловкостью, то в Учредительном собрании 90% крестьян и проч., Д. Кузьмин заключает:

«Подчеркнутые нами слова казались всегда ярким свидетельством народовольческого «утопизма». Но замечательно, что выборы в Учредительное собрание 1917 г. показали, насколько правым по существу оказался в этом случае Н. А. Морозов: буржуазные партии имели там действительно не более 10% голосов»[11].

В чем же, по существу, народовольцы правы? Что за оправдание задним числом эсеровских утверждений о социалистичности Учредительного собрания во все годы гражданской войны и по днесь? К чему этот экскурс в современность? Откуда это Д. Кузьмин изыскал положение, что «социалистическое» Учредительное собрание 1917 г. «дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений»?

Если все выставленные полвека тому назад положения верны, то почему же таким «несправедливым» оказался пролетариат к «социалистическому» на 90% Учредительному собранию? И почему «социалистическое» Учредительное собрание организовало кровавый поход против пролетариата и крестьянства? «По существу» же это не что иное, как апология черновской партии.

Как же выглядят эти «радетели социализма»? По официальным данным[12] из 707 членов Учредительного собрания, чья партийная принадлежность установлена, мы имеем только 215 участников Октябрьской революции. Остальные 492 человека сплотились в большинство, враждебное пролетарской революции, и выделили значительное ядро открытых контрреволюционеров.

Таким образом среди членов Учредительного собрания было только 33% бойцов за советскую власть, масса же «радетелей социализма», мелких буржуа, составившая большинство в Учредительном собрании, покорно пошла за 14% империалистической буржуазии.

Но нужно конечно дойти до полного смешения понятий или быть заклятым нашим врагом, чтобы теперь после пройденного палачами русского пролетариата и крестьянства пути включать партии меньшевиков и эсеров в рубрику социалистов. «Соглашательство меньшевиков и эсеров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции то в одной, то в другой форме»[13].

«Если 6 мая, — пишет Ленин в «Уроках революции», — привязывало эсеров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18 июня приковало их как слуг капиталистов цепью»[14]. Меньшевики и эсеры в борьбе против интересов пролетариата и крестьянства шли в пристяжке с русской империалистической буржуазией.

Сейчас это в еще большей мере подтверждается единым фронтом кадетско-эсеровски-меньшевистско-монархической эмиграции, взявшей под свою защиту участников Промпартии и открыто идущей единым фронтом в подготовке интервенции против страны Советов.

Д. Кузьмин набрался мужества и ученых знаний и сообщает, что все эти враги диктатуры пролетариата были социалистами. Даже В. Фигнер в своем послесловии к книге Д. Кузьмина деликатно замечает, что «автору следовало бы вспомнить, что 1917 год не 1879—1880, и крестьянство за 50 лет, особенно за время войн Японской и Империалистической, шагнуло неизмеримо далеко вперед. Роль революционных партий во всей стране в то время была громадная»[15]. Поэтому говорить о 90% социалистичности Учредительного собрания значит воскрешать иллюзии справедливости лозунгов и борьбы, которые осуществлялись буржуазией и мелкой буржуазией, это значит защищать в наши дни идеи Учредительного собрания, идеи, которые явились лозунгом всей русской контрреволюции.

Всего сказанного достаточно для заключения, что эсеровщина попробовала легализи-

[8] «Литература партии «Народная Воля», изд. 1930, с. 25.

[9] Там же, с. 24.

[10] Плеханов, Соч., т. II, с. 42.

[11] Кузьмин Д., цит. соч., с. 28.

[12] «Всероссийское учред. собрание», изд. 1930, с. 115.

[13] Ленин, Соч., т. XXI, с. 71.

[14] Там же, с. 76.

[15] Кузьмин Д., цит. соч., с. 290.

роваться в советской прессе под скромным прикрытием старой народовольческой завесы. И эти вещи пишутся, а главное печатаются в наиболее ответственный момент, когда мы ведем борьбу за ликвидацию кулачества как класса. Этот период борьбы требует от нас особой четкости тактики и теоретической глубины. Автор стремится переписать на эсеровский лад историю народовольчества. Для этого он берет Тихомирова и Михайловского как антиподов народовольческой журналистики, и довольно кропотливо доказывает, что Тихомиров до своего падения отнюдь не являлся той самостоятельной революционной величиной, которая общеизвестна по литературе «Народной Воли», а просто находился на поводу у других.

«С этой идеализацией Тихомирова даже крупными деятелями той эпохи исторической критике давно пора покончить»[16]. В самом деле, к чему оставлять эти якобинские погремушки народовольцам? И почему путем очень отдаленных сходств или не совсем ясных невооруженному глазу расхождений не приписать многих статей Тихомирова другим авторам? Явная цель автора показать, что Тихомиров «не мог быть головой организации, а мог быть только ее литературным рупором, что конечно далеко не одно и то же. Головой организации мог быть только тот, кто был способен к инициативе и самостоятельности политического мышления, но как раз эти качества, судя по той же характеристике Фроленко, и отсутствовали у Тихомирова»[17]. Неважно, что несколькими строками выше автор приводит слова Фроленко, который называет Тихомирова головой организации. Д. Кузьмин стремится доказать, что Тихомиров не способен к самостоятельному мышлению, что он — рупор эпохи, партии, что он только умел «печатно или письменно говорить за других»[18]. И этими словесными упражнениями автор хочет умалить значение и влияние Тихомирова и соответственно те тенденции, которые он вносил в партию «Народной Воли». Все у Тихомирова не оригинально, все списано у Михайловского. Центральной фигурой всей журналистики, а следовательно и партии «Народной Воли» является Михайловский. У него ум, талант, политический горизонт, свежесть мыслей. Он затмевает всех, он рулевой. И все статьи Тихомирова при внимательном изучении их автором оказались «написанными под несомненным и большим влиянием Михайловского. Порою они представляют почти дословную... передачу или перифразу его взглядов, хорошо всем известных по его сочинениям»[19]. И далее Д. Кузьмин предлагает брать Михайловского в свете строго научной объективной критики и делает выпад против его комментаторов и учеников. Он приводит ряд смехотворных доводов в пользу своих мыслей и совершенно не смущается тем, что даты написания статей Тихомирова и Михайловского, по его собственным словам, не сходятся. Автор объясняет это заимствованием из ранних статей Михайловского или тем, что «могло иметь место еще большее воздействие—путем личного общения»[20]. Мы думаем, что все это с научной стороны, попросту говоря, вздор. Но этот вздор нужен автору для того, чтобы опровергнуть мнение А. П. Корбы, именно, что Михайловский был любителем в революционной работе, а не настоящим революционером и что всей деятельностью Тихомирова руководили А. Д. Михайлов и Н. К. Михайловский. «На них и ложится главная тяжесть политической и редакционной ответственности за «Народную Волю», как газету и как партию»[21]. Михайлов здесь привлечен для декорации, а основное — в Н. К. Михайловском, ибо он, а не кто иной, с огромным напряжением своих творческих сил, ведет интенсивную работу, включая нелегальную деятельность, и «фиксирует на себе внимание почти всей русской политической литературы как легальной, так — в качестве автора «политических писем» — в значительной степени и нелегальной»[22]. Словом Михайловский — центр всей общественной мысли и революционной деятельности. К чему же вся эта словесная шелуха, вся полемика и сравнение двух деятелей «Народной Воли», борьба за наследство, борьба за или против того пути, которым идет наша революция. Ведь мы «переживаем теперь такое время, когда вообще приходится делать ряд переоценок и на многие факты старого времени у нас устанавливается иной взгляд чем тот, который был у современников[23].

Мы согласны с тем, что переоценка нужна и что мы не можем теперь разделять взглядов современников «Народной Воли», но опять же разные современники бывают. Автору для определенной цели понадобилось идеализировать Михайловского, к сущим пустякам свести все якобинство «Народной Воли», утверждать, что писал-то основную статью в № 8—9 «Народной Воли», определявшую якобинское настроение, Лебедев, который был далек от радикальных народовольцев, да и написал-то он ее под влиянием Ошаниной-Полонской. Вообще эта статья — эпизод, а не программа, не направление, Тихомиров списывал у Михайловского, а Михайловского никто никогда ни в каком якобинстве обвинить не вздумает.

Выходит, что левый журналист учился и списывал у самого правого из правых народников — Михайловского, значит в «Народной Воле» было одно единственное направление — либерального народничества.

Д. Кузьмин стремится причесать всю «Народную Волю» под Михайловского и снова воскресить взгляды В. Я. Богучарского, реставрировать либеральные идейки.

Стороннику «социалистического» Учредительного собрания вполне логично вести свою родословную от либерального народничества.

---

[16] Кузьмин Д., цит. соч. с. 57.
[17] Там же, с. 76.
[18] Там же, с. 97.
[19] Там же, с. 79.
[20] Там же, с. 83.
[21] Там же, с. 98.
[22] Там же, с. 73.
[23] Там же, с. 70.

Идейные потомки Михайловского в наше время находятся в лагере контрреволюции. Книга Дм. Кузьмина есть ответ эсеровщины на итоги нашей дискуссии о «Народной Воле».

П. Анатольев

П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. Изд. Комакадемии, 1930, 508 с. [1].

Книга т. Горина, вышедшая 2-м изданием, заслуживает изучения и большого внимания. Книга представляет собой серьезное монографическое исследование, построенное преимущественно на архивном материале (арх. б. Деп. полиции, Петербургского губ. жандармского упр., Моск. ген.-губ. и др.), автором также критически использованы значительная литература о советах и ряд литературных памятников.

Работа т. Горина ставит своей задачей выяснить: происхождение, характер деятельности, распространение, роль Советов и их положение в связи с конкретной классовой ситуацией, сложившейся в высшую стадию революции 1905 г. — октябрь — декабрь. Раскрытие роли и значения Советов т. Горин ставит в связь с движущими силами революции в их конкретном сплетении на разных этапах рассматриваемого периода. Определяя характер революции как революции буржуазной (с. 78), т. Горин выступает против меньшевистского и троцкистского понимания революции, основанного на неверии в силы пролетариата и отрицании роли крестьянства как союзника пролетариата в борьбе за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Приведем одну из многих цитат, где оцениваются меньшевизм и Троцкий. Тов. Горин пишет:

«Если меньшевики в чистом виде из такой недооценки сил пролетариата и отрицания возможности сотрудничества пролетариата и крестьянства бесцеремонно признавали гегемонию буржуазии, то подновленный меньшевизм в формулировке Троцкого, по существу, повторял то же самое, скромно укрываясь в защите своих позиций под сенью необходимости одновременной мировой революции и той же недооценки союзников пролетариата внутри страны» (с. 84, ср. также с. 81 и 85).

Характеризуя революцию 1905 г., т. Горин исходит из ленинского понимания революции 1905 г., как «двух социальных войн», увязывает с проблемой перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. «Может ли, — спрашивает Горин, — предстоящая революция ограничиться завоеваниями свобод для буржуазии, уничтожив самодержавие, остатки крепостничества, полицейщину, и ограничиться созданием более благоприятных предпосылок для развития капитализма? В этом смысле Ленин выступает самым решительным врагом меньшевизма, оценивающего исход русской революции как завершение буржуазных правопорядков» (с. 78—80).

Защищая ленинское понимание перерастания, т. Горин главным образом полемизирует с Троцким, с троцкистской теорией «перманентной революции», он исходит при этом из анализа роли и поведения пролетариата как гегемона и вождя в этой революции, ведущего за собой крестьянство и разоблачающего трусливо-холопское и, наконец, контрреволюционное поведение либеральной буржуазии (с. 78—84, 231, 238—239, 344 и др.).

Характеристику движущих сил революции, поведение и роль отдельных классов Горин раскрывает на конкретном анализе Советов рабочих депутатов. Выбор самой темы нельзя не приветствовать, так как правильное понимание Советов, органически связанных с высшим, кульминационным пунктом революции, вплотную подводит к правильному объяснению и уяснению характера революции в целом. Ленин неоднократно, особенно после поражения декабрьского восстания, настойчиво предлагал изучать «октябрьско-декабрьские формы борьбы» и роль Советов. Анализ этих форм приводил Ленина к убеждению, что опыт непосредственной борьбы масс в октябре—декабре целиком и полностью подтвердил правильность большевистской тактики и прогнозов III съезда и блестяще оправдал бойкот булыгинской думы и ставку на вооруженное восстание, создающее победоносное Временное революционное правительство. Советы как органы, становящиеся организаторами вооруженного восстания, должны привлекать особое внимание при изучении форм борьбы в наивысшей фазе революции. Победа 1917 года, базировавшаяся на опыте 1905 года, наилучшим образом показала, насколько правильны были внимание к Советам и высокая их оценка Лениным и большевиками в 1905—1906 гг. Изучение этой проблемы Советов в 1905 году имеет и актуально-политическое значение, поскольку проблема Советов возникает в таких революциях, как китайская 1925—1927 гг., где именно по этому вопросу были совершены серьезнейшие ошибки троцкистской оппозицией, а также тогдашними правыми в китайской компартии (Чен Ду-сю) [2].

В книге т. Горина роль и значение Советов изучаются именно с точки зрения анализа форм революционной борьбы, и Советы обрисованы, исходя из ленинских оценок и в противовес меньшевистской трактовке, стремившейся изобразить Советы как «революционные "самоуправления», стачечные комитеты и

[1] От редакции. В связи с широкой дискуссией, развернувшейся в литературе, освещающей историю революции 1905 года, коллективом научных работников и аспирантов Института истории Комакадемии была выделена бригада для тщательного критического просмотра основной литературы, вышедшей к 25-летию первой революции. Помещая в настоящем томе отзыв бригады о книге т. Горина «Очерки по истории Советов Р. Д. в 1905 году», редакция в дальнейшем предполагает дать отзывы и о других изданиях, вышедших к 25-летию 1905 года.

[2] Ср. также ошибки Троцкого и колебания Зиновьева по вопросу о советах в Германии в 1923 г.

широкие рабочие организации — предтечи аксельродовской широкой рабочей партии. Тов. Горин пишет: «Советы РД являются революционной организацией, возникающей только в период, когда пролетариат является гегемоном революционного движения, и следовательно Совет РД есть орган борьбы пролетарских масс как гегемона революции, и под его руководством протекает борьба крестьянства, мелких служащих и т. п.» (с. 22). Вместе с тем т. Горин показывает неправильность «левой» точки зрения Богданова и др., сектантски подходивших к роли Советов (с. 95).

Анализируя работу Советов, в особенности Петербургского, т. Горин выпукло очерчивает ведущую роль пролетариата, отношение большевиков к Советам и диалектическое превращение Советов в организаторов вооруженных выступлений масс. Материал, привлеченный т. Гориным, подтверждает тезис Ленина об «организации революции». Отмечая роль Петербургского совета, автор указывает и на его ошибки, в частности выясняет роль Троцкого как саботажника вооруженного восстания.

Большой материал для характеристики гегемонии пролетариата привлечен рассмотрением провинциальных Советов. Иногородным Советам уделено очень большое внимание, и их изучение дает в освещении т. Горина наглядную картину связи массового движения с Советами на почве перехода от стачки к восстаниям. В книге т. Горина встает перед нами и картина ошибок, явившихся следствием неправильной тактической линии оппортунистического руководства Советами и той ситуации, которая сложилась в результате неизбежных поражений при столкновении неравных сил.

Эта часть книги представляет большую ценность, так как в ней мы имеем достаточно полную картину развития советского движения.

Книга т. Горина представляет собой второе издание этой работы, впервые вышедшей в свет в первой половине 1925 г. По сравнению с первым изданием сделаны большие дополнения во введении и в главах: IV — раздел «Возникновение иногородных советов» (по второму изд. с. 261—342, по первому изданию с. 183—223), V—«Советы в восстании» (по второму изд. с. 371—472, по первому изд. с. 246—292), а так же в разделе: «Советы и профсоюзы» (по II изд. с. 176—182, в I изд. с. 123—124). Остальные дополнения крайне незначительны и по числу и по размерам. Изменения в книге также крайне немногочисленны. В этом смысле можно сказать, что второе издание д о п о л н е н о (в тех частях, о которых упоминалось выше), н о н е п е р е р а б о т а н о. С точки зрения общей установки отсутствие переработки не может быть поставлено в минус автору, но в отношении отдельных положений и формулировок отсутствие переработки является существенным недостатком книги.

Книга в своем I издании была заострена против меньшевизма и против Троцкого не только 1905—1908 гг., но и против их взглядов 1922—1925 гг. В книге своей т. Горин борется с меньшевистским и троцкистским пониманиями революции 1905 г. и в частности с их трактовкой Советов 1905 г. Неслучайно книга по своем выходе вызвала резкие нападки со стороны троцкистов.

В настоящее время в связи, с одной стороны, с завершением троцкизма в контрреволюционную систему взглядов, а с другой стороны, в связи с мощным развитием марксистско-ленинской теории, такая установка книги, вполне правильная для 1925 г., нуждается в ряде существенных дополнений и изменений, не говоря уже о безусловной необходимости исправить частью недостаточные, частью неправильные формулировки, имевшие место в первом издании.

Так, например, существеннейший раздел об оценке большевиками революции 1905 года дан без изменений. Поэтому формулировка: «Из непоследовательного и трусливого поведения русской буржуазии и вытекала для пролетариата необходимость самостоятельного и смелого осуществления задач революции, необходимость быть авангардом в борьбе за интересы всех революционных классов, толкать буржуазию на революционный путь, как писал Ленин, не безучастного отношения к революции, не предоставления руководства в ней буржуазии, а, напротив, самого энергичного участия, самой решительной борьбы за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца» (с. 81 по II изд., с. 49 по I изд.)—формулировка неправильная—осталась без изменений и в новом издании. Полемизируя с Троцким, автор оставляет также без изменений почти все характеристики и формулировки 1925 г. как в отношении позиции Троцкого в вопросе о движущих силах (с. 83, II изд. и с. 51, I изд.), так и в отношении связи этого вопроса с современностью (в II изд. с. 84, в I изд. с. 52). В одном месте т. Горин пишет: «Истории, однако, угодно было доказать, что хоть о д н о в р е м е н н о г о взрыва мировой социалистической революции не произошло, тем не менее в отдельных государствах, экономически влиятельных в мировом хозяйстве, захват власти пролетариатом и завоевание социалистических подступов вполне возможны. Даже под напором мировой капиталистической контрреволюции пролетариат укрепляет свои позиции и неуклонно идет по пути социалистических побед». Эта формулировка т. Горина «о завоевании социалистических подступов» (с. 84), перепечатанная без изменений из первого изд., будучи неправильной для 1925 года, является особенно политически в р е д н о й в обстановке вступления в период социализма. Эта формулировка тем не менее не дает никаких оснований для политических обвинений автора, так как она не вяжется с общим контекстом книги. Об этом свидетельствуют, между прочим, № 4 и 5 за 1931 г. «Рабочей Москвы», в которых т. Горин в специальной статье совершенно четко ставит вопрос о социализме.

Остались без всякого изменения все разделы и отдельные характеристики — о крестьянстве, о характере революции. Непозволительным недосмотром было оставить здесь отдельные нечеткие формулировки, противоречащие всей книге, как например, что меньшевики от-

ражали «недооценку пролетарского характера революции» (по II изд. с. 99, по I изд. с. 62).

Есть очень незначительные вставки в формулировке о крестьянстве (по II изд. с. 84, по I изд. с. 51), об ошибках большевиков (упоминается Богданов и др.) в то время, как в первом изд. об ошибках большевиков сказано глуше и без имен (второе изд. с. 92—94, по первому изд. с. 57—58), незначительная вставка в разделе о меньшевиках, об отношении киевских меньшевиков (II изд. с. 101), небольшая вставка описательного характера о связи стачки с вооруженным восстанием (II изд. с. 133—137). О разделе: «Совет и организация профсоюзов» говорилось выше. Небольшие вставки сделаны о народной милиции (II изд. с. 186). Добавлено о том, что Рожков поддерживал позицию Плеханова по отношению к московскому восстанию (II изд. с. 211), о понимании властями роли пролетариата как организатора масс (II изд. с. 233) и т. д.

Разбивка глав, старые заголовки и все литературное построение книги, оставшись неизмененными, не могут не породить известных недоразумений, главным образом в главе «Совет и мелкобуржуазные слои». Вся эта глава дана без всяких изменений, и только в одном месте развернут полнее эпизод с тверскими советами (II изд. с. 240—248, I изд., с. 172—173)[3]. Зато большие дополнения внесены в самую историю Советов, главным образом, провинциальных, по вопросу об их возникновении и отношении к восстанию. Внесенными дополнениями о работе провинциальных Советов т. Горин воссоздает широкую картину деятельности Советов, дает выпуклый очерк истории всех Советов в 1905 г.

Кроме указанных выше можно представить еще некоторые возражения автору книги по существу. Говоря о родословной Советов и правильно борясь с меньшевистским пониманием Советов, как только стачечных комитетов, настаивая на необходимости признать качественное изменение массовых организаций рабочих при перерастании их в Советы, т. Горин делает такое примечание (его нет в первом изд.) на с. 233:

«Объектом нашего изучения, — пишет Горин, — мы не берем боевые стачечные комитеты и др. организации, выполнявшие по существу в декабрьские дни роль Советов (Харьков, Люботин и др. места), так как изучаем организации, именовавшиеся Советами (разрядка наша—*Авт.*) и ставим своей задачей выяснить, что вкладывалось в это понятие непосредственно в 1905 г.».

Другое возражение относится к следующему методологическому положению: в ряде мест, анализируя определенную тенденцию, т. Горин превращает эту тенденцию в выступивший наружу факт. Для характеристики этих тенденций т. Горин прибегает к иллюстрации, между тем как привести отдельные факты еще не значит доказать определенное положение.

Так т. Горин пишет: «Рассматривая взаимоотношения Советов с многомиллионной крестьянской массой, следует признать, что в 1905 г. они (взаимоотношения) находились в эмбриональном состоянии. Здесь можно говорить не о взаимоотношениях, а о тенденциях, и поэтому отдельные факты в этой области приобретают огромное значение. Тенденция же определенная. Неуклонно Совет шел по пути руководства крестьянским движением» (с. 239) (подчеркнуто нами—*Авт.*)

Далее автор иллюстрирует это положение фактами из деятельности ряда Советов в Тверской губ. Во-первых, нельзя противопоставлять взаимоотношения и тенденции (см. подчеркнутое выше), во-вторых, «неуклонность» действий Советов в направлении руководства крестьянским движением подлежит известному ограничению. Необходимо рассмотреть гораздо более широкий материал о массовом движении и, конечно, избежать таких преувеличенных характеристик, как в данном вопросе, где именно и проявились только тенденции, верно схваченные т. Гориным.

Такое же преувеличение тенденций проявляется и в других местах, как например, в вопросе о возникновении Советов, о руководстве Советов большевиками и т. п.

Резюмируем: книга т. Горина исходит из ленинских оценок и не дает никаких оснований считать ее меньшевистской и троцкистской, как это кое-кто пытается сделать. Она наоборот дает ценный материал о советском движении 1905 г., широкую картину деятельности Советов, дает в основном ленинскую оценку Советов как органов вооруженного восстания и зачатков власти.

Основным недостатком книги является механическая перепечатка ряда страниц, со всеми заключавшимися в них ошибками, в результате чего в анализе ряда положений наряду с правильной постановкой вопроса, данной т. Гориным, имеется ряд неверных, неленинских формулировок. Издание литературы о Советах является назревшей и вполне актуальной задачей, но книга т. Горина в настоящем ее виде требует радикальной переработки. Институт истории при Комакадемии, издав книгу т. Горина, допустил ошибку, не пересмотрев ее.

Автор при переработке книги к III изданию должен учесть все указания большевистской критики.

[3] Автор очень редко делает даже стилистические изменения. Так на с. 175 (в I изд. с. 122) пишет, что корни неудачи революции лежат «в отсутствии общероссийского руководства революцией, чему немало помешало царское правительство». Ясно, что не помешало, а способствовало. Затем, в I издании в текст вставлен ряд цитат и словечек Троцкого, иногда без упоминания автора, во II издании все это должно было быть исправлено, но осталось в неприкосновенности. Это, конечно, досадная ошибка.

ХРОНИКА

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ» ЗА ПЯТЬ ЛЕТ (1926—1930 гг.)

В настоящей короткой заметке редакция не пытается дать читателям сколько-нибудь полную оценку роли нашего журнала в научной жизни СССР, его участия в социалистическом строительстве и классовой борьбе на идеологическом фронте. Все же и предлагаемая статистическая сводка, и сухой перечень проблем, разработке которых открыл свои страницы «Историк-марксист», достаточно характеризуют место нашего журнала в борьбе, которую ведет ленинизм с классовыми врагами пролетарской революции и с идейными шатаниями в нашей собственной среде. Обострение классовой борьбы в СССР и во всем мире за последние годы отразилось и на страницах «Историка-марксиста», еще более переместив центр тяжести в сторону разработки методологических проблем и изучения наиболее актуальных тем эпохи империализма и пролетарских революций.

Прилагаемая таблица в общих чертах характеризует путь «Историка-марксиста» за истекшие пять лет, путь его становления боевым органом марксизма-ленинизма:

Год	Число книжек	Общий листаж	Статьи и доклады содержания			Из конкретно исторических статей относятся к		
			Методологического и историографического	Конкретно исторического	Методического (препод. истор.)	Докапиталистическим формациям	Промышленному капитализму	Империализму и пролетарской революции
			(В процентах)					
1926 . .	2	38,5	15	70	15	0	50	50
1927 . .	4	72,0	24	54	22	13	39	48
1928 . .	4	68,5	54	32	14	11	38	56
1929 . .	4	70,5	39	50	11	0	36	64
1930 . .	6	59,0	50	50	0	9	25	66
	20	249,5	36,4	51,2	12,4	6,6	36,6	56,8

Назовем несколько проблем, получивших наиболее полное освещение в нашем журнале; разработка их в ряде отдельных статей или в порядке дискуссий в Обществе позволяет сделать более или менее законченные выводы и включить полученные результаты в железный инвентарь марксистской исторической науки.

Из области методологии истории сюда следует отнести следующие важнейшие работы:

1. В свете изучения ленинского теоретического наследства были поставлены такие проблемы, как теория неравномерного развития капитализма, вопросы русского и международного революционного движения, стратегии и тактики революции (политическая стачка, вооруженное восстание), внешней политики империализма и мн. др. В некоторых вопросах (например о характере русского утопического социализма) благодаря публикациям «Историка-марксиста» среди историков-марксистов было достигнуто необходимое единство взглядов на почве ленинизма. Такая установка «Историка-марксиста» делает его активным борцом с буржуазными, социал-демократическими, правооппортунистическими, (механистическими) и троцкистскими тенденциями в истории.

2. Предметом деятельной разработки и критики являлась для «Историка-марксиста» буржуазная и мелкобуржуазная историография России и Запада. В ряде специальных работ дано классовое освещение важнейших исторических и методологических концепций, открыто враждебных марксизму-ленинизму или ревизующих его.

3. Специальное внимание было уделено критике допшианства и риккертианства, особенно в лице русских представителей этих направлений (Петрушевский и его школа).

4. На почве критики механистической концепции исторического процесса (Дубровского и др.) была развернута большая работа в области теории формаций (в частности докапиталистических).

5. В последний год в связи с ростом сопротивления кулачества и остатков буржуазии, ищущих опоры, между прочим, в национал-шовинистических настроениях, журнал, хотя и с запозданием, усилил борьбу с великодержавным и национальным шовинизмом в буржуазной и марксистской историографии.

В области конкретной истории «Историк-марксист» больше всего внимания уделил следующим темам:

1. Советский Восток и национальная проблема. Колониальная политика самодержавия. Национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах.

2. Октябрьская революция и критика троцкистского понимания Октября.

3. Первый этап организации советской власти и социалистического хозяйства. Советы, комбеды, национализация промышленности.

4. Гражданская война и интервенция.

5. Внешняя политика империализма в XIX и XX вв. Мировая война (в частности подготовка войны и вступление в нее отдельных государств).

6. Финансовый капитал в России. Его структура и связь с внешней политикой, критика троцкистско-меньшевистского отрицания неравномерности капиталистического развития.

7. 1905 год. Критика теории перманентной революции. Всеобщая забастовка и вооруженное восстание. Аграрное движение.

8. «Народная Воля» и рабочее движение 70-х и 80-х годов. Классовая природа народовольчества. Критика неонароднической трактовки «Народной Воли» (Теодоровича, Мицкевича и др.).

9. Чернышевский. Отношение учения Чернышевского к утопическому социализму и марксизму. Установление ленинского понимания вопроса, критика Стеклова и др.

10. Основные проблемы I, II и III Интернационалов. Коммунисты 1848 г., Бланки, Бакунин, германская социал-демократия, вопросы о центризме во II Интернационале, образование Коминтерна, борьба с бухаринской группой.

11. Некоторые проблемы Парижской Коммуны (военная организация и пр.).

12. Французская революция. Социально-экономические отношения эпохи революции. Промышленный переворот и расслоение крестьянства. Вопрос о рабочих социалистических течениях в революции.

В области преподавания истории «Историк-марксист» высказывался по вопросам о месте истории в системе народного образования СССР, о методике преподавания, учебной литературе и пр. и боролся с мелкобуржуазными извращениями в постановке преподавания обществоведения в советской школе.

Борьба за марксистско-ленинскую методологию, которую «Историк-марксист» вел всем фронтом против явных и скрытых врагов пролетарской диктатуры и его идеологии, составила заметный вклад в социалистическое строительство СССР. Но некоторым отдельным выступлениям журнала следует в этом отношении выделить особо значительное место. Сюда относятся:

1. Борьба с противниками национальной политики советской власти, с представителями великодержавного и национального шовинизма (разоблачение Яворского, буржуазных великорусских историков и пр.).

2. Критика бухаринско-богдановской (механистической) методологии. Борьба с буржуазными и мелкобуржуазными историческими концепциями, в том числе с теми «неонародническими» взглядами, которые отражают в области идеологии политическое давление кулачества. Борьба с формально-догматическими, идеалистическими, троцкистскими концепциями.

3. Разоблачение антантофильских и интервенционистских историков (Тарле, Платонов и др.) и контрреволюционных тенденций в послеоктябрьской исторической литературе СССР.

4. Выявление и критика ряда «попутчиков» марксизма, обнаруживших свою классовую сущность в момент обострения классовой борьбы.

5. Разоблачение буржуазных военных историков (Свечин).

6. Изучение подготовки империалистической войны, приемов империалистической дипломатии и военных штабов. Изучение интервенции.

7. Изучение Советского Востока и освободительных движений в национальных областях, а также постановка ряда проблем колониальных революций.

К числу недостатков журнала нужно отнести: недостаточное внимание к проблемам послевоенного капитализма, ослабление внимания за последний год к вопросам преподавания истории, запоздалый отклик на некоторые актуальные проблемы и крайне неаккуратный выход №№ журнала, в значительной степени из-за технических неполадок издательства. В связи с переходом в Огиз будет обеспечен аккуратный выход «Историка-марксиста».

О РАБОТЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ В ПРОВИНЦИИ

Это сообщение посвящено работе отделений Общества историков-марксистов на местах. Если в прошлые годы основной контингент историков-марксистов был сосредоточен в Москве, и только очень незначительная группа, насчитывавшая десятки лиц, работала в провинции, то в 1930/31 учебном году мы видим резко изменившуюся картину. Хотя в Москве и числится свыше 500 историков, включая слушателей ИКП и аспирантуру разных институтов, но и в местных отделениях мы имеем до 300 членов Общества. Почти все они преподаватели вузов, комвузов или совпартшкол.

Возможность организации отделений и сплочения историков-марксистов в единый коллектив мы получили только в последние два года, когда значительные группы окончивших ИКП и Институт истории Комакадемии были направлены на места. Эти товарищи стали ядром, вокруг которого организуются местные историки и начинается систематическая работа.

Отделения начали борьбу с лжемарксистами и представителями буржуазной историографии, которые окопались в местных вузах, преподавая подчас даже в комвузах и совпартшколах

Вместе с тем встала задача поднять уровень местных кадров.

От первой ступени организации своих сил — ориентировки в местных условиях — отделения переходят к постановке проблем методологического порядка, которые дискутируются в Москве и Ленинграде, одновременно занимаясь изучением местной истории.

В обстановке развернутого социалистического наступления классовые враги оказывают бе-

шенное сопротивление на нашем участке фронта. В каждом городе — а особенно в краеведческих организациях — находятся последователи Платонова, Тарле и Петрушевского, которые нерушимо чтут традиции своих учителей и вредят на идеологическом фронте. Отделения правильно наметили борьбу с засильем этих «историков» в краеведческих организациях и вузах. Еще в большей мере приходится быть бдительным нашим отделениям в национальных республиках, где великодержавники и национал-шовинисты, прикрываясь марксистским плащом, всемерно стремятся протащить разного рода кулацкие и националистические идеи.

В центре внимания отделений стоит таким образом изучение истории края, республики, борьбы рабочего класса и самый процесс формирования национального пролетариата. Широкая историческая пропаганда этих проблем является одной из неотложных задач отделений.

Наши отделения занимаются не только популяризацией, но и разработкой ленинского исторического наследства. Вероятно нынешний год уже даст ряд работ с ленинской концепцией русского исторического процесса, верным отражением которой являются труды М. Н. Покровского.

В своем докладе от 19/III 1930 г. «Очередные задачи историков-марксистов» М. Н. Покровский говорил, что «мы должны поставить вопрос о задачах исторической науки в наш реконструктивный период не в пределах одной Москвы и не в пределах только РСФСР, а мобилизовать вокруг обсуждения этого вопроса внимание всех историков-марксистов СССР». И действительно, вместе с подготовкой в секретариате Общества ряда материалов к тезисам о положении на историческом фронте, мы и на местах имеем предварительное обсуждение этого вопроса и уже вынесенные резолюции.

Отделения в своих планах должны защищать генеральную линию нашей партии и ее ленинского ЦК в борьбе на два фронта против правого оппортунизма, великодержавного шовинизма, националистических устремлений и «левачества», а также примиренческих настроений к уклонам. Позиция Общества и отделений должна быть ясна и четка. Эту позицию М. Н. Покровский в той же отчетной речи, говоря о дискуссии с т. Теодоровичем, характеризовал так: «Повторяю, участником этой дискуссии я не был, мне приходится стать им только потому, что обязанность всякого — высказаться в таком споре. Тут нельзя молчать и нельзя соблюдать нейтралитет. Очень жалко обижать старого почтенного товарища, но раз этот старый почтенный товарищ выступает в качестве представителя определенной идеологии, он не должен обижаться, что удары, которые наносятся этой идеологии, попадают по нем, попадают по авторам, которые не умеют или не желают отмежеваться от народнической идеологии.

В момент, когда рабочий класс пополняется кадрами, которые следует основательно переваривать в котле классовой идеологии пролетариата и напряженной классовой борьбы, более чем важно зорко следить за чистотой маркс-ленинской идеологии. Сентиментальностей и криков об обиде и зажиме тут не приходится опасаться, хотя их вероятно будет более чем достаточно. Оппортунистические элементы в нашей партии постараются через разные щели пролезть со своей антипартийной идеологией».

От этих замечаний об общей установке перейдем к иллюстрации намеченной линии планами работ отделений. Мы не печатаем плана работ секций Общества в Москве, ибо не все планы рассмотрены и утверждены советом Общества. Секретариат разослал отделениям для предварительного ознакомления план секций и предполагает этот план после дополнения докладами местных отделений, включения ряда моментов плана их работ, а также окончательного утверждения отпечатать отдельной брошюрой, добавив тезисы о положении на историческом фронте, дав обзор пройденному этапу борьбы и наметив наши очередные задачи.

В настоящее время отделения Общества существуют в следующих городах и нацреспубликах: 1) Архангельск, 2) Баку, 3) Воронеж, 4) Вятка, 5) Иркутск, 6) Иваново-Вознесенск, 7) Казань, 8) Ленинград, 8) Минск, 10) Нижний-Новгород, 11) Новосибирск, 12) Пермь, 13) Северокавказское — Ростов, 14) Саратов, 15) Самара, 16) Свердловск, 17) Симферополь, 18) Смоленск, 19) Ташкент, 20) Тифлис, 21) Ярославль. В список не включено украинское общество, ибо до сих пор существовала только информационная связь с украинским советом общества. Надо надеяться, что в ближайшее время создастся официально тот всесоюзный центр, который формально уже существует, и историки-марксисты-украинцы не будут находиться на отлете, как это было до сих пор. В какой мере от этого страдала марксистская историческая наука, видно по тому, каким цветом расцвела яворщина, а вслед за ней теории тт. Свидзинского, Сухино-Сухоменко, не говоря уже о том, что буржуазные историки-украинцы, если не возрастают числом, то все же ежегодно выбрасывают значительную продукцию.

Не все отделения, конечно, равноценны и одинаково интенсивно проводят свою работу. Большинство отделений совсем недавно сорганизовалось. Многие из числившихся на бумаге только ожили и начали функционировать. Общество уделило много внимания организации отделений. Мы обращались в культпропы, истпарты партийных комитетов, кафедры комвузов, вузов, к отдельным историкам, и только после длительной атаки и концентрированного наступления, потоком беспрерывных писем и указаний, мы добились организации отделений. Ныне они работают хорошо, но бывали и курьезы. Один из культпропов на наши запросы ответил: «В данное время нет возможности заняться организацией отделения Всесоюзного общества историков-марксистов, так как идет работа по организации подготовительн. отдел. ИКП. С окончанием этой работы (не раньше как в ноябре) приступим к организации указанного общества, о чем и сообщим вам дополнительно».

Мы не удовлетворились этим ответом и, составив список с адресами всех членов общества

данного города, предложили им собраться и организовать отделение. Это подействовало, и к концу октября мы имели уже сконструированный совет отделения с планом работы.

Уже в настоящее время отделения, как и секции совета в Москве, обрастают ячейками содействия в вузах, исторических учреждениях и на фабриках. Всей их деятельностью руководит комиссия по массовой работе. Эта же комиссия переносит ряд докладов в районы и крупные заводские города.

Северокавказское отделение

Начнем рассмотрение работы с Северокавказского отделения, которое существует 3-й год и выросло из незначительного кружка. Сейчас отделение насчитывает до 50 членов Общества и пополняется аспирантурой местного Института марксизма-ленинизма. Отделение, развернув широкую работу в Ростове н/Дону, до сих пор не охватило районов, не посылало своих представителей на места и не имеет ячеек содействия или корреспондентских пунктов в ряде городов, совхозов и колхозов края. В значительной мере это объясняется педагогической перегрузкой историков административной работой и бесконечным количеством заданий и поручений партийных организаций. Это не дает возможности планомерно вести научно-исследовательскую работу. И все же при огромном напряжении сил, товарищи заканчивают начатые ими в продолжение учобы работы, самостоятельно намечают ряд новых проблем по изучению вопросов края, сплачивают местных историков и готовят к печати ряд сборников.

Приводим список докладов по секциям.

I. Секция истории народов СССР ВКП(б) в партстроительстве. 1) Жуков — Ленский расстрел, 2) Семернин и Зеленский — 1905 г. в Шахтинском районе, 3) Лиманский — Основные моменты истории ВКП(б) на Сев. Кавказе, 4) Сидякин — Партстроительство в районах сплошной коллективизации, 5) Соловьев — К методологии изучения крестьянских войн.

II. Секция гражданской войны: 1) Борисенко — Из истории гражд. войны на Сев. Кавказе, 2) Лихницкий — Причины гибели советских республик на Сев. Кавказе в 1918 г.

III. Секция истории горских народностей: 1) Буркин — Историография горских народностей, 2) Покровский — Государство Шамиля, 3) Лихницкий — Колониальная проблема в истории горских народностей, 4) Лещенко — Проблема изучения адыгейской истории, 5) Доклады горского и национальных научно-исследовательских институтов.

IV. Секция по аграрному вопросу: 1) Янчевский — Аграрные отношения на Дону до 1917 года, 2) Дорофеев — Аграрный вопрос у германской социал-демократии.

V. Методическая секция: 1) Иванов — Художественная литература в преподавании истории.

Доклады на открытых собраниях отделения Общества: 1) Кононенко — Левые коммунисты в Ростове, 2) Гиндин — «Искра» и подготовка второго съезда партии, 3) Козырев — Борьба на два фронта в истории большевизма, 4) Лесник — Из истории партии на Северном Кавказе, 5) Сидякин — Партработа в подполье (1903—1912 гг.), 6) Гиндин — Ленинская диалектика и борьба партии с троцкистским и бухаринским непониманием этой диалектики, 7) Ваненко — Агитационно-пропагандистская работа Донкома РСДРП в 1905 году, 8) Борисенко — Красная армия на Сев. Кавказе в 1918 г., 9) Бойков «Партия народного права», 10) Лесник — Взаимосвязь немецкой социал-демократии и русского марксизма в 80—90-х гг., 11) Писарев — Аграрный капитализм на Сев. Кавказе, 12) Вебер—Рабовладение на С. К., 13) Янчевский — Столыпинщина на Дону.

Кроме этих докладов, Секцией по истории ВКП(б), ленинизму и партстроительству намечены доклады: 1) Перестройка партработы в колхозах (Сидякина), 2) Партстроительство как предмет проподавания в комвузе и 3) Опыт перестройки партработы в городе.

Большая часть этих докладов переносится в стены вузов, комвузов и заводов. Некоторые ставятся на открытых собраниях Общества, которые в свою очередь отделение стремится проводить непосредственно на предприятиях.

Отделение ставит задачей изучение старейших предприятий Ростова и края, а также поднятие на научную высоту разрабатываемой истории революционного движения края и истор. отдела краевой энциклопедии, который редактируется Обществом.

По издательской же работе отделение готовит к выпуску: 1) Юбилейный сборник по 1905 г. 3 тома, 2) Материалы по аграрному вопросу на Дону — Янчевского, 3) Сборник по истории докапиталистических формаций, 4) Сборник материалов консульских архивов, 5) Популярную брошюру «1905 г. на Северном Кавказе».

Для издания юбилейных сборников по 1905 г. подготовлены в начале ноября вводные статьи.

Но научно-исследовательская работа не должна заполонять научно-популярной, и поэтому отделение решилось поставить на широких рабочих собраниях, а также на собраниях учителей и пропагандистов следующие научно-популярные доклады: 1) Итоги дискуссии о «Народной Воле», 2) Итоги дискуссии об общественно-экономических формациях, 3) Значение революции 1905 г., 4) Революция 1905 г. на Северном Кавказе, 5) Положение на историческом фронте. С некоторыми из этих докладов намечено послать ростовских членов Общества в другие города края.

На крупнейших предприятиях Востока (Сельмашстрой, мастерские им. Микояна) проведен небольшой цикл лекций по ленинизму, истории ВКП(б), истории рабочего движения на Западе в эпоху империализма и по истории национально-колониального движения.

Из других работ отметим методическую работу и систематическую связь с учителями-обществоведами. Это крайне ценное начинание, которое следует всемерно развивать и укреплять.

По полученным в секретариате Общества сведениям Северокавказское отделение весьма успешно провело юбилейную кампанию, посвященную 1905 году. Было сделано 13 массо-

вых и 3 научных доклада, напечатаны две журнальных статьи и одна популярная брошюра, подготовлены к печати четыре сборника материалов о 1905 г.

Оценка работы отделения президиумом Общества

Президиум совета Общества заслушал в ноябре 1930 года доклад т. Бойкова о Северо-Кавказском отделении и признал его работу удовлетворительной, вместе с тем наметив ряд практических мероприятий:

1) Внести в план работ несколько тем, связанных с современностью.

2) Ввиду того, что план является обширным, следует наметить ударные проблемы на 1930/31 учебный год, как-то: история пролетариата края в форме монографического изучения отдельных предприятий, интервенции и гражданской войны на Северном Кавказе и концентрации работы вокруг энциклопедии.

3) Президиум обращает внимание отделения на усиление организационной работы и на расширение деятельности отделения в районных городах края, организовывая также ячейки в промышленных центрах и предприятиях края, добившись фактического превращения в краевой центр.

4) Считаясь с тем, что Северный Кавказ является одним из крупнейших и важнейших центров совхозного строительства и сплошной коллективизации, — считать политически крайне важным связаться с колхозными университетами и рекомендовать выезд членов Общества в несколько совхозов и колхозов с историческими докладами.

5) Считать правильной установку отделения о расширении массовой работы и перенесении заседаний Общества в рабочие центры. Рекомендовать выезд членов Общества в районы шахт и крупнейших заводов.

6) Внести в план работ связь с социалистическим соревнованием с одним из отделений Общества.

7) Предварительный план конференции утвердить, перенеся конференцию на январь месяц.

8) Считать необходимым выезд на конференцию 2—3 членов совета с докладами.

9) Считать крайне необходимым установление внутренних 2-месячных (не считая обычного отпуска) командировок товарищей, работающих на местах. Отделению поставить этот вопрос перед крайкомом партии, а совету Общества поставить вопрос перед культпропом ЦК партии, объяснив крайнюю важность этих командировок для повышения теоретического уровня историков.

10) Считать необходимым по возможности организовать для местных товарищей 2-месячный повышенный семинар по вопросам методологии истории.

11) Считать крайне необходимым систематическое освещение в «Историке-марксисте» работы отделения Общества и напечатания ряда статей по вопросам историографии отдельных национальностей края. Совету отделения поручается привлечь членов Общества к участию в журналах Общества, а в частности, в журнале «Борьба классов».

12) Назначить следующий доклад отделения в совете после проведения краевой коференции.

Готовящаяся в 1931 г. краевая конференция должна будет подвести итоги и наметить дальнейшие пути развития и закрепления марксистско-ленинских взглядов среди историков края и всемерно расширить наши кадры. Надо только добиться, чтобы партийные организации дали реальную возможность осуществить как внутренние, так и заграничные командировки.

Новосибирское отделение

Отделение сорганизовалось в октябре 1930 г. С приездом окончивших Комакадемию т. Городиловой и Селезнева, с помощью старого члена Общества т. Вегмана (зав. истпартом), была рзвернута работа. Кое-какие традиции научной работы здесь имелись, они проложены были истпартом. Наши товарищи быстро сплотили вокруг себя все преподавательские силы и заняли довольно значительное место в партийной общественности, всемерно помогая культпропу в его повседневной работе. Надо признать, что секретариат Общества в значительной мере содействовал этой работе, своевременно снабжая отделения всеми тезисами и стенограммами читаемых в Москве докладов, а также информируя о всех мероприятиях совета Общества. Только благодаря настойчивости организаторов, несмотря на их загрузку на первых порах организационной работой, они сплотили историков рабфаков, совпартшкол, техникумов, создали ячейки содействия. Общество насчитывает в настоящее время 17 членов и 4 содействующих. Оно развернуло большую кампанию по 1905 г., направило 5 товарищей в районы, дало ряд статей в местных газетах, использовало радио в своей агитации. Вот тематика докладов по радио: 1) Манифест 17 октября 1905 г. и черносотенные погромы (т. Вегман), 2) Революции 1905 г. в оценке Ленина (т. Селезнев), 3) Декабрьское вооруженное восстание в 1905 г. в Красноярске (т. Ансон), 5) Сибирские большевики в революции 1905 г. (т. Вегман), 6) О карательных экспедициях (т. Вегман).

Еще более интересно и полно методология изучения революции 1905 г. и значительный краевой материал развернуты в общем плане кампании.

Отделение взяло правильную установку на разработку проблем коллективным порядком. Поэтому на первое время отделению в значительной мере придется вести научно-популяризаторскую работу. Отделение наметило следующий план по месяцам.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

I

В начале декабря 1929 г. я выступил в дискуссии о Переверзеве; это было время, когда переверзианство не только не было разбито, но наоборот встречало еще широкую поддержку со стороны многочисленных групп литературоведов. Это сказалось между прочим и в том, что мне, почти единственному из ораторов, председательствующий (т. Керженцев) не продлил времени и не дал потому возможности развернуть шире историческую критику переверзианства. Редакция сборника «Против механистического литературоведения», выпустившая печатный отчет о дискуссии (который фракция Рапп должна была квалифицировать в самых резких выражениях за полнейшее извращение прений), напечатала мою речь в настолько сокращенном, изуродованном и искаженном виде, что могла только навести врагов марксизма на мысль, что еще не перевелись у них тайные союзники.

Это обстоятельство побуждает меня просить редакцию напечатать мою речь полностью, чтобы предупредить возможность ее превратного толкования.

С коммунистическим приветом

И. Татаров

И. Татаров. Дискуссия на литературном фронте неотделима от тех споров, которые были в других областях знания. Такие же дискуссии происходили и у философов, и у экономистов, и у историков. Это, по существу, спор между механистами и диалектиками, между экономическим материализмом и революционным марксизмом. Те же самые вопросы были поставлены и здесь, и там. Те товарищи, которые помнят философскую дискуссию, могут сразу заметить, что споры идут по тому же направлению. Формулировки и защита основных положений у Переверзева сильно напоминают философские позиции Л. И. Аксельрод. Если мы попробуем всю методологическую позицию Переверзева проверить, то мы должны будем прежде всего обратиться к его конкретным литературным работам. Я попытаюсь это сделать в самых общих чертах для того, чтобы затем сделать упор на одном вопросе.

Прежде всего одно замечание. Надо сказать, что все работы Переверзева построены исключительно цельно. Это последовательная, логичная система взглядов. Переверзев 1912 года и Переверзев 1929 г. это один и тот же мыслитель, один и тот же литературный работник, у него позиция одна и та же. Конечно в этой позиции он многое подправил, к основному зданию пристроил флигелечки, но в основном характер здания остается один и тот же. Это надо иметь в виду, и в этом смысле те товарищи, которые ожидают в глубине души, что в заключительном слове Переверзев от чего-то будет радикально отказываться, глубоко ошибаются.

Теперь относительно самих построений Переверзева, хотя бы в его работе о Гоголе. Я хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. В чем центр спора? Центр спора во взаимоотношениях базиса и надстройки, объекта и субъекта, бытия и сознания. Как решает этот вопрос Переверзев, трактуя о творчестве Гоголя? Основа его построения заключается в том, что мы имеем два ряда образов, которые даны в известном единстве противоположностей. Один — это мелкопоместные дворяне плюс чиновники. Посмотрим социальное бытие этих мелкопоместных дворян и чиновников. Я должен прибегнуть к некоторым цитатам, потому что здесь т. Фохт подверг сомнению то, что написано черным по белому, то, что написано у Переверзева и что все читали. Разрешите прочесть одно место, которое является самым характерным для Переверзева, мысль, которую он повторяет всюду, от которой не отрекся и в своем содокладе, имевшем место несколько недель тому назад. Он говорит в характеристике гоголевских типов: «Они принадлежали к общественному классу, сделавшемуся социально-экономической ненужностью и в то же время сохранившему юридически значение первого сословия. Поместное дворянство, вызванное к жизни потребностями государственного строительства в эпоху натурального хозяйства, когда за отсутствием денег государство давало своим агентам в кормление землю и крепостных, сделалось совершенно ненужным с развитием менового хозяйства и денежного оборота» [1].

Ненужность дворянства, то, что дворянство — исторический хлам, это подчеркивает Переверзев каждый раз, причем подчеркивает это не только в отношении мелкопоместного дворянства, но и всего дворянства в целом. Класс помещиков есть исторический хлам — вот основная посылка Переверзева. Если это так, то позвольте спросить: стал ли этот класс когда-нибудь впоследствии социальной экономической необходимостью? Очевидно нет. Очевидно он все время продолжает быть таким историческим хламом, и совершенно естественно, что во всех работах учеников Переверзева раскрывается и продолжается мысль, высказанная их учителям. То, что государство здесь целиком и полностью сидит в каком-то безвоздушном пространстве, то, что оно никак не вытекает из социально-экономических отношений, то, что оно не является крепостническим государством, — это видно каждому. Что из этого вытекает? Беспалов брался утверждать, что у Переверзева есть классовая борьба. А что

[1] «Творчество Гоголя», изд. «Основа», 1928, с. 100.

является основным для понимания классовой борьбы поместного дворянства в эту эпоху? Не то ли, что этот класс был господствующим классом и был организован в государство. Когда вы ставите вопрос, что этого класса как организованного в государстве класса не было, то этим самым вы снимаете всю проблему классовой борьбы, которую вели крепостники-помещики.

Некоторые товарищи утверждают так: Переверзев не обязан хорошо знать русскую историю. Зонин и Беспалов говорили: что-то есть у Переверзева такое насчет дворянства, какая-то неточность. Дело здесь вовсе не в мелочах, а в том, что все понимание бытия у Переверзева построено на том, что дворянство есть класс ненужный. Верно это или неверно? Верно. Именно на этом зиждется все построение Переверзева. Теперь Беспалов приходит сюда и утверждает, что «там насчет дворянства не совсем точно, не совсем ясно». Дорогие товарищи, о чем идет речь? Речь идет о том, что Переверзев не понимает процесса классовой борьбы. Это характерная черта и Переверзева, и всех его учеников. Начинают изучение классовой борьбы с того, что указ о вольности дворянской превратил дворянство в ненужный придаток, меж тем жалованная грамота дворянства сняла указ о вольности дворянства. Как это произошло? В 1775 г. по свежим следам пугачевщины дворянство организуется так, чтобы больше пугачевщина не повторялась. Проводится знаменитая реформа о губерниях Екатерины II. Реформа была впоследствии подытожена, суммирована; все это, в том числе и указ, обобщено в жалованной грамоте, т. е. дворянское крепостническое государство сделало все возможное для того, чтобы парализовать самую малейшую попытку восстания крестьянства, какой бы то ни было подъем крестьянской массы. Дворянство организуется как класс в самой ожесточенной классовой борьбе. После этого вы говорите, что дворянство становится ненужностью, историческим хламом и т. д.

В работе о Гоголе основной посылкой у Переверзева служит следующее противопоставление. С одной стороны, мелкопоместный дворянин и чиновник, а с другой стороны — казак. Совершенно ясно, в чем тут дело. Для Гоголя тогда был вполне естественен «уход» в прежнюю свободную Малороссию, в свободную Украину, где он пытается романтизировать, идеализировать отношение между помещиком и свободным крестьянином, т. е. мы видим у него типично реакционную постановку вопроса. Под тяжестью этой реакционной постановки вопроса Гоголь сам погиб. Этого не понимает Переверзев. Для него дано два типа и два образа, потому что по его мысли Гоголь вертится в заколдованном кругу им же созданных образов, которые, как полагает Переверзев, фаталистически предопределены.

Посмотрите, как он ставит вопрос в работе о Достоевском. Тут уже некоторые товарищи начинают понимать, что дело обстоит не совсем ладно. Гоголь был давно, Достоевский ближе. То, что ближе, понятнее, тем более, что Переверзев и сам намекает, что это близко. Как обстоит дело с работой о Достоевском? Всем известна «классическая» постановка вопроса Переверзевым и всей его школой о том, что крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия, и революционно и реакционно. Речь идет о революционности мелкой буржуазии, которую мы наблюдаем во второй половине XIX века и в начале XX. Классическая постановка марксизма и ленинизма против оппортунизма заключается в том, что мы говорим: революционность мелкой буржуазии есть революционность крестьянского движения. Кого осмеивал Достоевский? Он осмеивал мелкобуржуазных революционеров, которых мы называем революционными народниками, которых Ленин называет представителями крестьянской революции, борцами крестьянской революции. Теперь разрешите указать, как смотрел Ленин на вопрос о реакционности мелкобуржуазной, т. е. крестьянской революции. Одну цитату я считаю необходимым прочесть, ибо она решающая в нашем споре, в нашем понимании классовой борьбы: «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т. е. меньшевизма, в наше время состоит в том, что он связан доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его (так было и с экономизмом и струвизмом). Мы боролись с народничеством как с неверной доктриной социализма. Меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически прогрессивное содержание народничества как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерального, помещичьего, капитализма «американского» против капитализма прусского. Отсюда их чудовищная идиотская ренегатская идея, что крестьянское д в и ж е н и е реакционно». А Гельфанд выходит и заявляет, что крестьянское движение в эпоху буржуазной революции было и реакционно, и революционно, а сейчас революционно. Если бы Гельфанд по сей день редактировал газету, то мы назвали бы его уклонистом, а сейчас он выступает как защитник марксизма в литературоведении. Вы конечно, т. Гельфанд, побежите теперь исправлять вашу стенограмму, но напрасно. Мысль я вашу записал, и она логически вытекала из вашей защиты Переверзева. Почему же товарищи, которые, казалось бы, имеют полное право называть себя ленинцами, почему они впадают в подобные явно меньшевистские ошибки? Потому, что они стоят обеими ногами на меньшевистской позиции, они во власти реформистской концепции. Переверзев говорил в своем докладе относительно инсинуации. Он не понял, о чем мы говорим. Конечно никто не думает, что он связан с «Социалистическим вестником». Если бы мы думали так, тогда разговор с ним был бы иной. Мы н е это говорим. Мы заявляем, что работы Переверзева представляют собою экономический материализм, что они представляют собой вульгаризацию марксизма. Разрешите теперь доказать, что на позиции вульгарного материализма стоят буквально все ученики Переверзева. Беспалов с этой трибуны заявил: «нет никакой школы Переверзева». Конечно ему никто не поверил, потому что он с этой же

трибуны всей своей речью подтвердил, что есть школа Переверзева. Разрешите еще напомнить ряд фактов. Когда впервые на Переверзева напал Горбачев, кто вместо Переверзева выступил на его защиту? Тов. Беспалов. Причем ни единого намека на критику Переверзева. После того, как начался ряд выступлений со стороны, извне, т. Беспалов выступает здесь с целым рядом оговорок, говорит о неверных формулировках. Гельфанд пытался сформулировать 4 пункта разногласий с Переверзевым. Как убого он сформулировал то, в чем он расходится с Переверзевым. Вы же настоящие «герои оговорочек»!

На самом деле мы имеем школу Переверзева, все участники которой объединены единой установкой, и этой установкой является вульгаризация марксизма; при этом все переверзевцы прекрасно сознают, что они составляют школу. В книге «Литературоведение», которая является не чем иным, как манифестом переверзевской школы, в этой книге, изданной в 1928 г., Беспалов заявляет: «Исходный пункт марксистской методологии — единство суб'екта и объекта (неоднократно развиваемый Плехановым и являющийся руководящим принципом в работах В. Ф. Переверзева) — дает основания для многих плодотворных исследований. С этой точки зрения «небокоптительство» (см. работу В. Ф. Переверзева о Гоголе) есть категория социального паразитизма общественной группы, утратившей свою производственно-активную роль в определенной производственной системе. А «двойничество» (см. Переверзев о Достоевском) — социальная категория мещанства, находящегося между «молотом и наковальней» (см. «Литературоведение», с. 25).

Тов. Беспалов, не думаете ли вы, что вам придется отмежеваться не только от Переверзева, но и от Троцкого? На эту тему, я думаю, мы будем еще говорить. Вы говорите только тогда, когда вас берут за шиворот и ставят на эту трибуну. (Аплодисменты). Отмежеваться на деле вы не хотите, делаете это из-под палки. Тов. Беспалов, шутки шутить изволите с такими вещами, как отмежевание. Таких вещей никто не пропустит.

Я хочу обратить внимание на то, что мы имеем во всех работах школы Переверзева совершенно организованный пересмотр русского исторического процесса. Что это значит? Это не значит, что товарищ не знает того или иного факта из русской истории. Речь идет о том, что пересматривается то, что установлено и разработано Лениным и в большой мере Покровским: наше вполне определенное понимание хода классовой борьбы, динамики классовой борьбы, доведенной до диктатуры пролетариата. Это есть ревизия марксизма и ленинизма. Об этом Авербах говорил здесь. Ту цитату, которую он приводил о том, что есть современный марксизм, надо зазубрить т. Беспалову на носу и понять ее. Что же получается в работах всех учеников школы Переверзева? Систематический пересмотр марксистской концепции исторического развития. Я утверждаю, что мы имеем определенную ревизию схемы Ленина и той исторической школы, которая в значительной мере связана с именем Покровского.

Я обращаю ваше внимание на некоторые выступления, как например на ренегатскую вылазку в № 5 «Литература и марксизм» Леушевой. Если называть борьбу с николаевской монархией, борьбу с крепостничеством реакционным протестом, то это ренегатство. Я сознательно употребляю это слово и могу иллюстрировать такое ренегатство еще на примере работы Фохта. Фохт говорит о том, что протест Лермонтова, протест группы, которая активно боролась с монархией Николая I, был реакционным; человек не понимает напр. того, что «уход» от действительности был ссылкой на Кавказ, что людей преследовали. (Смех). Я считаю, что ренегатской является постановка вопроса о том, что образ, данный Лермонтовым, реакционен, и считаю, что чудовищно ренегатской является идея, развитая Леушевой. (Переверзев с места: «Керенский тоже боролся с Николаем»). Керенский боролся с Николаем. (Смех). Но только, товарищи, которые не знают истории нашей революции, могут смеяться. Каждый, знающий борьбу нашей партии, позицию Ленина в отношении трудовиков, к которым принадлежал Керенский, вам скажет, что значит «Керенский боролся с Николаем». А Переверзев, упоминая о Керенском, фактически повторяет ту же самую мысль, которую он высказал в предисловии к «Творчеству Достоевского».

Еще раз относительно Беспалова. Беспалов утверждал, что школы Переверзева нет. Конечно школа есть, и здесь надо сказать во всеуслышание, что наша основная задача заключается в том, чтобы понять, что такое переверзевская школа. Это есть вульгарно материалистическая точка зрения на вопросы литературоведения. Эта точка зрения была необходима. Но с ней надо было заключить союз, а не смешиваться с ней. С этой точки зрения должна быть понята и тактика революционного марксиста: заключив с вульгарными материалистами союз, идя вместе с ними, надо было разбивать эклектиков, надо было сокрушать все субъективные точки зрения, но надо было, заключив этот союз, в то же время отмежеваться от вульгаризаторов марксизма. Союз надо было заключить и своевременно разоблачить Переверзева, показать, что это — наш попутчик. Надо знать, когда вы этот союз должны разорвать. Этого вы не знаете, т. Беспалов, потому что вы не заключили союза, а попытались механически соединить Ленина с Переверзевым и попали к нему в плен.

Перед вами задача построить марксистское литературоведение. Это можно сделать только тогда, когда вы преодолеете вульгарный материализм. А вульгарный материализм это и есть Переверзев. И не случайно, что ЦО нашей партии должен был поставить перед коммунистами такую задачу: объединиться по вопросам литературной политики, разрабатывать теорию и практику литературного движения вокруг РАППа. Нельзя объединяться вокруг той группы коммунистов, которая не сумела во-время отмежеваться от Переверзева именно потому, что она целиком и полностью стоит на точке зрения Переверзева, не сумела отмежеваться и по-большевистски с ней разорвать, потому что она есть часть этой школы.

О РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

(Ответ нашим критикам) *

«На русскую социал-демократию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства» [1].

Так писал Ленин по поводу революции 1905 г., подчеркивая ее огромное значение для широких масс и требуя от партии самого тщательного и всестороннего ее изучения. Эту мысль Ленин повторял неустанно и в период самой мрачной реакции, когда на революционном посту оставались только большевики, а все остальные так называемые «революционные» партии в дружном хоре с кадетами оплевывали революцию, представляя ее стихийным взрывом, безумием и хаосом.

«Кроме нас некому будет позаботиться о том, — писал Ленин в дни отречения «революционеров» всех мастей от славных традиций 1905 г., — чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...»

Огромное значение революции 1905 г. подчеркивал Ленин и в условиях новой революции.

«Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов, — писал Ленин в первые дни революции 1917 г., — была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа, в несколько дней, — вторая революция» [2].

Не даром Ленин называл первую революцию генеральной репетицией революции 1917 года.

Эту мысль Ленин повторял неустанно и после Октября 1917 г., когда он в «Детской болезни левизны» писал, что «все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить в зародышевой форме по тогдашней печати».

Еще одно обстоятельство однако не столько повышает громадное политическое значение революции 1905 г., сколько делает изучение ее актуально-политической задачей наших дней.

Революция 1905—1907 гг. с предшествовавшими ей годами нарастающего революционного движения масс впервые прорвала почти полную тридцатипятилетнюю политическую реакцию, установившуюся после разгрома Коммуны. Она доказала колоссальное, до сих пор мало изученное влияние на весь международный процесс развития революции. Наша буржуазно-демократическая революция толкнула вперед революционное движение в Германии, Австрии и т. п., развязала революции в Турции, Персии, Китае, вдохнула новую, живую, революционную струю в мировой пролетариат, встряхнула II Интернационал, подтолкнув вперед выделение в нем революционного крыла.

Но революция 1905—1907 гг. была не только первой революцией после Коммуны, а и первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма. Поэтому ее международное значение заключается не только в том, что она двинула вперед развитие мировой революции, но и в том смысле, что целый ряд моментов борьбы, форм борьбы, идеи и т. п. войдут и уже вошли составной частью в буржуазно-демократические революции наших дней. Пятый год, весь опыт пролетарской борьбы, тактика нашей партии, советы, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, вооруженное восстание, — все это показывает путь современным национально-освободительным движениям, все это в том или ином виде вошло составной частью в революции наших дней. Вот почему программа Коминтерна уделила столько внимания важнейшим проблемам революции 1905 г., имеющим для понимания и развития революции в Китае, Индии непосредственно актуальное значение. Именно это обстоятельство выдвигает изучение революции 1905—1907 гг. в число актуальных и насущных задач сегодняшнего дня. Пятому году посвящена большая литература, вышедшая как в Москве и Ленинграде, так и в провинции, где ряд крупнейших

---

* Примечание автора. Статья идет одновременно в журнале «Большевик».

Примечание редакции. Редакция помещает статью т. Ярославского, присланную в редакцию уже после того, как весь том был готов к выходу. Редакция не согласна со статьей т. Ярославского. Она считает необходимым в ближайшем томе дать редакционную статью с оценкой текущей литературы о 1905 годе, ответ редакции на статью т. Ярославского, а также ответ т. Горина. Поскольку т. Ярославский касается книги т. Горина «Очерки по истории Советов РД в 1905 году», редакция считает необходимым указать, что ее точка зрения на эту книгу и на ее ошибки расходится со взглядами т. Ярославского и выражена в основном в помещенной выше рецензии.

[1] Ленин, соч. т. XII, изд. 2-е, с. 34.

[2] Там же, т. XX, изд. 2-е, с. 13.

истпартов выпустил сборники и отдельные статьи по истории революции. До сих пор эта литература не подвергалась критическому разбору и почти не освещена к сожалению в наших исторических журналах. А между тем как двинулся бы вперед процесс теоретического развития нашей партии, да и широких пролетарских и крестьянских масс, если бы историки-марксисты пересмотрели весь этот материал, выделили бы удачные начинания, показали, как не нужно воспитывать массы. Увы! Пока вся многолистная литература накапливается на полках библиотек, а ряд важнейших проблем, которые так помогли бы Коминтерну в руководстве национальными революциями, так и остаются неразработанными.

Критика уделила больше внимания главным образом II тому «Истории ВКП(б)» — коллективной работе, вышедшей под моей редакцией. Этой книге посвящены критические статьи: К. Сидорова в № 11 «Пролетарской революции», П. Горина в № 20 «Историка-марксиста» и М. Елина в № 11 «Коммуниста» — органа Нижегородского крайкома. В начавшейся и слабо развернувшейся в печати и комвузах дискуссии критика сосредоточилась, кроме нашей работы, на книге П. Горина: «Очерки по истории советов рабочих депутатов». Тов. Горин находится в более выгодных условиях в том отношении, что книга его вышла вторым изданием (первое вышло в 1925 г.), и только частью подновлена. У т. Горина было целых пять лет в распоряжении, чтобы исправить допущенные в первом издании ошибки, а не переиздавать эти ошибки вторым изданием.

Проблемы революции 1905 — 1907 гг. интересуют теперь, в 1931 г., гораздо бо́льшие круги коммунистов: интерес к изучению истории нашей партии в огромной степени вырос. Накопился уже сравнительно большой материал, который требует оценки, выявились достаточно резко определенные точки зрения по основным вопросам революции 1905 г. По отношению к нам сделаны такие серьезные упреки, сделаны такие политические оценки наших взглядов, мимо которых мы не вправе пройти. Вот почему мы позволим себе вмешаться в этот спор, чтобы ответить нашим критикам [3].

1. О характере революции 1905—1907 гг.

Ленин, а вслед за ним и т. Сталин, много раз подчеркивали, что основной решающий вопрос революции, по которому можно определить и характер революции, — это вопрос о власти.

> «В руках какого класса или каких классов сосредоточена власть; какой класс или какие классы должны быть свержены, какой класс или какие классы должны взять власть — в этом «самый главный вопрос всякой революции», —

писал Сталин в известной статье «О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу». Следовательно всякий, кто хочет добросовестно изучить революцию 1905 — 1907 гг., должен прежде всего разобраться в характере революции. Мало повторять общую фразу о буржуазном характере революции 1905—1907 гг. — история знает десятки таких революций в XVII, в XVIII и в XIX вв. — надо выяснить конкретный характер данной революции, ее особенности, что отличает ее от других буржуазных революций, какой класс или классы могут в данной революции взять власть. Вот почему Ленин посвятил столько времени обоснованию именно этого вопроса — о характере революции. Без такого особого, специального изучения характера революции не понять всей тактики нашей партии. Что вопрос о характере революции, т. е. о классе, стоящем у власти, и о том, какой класс или классы могут взять власть, — является основным, — понимают и наши критики. Тов. Горин поэтому берет сразу быка за рога, выделяя вопрос о характере революции 1905—1907 гг.

> «Он, — пишет т. Горин (с. 166) о Ленине, — беспощадно бичевал тех, кто недооценивал огромной роли аграрного вопроса о революции, но ленинская оценка разрешения аграрного вопроса революции 1905 г. ничего общего не имеет с народническим пониманием крестьянской революции 1905 г.» [4].

И дальше т. Горин, приводя цитаты из нашей книги, в которых мы заявляем, что революция 1905 г. по своему характеру, была крестьянской буржуазной революцией, подталкивает читателя к тому выводу, что это — определение народническое, что «неверно будет ограничивать революцию 1905 г. этими задачами как конечными задачами пролетариата в революции» (с. 167). Итак, по мнению т. Горина, характеристика революции 1905 г. как крестьянской буржуазной революции есть народничество, есть эсеровщина.

Посмотрим, однако, кто дал такую характеристику революции 1905—1907 гг.

> «Одна из главных отличительных черт нашей революции, — так писал Ленин в статье о Льве Толстом, — состоит в том, что это была крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России» (т. XIV, изд. 2-е, с. 401).

[3] Мы с удовлетворением прочитали в передовой статье «Правды» от 20/III— 1931 г. «За перестройку научного фронта», что «необходимо в большей степени практиковать коллективный метод разработки проблем, составления учебников и пр.». Мы на этот путь своей коллективной «Историей ВКП(б)» стали несколько лет тому назад.

[4] В первоначальном тексте статьи т. Горина, присланной мне на просмотр как одному из членов редакции «Историка-марксиста», подчеркнутое место было изложено так: «с эсеровским пониманием, ограничивающим 1905 г. как крестьянскую революцию». Читатель согласится, что на такое обвинение я вправе ответить со всей большевистской резкостью.

И это Ленин неустанно повторял, борясь против меньшевиков и эсеров. Прочитайте хотя бы его «Аграрную программу», где так тщательно разъясняется смысл этой характеристики, разница между буржуазной революцией «обычного» типа и крестьянско-буржуазной революцией.

В том-то и беда т. Горина и тех, кто с ним солидарен в этом, что они ленинскую характеристику революции 1905 г. как крестьянско-буржуазной понимают... именно по-народнически. Им невдомек, что такую оценку Ленин давал революции 1905 г. не потому, что крестьянство в России «это человек будущего», как думали народники, что крестьянство являлось главной движущей силой, как это твердили эсеры, а потому, что основной вопрос, решавшийся в революции 1905 г., был вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства.

> «Это была буржуазная революция, — писал Ленин там же, — ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии... Это была крестьянско-буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы».

Как видим, т. Горин зачислил в эсеры и... Ленина. Впрочем, это старая история: в эсеры Ленина зачисляли все время, — и во время революции и после революции, но до сих пор это делали, во всяком случае, не большевики.

Но и это не все. Приведем уже упомянутое нами место из «Аграрной программы». Читатель простит нам излишнюю длинноту, но ведь надо восстановить истинные взгляды Ленина на характер революции.

> «Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, — писал Ленин, — есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства и возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства. Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением, и однако такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т. е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в число сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно общее марксистское понятие «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле объективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна.
>
> Основной источник неверности тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т. е. в 1905—1907 гг.) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией... Часть марксистов, именно правое крыло, отделывалась все время общим, абстрактным, шаблонным понятием буржуазной революции, не сумев понять особенности данной буржуазной революции (разрядка моя — *Е. Я.*) и именно как крестьянской революции [5].

Как видим, ленинская характеристика революции как крестьянской буржуазной направлена и против меньшевиков, не сумевших выделить и подчеркнуть особый характер революции 1905 г.

> «Большевики с самого начала революции весной и летом 1905 г., — писал Ленин там же, — ясно указали источник наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции как одного из видов буржуазной революции...»

Таким образом Ленин в своей оценке революции 1905 г. боролся на два фронта: и против меньшевиков, ограничивавшихся шаблонной характеристикой революции 1905 г. как буржуазной, не сумевших поэтому понять источника контрреволюционности буржуазии, не сумевших определить, какие же классы могут довести революцию до конца, и против

[5] Ленин, Соч. т. XI, изд. 2-е, с. 437-438.

эсеров, делавших крестьянина главной движущей силой революции, не понявших объективных задач революции.

Кто хочет оставаться ленинцем, тот должен и теперь продолжать борьбу на два фронта за правильную оценку революции 1905 г. как революции крестьянско-буржуазной: и против тех, кто из крестьянского характера буржуазной революции делал или делает вывод о кулаке как руководителе революции, идеи, распространяемой такими историками как Яворский на Украине, и против тех, кто перепрыгивает через этапы, кто смазывает непосредственные объективные задачи революции.

Выполнил ли эту задачу т. Горин, критикующий нас? Чтобы понять, почему т. Горин так ошибочно критикует наши взгляды, основанные полностью на тщательном изучении ленинских источников, приходится, поневоле, обратиться к литературным трудам т. Горина. Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen. Слово «Dicher» имеет разные значения. Оно означает поэта, означает также «сочинителя» вообще. «Кто хочет понять поэта — должен следовать за ним», говаривал Гейне. И нам придется последовать за ним, «поэтом»-сочинителем, т. Гориным в его собственную страну, чтобы ответить на этот вопрос.

Перелистайте книгу т. Горина, страница за страницей, и вы не найдете там ленинской оценки революции 1905 г. Отсюда «все качества» критики т. Горина. Тов. Горин слышал о разногласиях между меньшевиками и большевиками по вопросу о характере революции 1905 года, но не сумел определить «основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков», ибо сам не понял первой русской революции как крестьянско-буржуазной революции.

Эта грубая политическая ошибка у т. Горина не является изолированной: он не мог понять ленинской оценки революции 1905 г., ибо для него осталась книгой за семью печатями идея Ленина о двух путях капиталистического развития. Ни в книге, ни в «критической» статье он не ставит этого вопроса, а без этого конечно не понять и характера русской революции, не понять, какие же классы поведут Россию по новому пути.

«На данной экономической основе русской революции, — объяснял Ленин свою постановку вопроса о двух путях, — объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое «юнкерское» хозяйство... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего...

Иными словами: либо — сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»; отсюда — преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только экспроприируемой в громадных размерах, но захабаляемой к тому же теми или иными кадетскими выкупами, забиваемой и отупляемой господством реакции... Либо — разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контрреволюционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства положении рабочей и крестьянской массы; отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства» [6].

Другой наш критик т. Сидоров понял, что без «двух путей» нечего и трогать революции 1905 г., он отметил у нас наличие ленинского учения о «двух путях», но самый вопрос поставил неверно.

> «Хочет он или не хочет, — так пишет К. Сидоров по нашему адресу, — но его аргументация сводится к тому, что до этой революции (т. е. до демократической революции. — *Е. Я.*) есть и будет только один путь развития — прусский. Такой трактовкой вопроса автор вычеркивает объективно наметившуюся тенденцию двух (именно двух!) путей еще до демократической революции. Аргументация автора противоречит ленинской постановке, что после реформы 1861 г. наметились эти два (именно два) пути развития» («Пролетарская революция» кн. XI за 1930 г., с. 167).

Запутали вы, т. Сидоров, вопрос. Действительно, уже с реформы 1861 г. наметились элементы обоих этих путей, притом наметились реально в экономике страны. В любой классовой битве, в любом шаге политического развития, считая и самую реформу, можно наметить в том или ином виде борьбу за тот или иной путь развития. Но и здесь следует сразу же отметить, что эти элементы этих двух возможных путей и борьба классов за тот или иной путь развития отнюдь не на всем протяжении от 1861 г. до 1905 г. одинаковы.

> «В революции 1905 г., — так писал Ленин, — те две тенденции, которые в 1861 году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах» [7].

Итак, в 1861 г. эти тенденции только наметились, а к 1905 г. выросли и окрепли.

Но этого мало. Дело не только в том, что борьба за тот или иной путь имела разный

---

[6] Ленин, Соч., т. III, изд. 2-е, с. 12-13.
[7] Там же, т. XV, с. 145.

характер на отдельных этапах. Законен вопрос: что же — разве капиталистическое развитие России топталось на одном месте? Разве капитализм не развивался?

А если развивался, то по какому же пути? По какому пути шло развитие России?

А Ленин давно ответил на этот вопрос.

> «— Это революция буржуазная, — писал Ленин. — Она во всяком случае очищает почву для более широкого и быстрого развития капитализма... Но неизбежное очищение почвы для капитализма может пойти по двум крупным линиям. Преобразование крепостной России в буржуазную возможно при условиях, обеспечивающих наибольшее мыслимое при капитализме благосостояние масс крестьянства и пролетариата. Оно возможно также при условиях, обеспечивающих больше всего интересы помещиков и капиталистов. До сих пор наша революция идет по второму пути» (разрядка моя — *Е. Я.*) [8].

Кажется ясно. Если нашим критикам это неясно, можно привести еще одно место.

> «Во второе трехлетие (1907—1910— *Е. Я.*) столкновение различных тенденций буржуазного развития России не стояло на очереди дня, ибо обе эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время» [9].

Верно конечно, что ни один из возможных путей не победил, что вопрос о борьбе за тот или иной путь развития не был снят, что и реформа 1861 г. и столыпинская реформа были только шагом по прусскому пути, а не полной и окончательной победой прусского пути. Но в руках помещика была политическая власть, в его руках было крупное землевладение, и, используя все пути и средства, поджимая под себя мужика, преодолевая и ломая его сопротивление, крепостник вел страну по прусскому пути, делал шаги к «юнкерскому» хозяйству и буржуазной монархии. Прусский путь не победил, вопрос об американском пути не был снят, но капиталистическое развитие шло, хотя еще не пошло окончательно по прусскому пути. В этом смысле Ленин и говорил, что «революция идет по второму пути», и в этом отношении не мы противоречим Ленину, а т. Сидоров не свел концов с концами, ибо своей постановкой снял вопрос о постепенном превращении крепостнических хозяйств в «юнкерские», снял вопрос вообще о капиталистическом развитии сельского хозяйства. Так ставит этот вопрос Ленин, так разработали мы его в «Истории ВКП(б)». Так обстоит дело с «двумя путями», совершенно не поставленными т. Гориным и неверно поставленными т. Сидоровым.

Не поняв ленинской характеристики революции 1905 г., т. Горин не сумел справиться и с социально-экономическими предпосылками революции 1905 г. [10].

Подчеркнув, что авторы II тома «Истории ВКП(б)» совершенно правильно поставили в центр внимания аграрный вопрос, т. Горин «удивляется» наличию в книге двух (??) мнений по вопросу о предпосылках крестьянского движения.

«Итак, — выхватывает т. Горин одну цитату из книги, — если наличие полукрепостного строя в деревне и диктатура крепостников явилась основной причиной движения, то непосредственной предпосылкой становится развитие капитализма, связанное с постепенным переходом от отработочного хозяйства к капиталистическому, а тем самым с уничтожением хотя и весьма медленным мелкого производителя-крестьянина, необходимого для отработочного хозяйства», и т. д.

«Став же на точку зрения автора II тома, что именно развитие капитализма было непосредственной причиной крестьянского движения, — делает из этого «вывод» т. Горин, — мы должны признать, что крестьянство боролось за сохранение общины и мелкого крестьянского хозяйства» («Историк-марксист», т. XX, с. 165).

Мы уже не говорим о том, как т. Горин спутал непосредственную причину и основную предпосылку революции. Но самое важное то, что т. Горин сам себе не верит в этом выводе. Он сам вынужден подчеркнуть, что мы посвящаем целые разделы доказательству, что крепостничество и диктатура крепостников — основная причина движения, что наша критика т. Гайстера совершенно правильна, что «это положение во II томе довольно подкреплено цифровыми данными и цитатами из Ленина». Как же можно говорить о втором мнении после этого?

Чего же не понял т. Горин в приведенной выше цитате? Диктатура крепостников существовала давно, полукрепостной строй в деревне сложился также давно; но почему до конца XIX века эти обстоятельства не вызывали революции, почему противоречия между кре-

[8] Ленин, Соч., т. X, изд. 2-е, с. 75.

[9] Там же, т. XV.

[10] Из этой поистине «исторической» книги т. Горина читатель узнает например, что «кризис самодержавия, подготовленный предшествующей экономической и политической деятельностью самого царизма, был настолько очевидным к 1905 г., что «революция», бережно хранимая (?!!) под многолетним спудом деспотизма, вновь прорывается в свет» (с. 77). Здесь все замечательно: и то, что слово революция взято в кавычки, и то, что деспотизм «бережно хранил» под многолетним спудом (этакий скопидом!!), эту самую «революцию в кавычках» и что только к 1905 г. она «вновь прорывается на свет». А мы-то считали в своем невежестве, что революция прорвалась на свет гораздо раньше, и думали, что массовое революционное рабочее и крестьянское движение предшествовавших годов никак нельзя сбрасывать со счетов. Этакое «недоразумение».

стьянством и крепостниками не вылились в такие бурные формы, как в революции 1905 г.,— вот что следует понять т. Горину. Именно развитие капитализма обострило эти противоречия, именно развитие капитализма показало несовместимость полукрепостнического строя деревни с ее дальнейшим развитием по пути капитализма. Капиталистическое развитие уперлось в остатки крепостничества, уперлось в диктатуру крепостников.

Письмо Ленина т. Степанову-Скворцову помогло бы т. Горину понять, в чем он запутался и в чем он пытается запутать читателей журнала «Историк-марксист».

Приведем только одно место.

> «Буржуазное развитие России к 1905 г. было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленно ломки устаревшей надстройки — устаревшего, средневекового землевладения... Мы живем в эпоху этой ломки, которую разные классы буржуазной России стараются довершать, доделывать по-своему»[11].

Но это все было бы еще полбеды. Выступить против того или иного положения, которое считаешь спорным или неверным, — это не только право, но и обязанность каждого ленинца, подтвержденная особыми решениями партии, но приписывать автору заведомо ложную мысль, — это никому, даже и т. Горину, не может быть разрешено. Впрочем, приведем слова т. Горина.

> «С постановкой, — пишет т. Горин, — авторов II тома (хотя они дальше и правильно замечают, что крестьянская революция на первой стадии должна будет расчистить путь капитализму), — согласиться не можем, ибо, признав, что крестьянское движение было вызвано развитием капитализма, якобы в защиту «мелкого производителя-крестьянина», должны будем признать крестьянское движение накануне 1905 г. реакционным» (с. 165-166).

Тов. Горин вероятно догадывается, как называется такой прием в литературе. Где он нашел эту защиту «мелкого производителя», защиту реакционности крестьянства? Почему не привести одну-другую цитату, указав страницу? Да просто потому, что он не может привести ни одного доказательства, ни одной цитаты, потому, что это чудовищное обвинение, будто бы мы выступаем в защиту мелкого производителя-крестьянина, основано на полном непонимании т. Гориным вопроса. Разве такая критика, такой уровень критики не принижает достоинство нашей коммунистической печати?

2. О движущих силах революции

Итак, о революции 1905 т. Ленин говорил как о крестьянской в смысле ее объективных задач, в том смысле, что революция своей непосредственной задачей ставила разрешение противоречий, заложенных в деревне. Но разрешить эти противоречия крестьянство самостоятельно не могло, разрешить их крестьянство могло только в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата[12].

«Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, — писал Ленин, — что победа крестьянского восстания, немыслимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контрреволюционности буржуазного либерализма»[13].

Вот почему Ленин так настойчиво подчеркивал, что из характера революции нельзя делать прямого вывода о ее движущих силах. По характеру революция крестьянско-буржуазная, а гегемоном революции выступает пролетариат. Отсюда:

> «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской»[14].

А ведь все это, как мог бы убедиться т. Горин, написано в тезисах ЦК о революции 1905 г., откуда мы нарочито черпаем все эти цитаты, хотя т. Горин прекрасно знает, что в основу тезисов ЦК о революции 1905 года положен внесенный мною проект. Или он и ЦК зачисляет по ведомству... эсеров.

Но может быть мы в «Истории ВКП(б)» ограничили понимание революции 1905—1907 гг. понятием крестьянской революции, забыв о том, что пролетариат был главной движущей силой революции, что революция 1905—1907 гг. была по методам, по средствам борьбы пролетарской? На таком толковании ведь очень легко поспекулировать, если итти по пути игнорирования того, о чем мы писали в «Истории ВКП(б)». Напомним нашим критикам, что в главе о ленинском понимании перерастания мы писали, что «крестьянская революция 1905 г., руководимая пролетариатом, совершаемая в благоприятной международной обстановке, может перерасти в социалистическую» (с. 205). В главе о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» (с. 197—201), развивая мысль Ленина, что «степень экономического развития России (условие субъективное) и степень сознательности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрыв-

---

[11] Ленин, Соч., т. XIV, изд. 2-е, с. 215.

[12] Тов. Горин цитирует на с. 167 как ошибочное наше утверждение, что социальное содержание революции 1905 г. определялось участием в революции крестьянства как союзника пролетариата. Но он «забывает» привести конец цитаты, где мы говорим, что это положение основано на указанных в этой главе выдержках из статей Ленина. А затем проделывает такого рода прием: он цитирует те же ленинские выдержки с видом «знатока», поучающего нас ленинизму, и окончательно... запутывается.

[13] Ленин, Соч., т. XII, изд. 2-е, с. 117.

[14] Там же, т. XIX, с. 345.

но связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса» [15] мы тут же подчеркиваем, что «ставить так вопрос — отнюдь не значит «ограничивать» революцию буржуазными рамками» (с. 199). Больше того, мы писали:

«Большевики подчеркивали, что при сложившейся обстановке, т. е. при данном соотношении внутренних сил и данной международной ситуации русский пролетариат должен взять на себя инициативу, должен начать революцию и развивать ее возможно дальше, к революционной диктатуре, не дожидаясь начала революции на Западе. Последняя может быть ускорена только борьбой русского пролетариата, а не ожиданием» (с. 201).

Мы могли бы привести еще десятки страниц из «Истории ВКП(б)», развивающих именно эту постановку вопроса.

Между тем т. Горин, верный своему методу критики, облыжно обвиняет нас именно в таком «ограничении», легкомысленно уверяя читателя, будто «социальное содержание революции 1905 г. авторами понимается как выполнение давних исторических чаяний крестьянства в борьбе за американский путь развития, за что в свое время боролись еще народовольцы» («Историк-марксист», с. 167). И он поучает нас: «Неверно будет ограничивать революцию 1905 г. этими задачами как конечными задачами пролетариата в революции». Ну да, неверно, двадцать раз неверно!! Но ведь эту «ограниченность» вы сами придумали, т. Горин, выдумали ее! Это ваше неудачное изобретение, как в этом убедится всякий, кто захочет вас проверить и прочтет хотя бы только вышеприведенные цитаты из IV главы II тома «Истории ВКП(б)», носящей заголовок «Характер и движущие силы революции 1905—1907 гг. в оценке большевиков». Впрочем, читатель уже видит, что если т. Горин малюет страшного чорта и указывает на него пальцем: «ось бач, яка кака намалевана», то т. Горин это делает явно для отвода глаз, чтобы отвлечь внимание от своих собственных грубейших ошибок, от той самой «каки», которую он воспроизвел вторым изданием... Хотя бы немного продезинфицировал ее!!!

Пойдем дальше.

Как мы видим, мало определить характер революции, нужно кроме того хоть немножечко потрудиться, чтобы узнать, как Ленин определяет движущие силы революции. А этого т. Горин и не сделал.

Что Ленин понимал под движущими силами революции? Отнюдь не всякий класс, принимающий участие в революции, тем самым является и движущей силой. Вовсе нет. В Февральской революции 1917 г. буржуазия приняла известное участие в революции, это и дало право какому-то меньшевику на докладе Ленина о революции еще в Швейцарии говорить, что Ленин в свое время ошибся, исключив буржуазию из числа движущих сил революции [16]. В Феврале буржуазия вынуждена была принять участие в революции с тем, чтобы обезглавить ее, не дать ей развернуться.

Под движущей силой Ленин понимал тот класс, который заинтересован в коренной ломке старого, в переходе власти в руки нового класса, в решительной победе революции, в доведении революции до конца. И с этой точки зрения для Ленина основными движущими силами революции 1905 г. были только пролетариат и крестьянство.

> «Силой, — писал Ленин в «Двух тактиках», — способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только народ, т. е. пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию... между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [17].

Пролетариат и крестьянство — таковы те классы, которые являются основными движущими силами революции, ибо заинтересованы в решительной победе над царизмом. В другом месте Ленин еще резче подчеркивает эту мысль.

> «Буржуазия как класс, естественно и неизбежно стремится под крылышко либерально-монархической партии, — писал Ленин, — а крестьянство как масса — под руководство революционной и республиканской партии. Вот почему буржуазия не способна довести демократической революции до конца, а крестьянство способно довести революцию до конца, и мы должны всеми силами помочь ему в этом» [18].

А дальше Ленин, подчеркивая, что настоящий размах революции начнется только тогда, когда активным революционером выступит крестьянская масса под руководством пролетариата, дает в сжатой формуле общий итог своему анализу движущих сил революции:

> «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии».

---

[15] Ленин, Соч., т. VIII, изд. 2-е, с. 40-41.

[16] «Когда я говорил это же в реферате за границей, — рассказывал Ленин на петербургской конференции в 1917 г., — мне один меньшевик сказал, что мы были неправы, ибо де оказалось, что буржуазия нужна была для успеха революции. Я ему ответил, что это было «необходимо» лишь для того, чтобы революция победила в 8 дней. Ведь Милюков заявлял еще до революции, что если победа лежит через революцию, то он против победы» (т. XX, изд. 2-е, с. 175—176).

[17] Ленин, Соч., т. XVIII, изд. 2-е, с. 62.

[18] Там же, с. 95.

Как же обстоит дело с движущими силами революции у нашего критика, т. Горина? Приводя целый ряд цитат из нашей книги, в которых подчеркнута мысль Ленина о движущих силах революции, что «именно в борьбе за американский путь развития и заключалось объективное значение крестьянского революционного движения в первой революции», наш критик вдруг делает вывод:

> «Американский путь развития (а мы помним, что т. Горин вообще не поставил этой проблемы о двух путях—Е. Я.) был для пролетариата не конечной целью, а рассматривался Лениным в свете борьбы пролетариата за социализм» («Историк-марксист», т. XX, с. 17, подчеркнуто т. Гориным).

Мы размежевываем, что объективное значение крестьянского революционного движения — это есть борьба за американский путь, т. е. революционное разрешение под руководством пролетариата аграрного вопроса, решительная ломка помещичьего землевладения, что во главе движения, руководителем движения в этой ломке выступает пролетариат, а нам подсовывают мысль, что для пролетариата такая борьба есть конечная цель (!).

Побойтесь вы... первого рабфаковца, т. Горин, который, только чуть перелистав нашу книгу, выведет вас на чистую воду. А весь «казус» объясняется опять-таки очень просто: наш критик не понимает ленинского учения о движущих силах. В самом деле. Пойдем опять за нашим «поэтом-сочинителем» в его страну.

Вот как т. Горин определяет движущие силы революции в своей книге о Советах:

> «Из непоследовательного и трусливого поведения русской буржуазии, — «марксистски» объясняет т. Горин гегемонию пролетариата в 1915 г.,— и вытекала для пролетариата необходимость..., быть авангардом в борьбе за интересы всех революционных классов, толкать буржуазию на революционный путь» (с. 81).

Мы уже не говорим о том, что по т. Горину пролетариат выступает «толкачом» в революции 1905 г., любой совпартшколец знает, что именно по этому поводу Ленин спорил с меньшевиками, но и само объяснение гегемонии пролетариата явно не ленинское. Почему? Да, потому, что революционность пролетариата т. Горин объясняет «непоследовательностью и трусостью» буржуазии, а не интересами пролетариата как класса. Выходит, что «если бы буржуазия была последовательна и храбра», то пролетариат не должен был бы быть авангардом революции в 1905—1907 гг. Но это ведь и есть меньшевистская точка зрения в ее троцкистской разновидности. В России нет буржуазной демократии, русская буржуазия «уже в утробе матери носит проклятие на своем челе: она обречена на предательство — предательством крещена и от предательства погибает» так развивал свою схему Троцкий (Соч., т. II, ч. 2, с. 209) и отсюда делает вывод, что пролетариат является единственной революционной силой в стране.

Мало этого. Неверно определив роль пролетариата в революции, т. Горин не понял роли и значения крестьянства в революции. Ни в своей специальной главе, ни во всей книге т. Горин не говорил о крестьянстве как движущей силе революции 1905 г. Само крестьянство т. Горин помещает в главу «Советы и мелкобуржуазные слои» (!), но то, что он о нем пишет, представляет особый интерес.

> «Иногда указывают, — пишет т. Горин, — что большевики в 1905 году недооценивали роль крестьянства в революции, важность создания социал-демократической организации в деревне и т. д... Дадим маленькую историческую справку. Крестьянство в силу ряда исторических причин играло в России огромную роль, являясь двуликим Янусом, поведением которого в конечном счете определялись неудачи и победы революции. Вполне понятно поэтому, что по мере роста политического влияния с.-д. крестьянству уделяется большое внимание» (с. 231—232).

Или дальше:

> «Это было неизбежно, так как в процессе исторического развития хотя и выкристаллизовались два враждебных руководящих полюса (!) — самодержавие и пролетариат — имевшие свою идеологию, политику и тактику, но крестьянство все же играло огромную роль, балансируя между самодержавием и революцией» [19].

Но ведь разногласия между большевиками и меньшевиками шли не по вопросу о «громадной роли крестьянства» — кто же мог отрицать роль 90-миллионной массы крестьянства — а о том, было ли крестьянство движущей силой революции. Именно эту роль упорно отрицали и официальные меньшевики и их разновидность — Троцкий. А отсюда вытекало и разное отношение к крестьянству. Большевики на III съезде говорили о полной поддержке крестьянского движения, поскольку оно является революционно-демократическим, а меньшевики говорили о работе среди крестьянства или, в горинской формулировке, «об уделении крестьянству внимания».

> «Крестьянский вопрос, — так писал Ленин в «Двух тактиках», — поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией. Съезд разработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция — о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбой с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя» [20].

---

[19] А на с. 62 его книги мы читаем: «Единственной силой, угрожающей самодержавию, является только пролетариат». Так!

[20] Ленин, Соч., т. VIII, изд. 2-е, с. 88.

Прибавьте к этому, что т. Горин буквально по Троцкому признает в революции только два «руководящих полюса», т. е. только две силы — самодержавие и пролетариат, и станет ясно, что в вопросе о роли крестьянства мы имеем не случайную опечатку, даже не ошибку, а явно не ленинскую оценку.

Любопытно, что о «балансировании между революцией и реакцией» т. Горин говорит и по отношению к другим слоям населения.

«Случаи такого балансирования между революцией и реакцией, — пишет т. Горин, — преимущественно наблюдались среди мелких владельцев заводов и лавок, среднего чиновничества, компаньонов небольших торговых или фабричных предприятий, словом слоя, надеявшегося не все потерять от революции» (с. 230).

Тем самым т. Горин ставит знак равенства между крестьянством и средними чиновниками, владельцами небольших заводов и т. п. Теперь понятно, почему т. Горин потопил крестьянство в мелкой буржуазии, поместив его в главу «Советы и мелкобуржуазные слои» (!).

Так «умело» пользуется т. Горин марксистским методом.

Между прочим мы не можем пройти мимо того, как т. Горин пользуется источниками. В целом ряде положений, как мы видели, т. Горин скатывается на троцкистские формулировки, очень часто, как это было с вопросом о «движущих силах», повторяя Троцкого из его «1905 г.». Оказывается, что «повторение» Троцкого приняло и более прямой характер, характер прямого заимствования. Приведем несколько примеров.

У т. Горина (с. 45—46):

Правда, Петербург не имел такого значения в русской революции, как например Париж в Великой французской революции, «где общеэкономическая примитивность Франции и первобытность ее средств сообщения, с одной стороны, административная централизация, с другой, позволяли в сущности локализировать революцию в своих стенах». Революция 1905 г. происходила в совершенно иных условиях. При современном капиталистическом строе, с его техникой, быстротой сообщений телеграфной и телефонной связи без поддержки всего русского пролетариата, обрекалось бы на неудачу даже успешное выступление в Петербурге или Москве.

Но тем не менее ошибочно, конечно, было бы сводить роль Петербурга или Москвы к положению провинциального города. За Петербургом и Москвой следует признать первенствующее значение в направлении революции, своевременном бросании революционных лозунгов, организации революции и наконец создании первого Совета рабочих депутатов, имеющего международное значение в рабочем движении.

У Троцкого (с. 101):

Роль Петербурга в русской революции не может итти ни в какое сравнение с ролью Парижа в революции XVIII века. Общеэкономическая примитивность Франции и первобытность ее средств сообщения, с одной стороны, административная централизация — с другой, позволяли Парижу в сущности локализировать революцию в своих стенах. Совершенно не то у нас. Капиталистическое развитие создало в России столько же самостоятельных революционных очагов, сколько центров крупной индустрии, самостоятельных, но и тесно связанных друг с другом. Железная дорога и телеграф децентрализовали революцию, несмотря на централизованный характер государства, но в то же время внесли единство в ее повсеместные выступления. Если в результате всего этого и можно признать за голосом Петербурга первенствующее значение, то не в том смысле, что он сосредоточил революцию на Невском проспекте или у Зимнего дворца а единственно в том, что его лозунги и методы борьбы находили могучий революционный отклик во всей стране. Тип петербургской организации, тон петербургской прессы становились немедленно образцами для провинции».

У т. Горина (с. 162):

В октябре промышленная буржуазия держалась по отношению к пролетариату или нейтрально, или же нередко, в надежде на удачный для нее исход революции, оказывала ему сочувствие. В октябрьские дни капиталисты не только не мешали рабочим собирать митинги на фабриках, но даже за забастовочные дни выплачивали заработную плату в половинном размере, а нередко и полностью. В буржуазных кругах даже и не поднимался вопрос о расчете забастовавших рабочих.

У Троцкого (с. 146—147):

Этим объясняется тот факт, что значительная часть предпринимателей — если не большинство — заняли по отношению к самой октябрьской стачке положение дружественного нейтралитета. К закрытию заводов почти не прибегали. Владельцы металлических фабрик Московского района постановили отказаться от услуг казаков. Но наиболее общей формой выражения сочувствия к политическим целям борьбы была дача рабочим зарплаты за все время октябрьской забастовки.

У т. Горина (с. 173):

Самый факт единодушного принятия резолюции о революционном введении 8-часового дня — лучший показатель того, как были настроены массы. Совет не мог итти против общего настроения пославших его масс. «Выбора

У Троцкого (с. 170):

И тем не менее мы думаем, Совет поступил как мог и как должен был поступить. Выбора перед ним в сущности не было. Если бы он из соображений реалистической политики стал кричать массам—«назад». Они просто не под-

перед ними в сущности не было. Если бы он из соображений «реалистической» политики стал кричать массам: «назад!», они просто не подчинились бы ему. Борьба вспыхнула бы, но без руководства».

У т. Горина (с. 174):

Кампания за 8-часовой (рабочий) день действительно может показаться на первый поверхностный взгляд безумной. Но при более внимательном отношении, выясняющем подлинный смысл революционных событий, нетрудно будет уловить, что в «условиях революционного безумия она имела свою «разумность».

У т. Горина (с. 260):

Не могла конечно буржуазная интеллигенция, «рожденная под звуки социалистических проклятий, отягченная помещичьими традициями и опутанная профессорскими предрассудками», принимать активное участие в ноябрьской забастовке, явившейся результатом тактической подготовки вооруженного восстания!

И т. д. и т. п. и все это абсолютно без указания источника.

Но и этого мало. Тов. Горин не остановится на этом, а «позаимствовал» у Троцкого и самые аргументы опять-таки без указания источников. Так, борясь против неверной точки зрения Бабахана, топящего Советы в стачечных комитетах и т. п., т. Горин пишет:

> «В лучшем случае эти организации были стачечными комитетами, умело руководившими экономическими стачками, были «организациями в пролетариате, их непосредственная цель — борьба за влияние на массы». Петербургский же совет рабочих депутатов — детище всероссийской политической забастовки — в октябре сложился в организацию пролетариата, поставив своей целью — «борьбу за революционную власть» (с. 10).

Но этот аргумент, притом совершенно неверный по существу, мы находим и у Троцкого:

> «До Совета мы находим в среде индустриальных рабочих многочисленные революционные организации, руководимые главным образом социал-демократией. Но это организации в пролетариате; их непосредственная цель — борьба за влияние на массы. Совет сразу сложился в организацию пролетариата; его цель борьба за революционную власть» (с. 226).

Теперь понятно кто смутил т. Горина.

чинились бы ему. Борьба вспыхнула бы, но без руководства. Стачки шли бы, но разрозненно.

У Троцкого (с. 170):

Тем не менее мысль о революционном установлении нормального рабочего дня — в одном Петербурге в двадцать четыре часа — может представиться совершенно фантастической. Какому-нибудь почтенному кассиру солидного профессионального союза она покажется прямо-таки безумной. И она действительно такова — под углом зрения «разумного» времени. Но в условиях революционного «безумия» она имела свою «разумность» [21].

У Троцкого (с. 49):

В результате — безнадежно запоздалая буржуазная интеллигенция, рожденная под звуки социалистических проклятий, висит над бездной классовых противоречий, отягченная помещичьими традициями и опутанная профессорскими предрассудками, без инициативы, без влияния на массы и без доверия к завтрашнему дню.

Чтобы еще более наглядно убедиться, насколько плохо понял т. Горин характер и движущие силы 1905—1907 гг., укажем на его отношение к союзу пролетариата и крестьянства. На с. 248 «Советов» т. Горина мы читаем:

> «Характерно, что тенденция установления реального союза пролетариата и крестьянства в 1905 г., организационно закреплявшегося через советы РД, особенно проявляется в ноябре, т. е. накануне решительной схватки реакции и революции. Ноябрьская забастовка, проведенная Петербургским советом и бойкотированная буржуазией, практически показала вредность меньшевистских иллюзий о революционности буржуазии. Это еще больше вызвало необходимость союза рабочих с бедняцко-середняцким крестьянским массивом, и в ноябре тенденция установления этого союза выявилась достаточно отчетливо. Реальное же соединение этих двух революционных волн, как известно, произошло в 1917 г. В 1905 г. этот союз только намечался, и Совет делал первые шаги к его осуществлению» (разрядка моя — *Е. Я.*).

Верно ли это? Ленинская ли эта постановка вопроса? На это мы находим прямой ответ у Ленина. Критикуя эсеров, которые тоже утверждали в свое время, что в революции 1905—1907 гг. «союз сил городского пролетариата и т[ру]дового крестьянства... существовал в идее», Ленин пишет в статье «Как социалисты-

[21] Тов. Горин при этом не заметил, что у Троцкого «безумие» все же поставлено в кавычки, и нечаянно назвал революцию 1905 г. «революционным безумием».

революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам революционерам».

«Союз сил городского пролетариата и трудового крестьянства... существовал пока в идее». Это насквозь путанная и лживая фраза. Союз сил пролетариата и крестьянства не в идее «существовал», и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции все крупные события 1905—1907 гг. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихиен, неоформлен, часто неосознан. Эти силы были не организованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительного руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции» [22].

Пусть же читатель сравнит приведенные две цитаты, и он убедится, что сказанное Лениным по адресу эсеров относится целиком к ошибке, совершенной т. Гориным в оценке союза пролетариата и крестьянства. А ведь это — один из коренных вопросов революции 1905—1907 гг. Вот почему т. Горин, который ошибается так грубо в таком важнейшем вопросе, не может дать правильную оценку наших взглядов на роль крестьянства и революции 1905—1907 гг., ибо он этой роли не понял.

Чтобы покончить с вопросом о движущих силах революции, скажем еще два слова о т. Сидорове. В то время как т. Горин вообще отрицает роль крестьянства в революции 1905 г. как движущей силы, т. Сидоров... атакует нас с другой, совершенно «неожиданной» для большевика, стороны: он берет под свою защиту... кулака 1905—1907 гг.

«Неправ автор, — пишет Сидоров, — когда ниже приходит к отрицанию радикализма у зажиточной кулацкой верхушки деревни... Это (борьба всего крестьянства против помещика—Е. Я.) не исключает признать за кулацко-зажиточными слоями деревни политического и экономического радикализма... не исключает политической активности и ведущей роли в движении крестьян в некоторых районах до осени 1906 г. этой части крестьянства [23].

Не в этом дело, т. Сидоров. Мы выступили против тезиса, что кулак вел деревню, был штабом крестьянства. Мы старались подчеркнуть, что все крестьянство и главным образом его бедняцко-середняцкие массы подымались против помещика, а не один кулак вел борьбу против помещика. Это абсолютно не противоречит Ленину, который писал, что крестьянское движение

«объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества».

Мы *не исключили* кулака из состава борющихся (но только на определенном этапе) сил, а лишь *поставили его на соответствующее место, сняли с него ореол руководства*. Иначе не понять всей нашей тактики по отношению к крестьянству после декабрьского восстания и весны 1906 г., когда кулак колебнулся в своей борьбе против помещика, когда на политической арене появилась новая партия энэсов, заявившая, что «нас послали в Думу получить «землю», т. е. высказались за конфискацию, но «не отдавать землю», т. е. против национализации.

3. О Советах, перерастании и других спорных вопросах

Наши критики совершенно не поставили в своих критических статьях вопроса о Советах, совершенно обошли нашу попытку поставить на правильные рельсы изучение вопроса о Советах. Это тем более необходимо, что один из критиков является автором книги о Советах, где дана явно *неленинская характеристика* происхождения и роли Советов. Почему бы не воспользоваться случаем и не отметить своих ошибок? Или т. Горин ждет от других этой работы? Нам поневоле придется заняться этим, чтобы оттенить ту позицию, с которой нас атакует т. Горин.

Как жгуче, актуально практически-политическое значение Советов, можно судить хотя бы по борьбе за Советы в Китае. Но одно обстоятельство особо заостряет роль Советов и для нас, за 13 слишком лет строительства проверивших на опыте все значение Советов.

«Если поставить вопрос о партии и о профсоюзах, как они перестраивались,—говорит т. Каганович на московском активе, — то можно сказать, что, худо ли, хорошо ли,—партия лучше, профсоюзы хуже, — но они все же перестроились... Но есть у нас еще одна организация, которая отстала в своей перестройке. Я имею в виду Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Советы завоевали под руководством нашей партии власть в Октябрьские дни, Советы сыграли огромную роль в гражданской войне, и *вот Советы в реконструктивный период не перестроились еще применительно к новым условиям, к новым темпам работы*» («Об итогах ноябрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)»).

Именно это и в наши дни приковывает внимание широких масс к проблеме Советов и заставляет обращаться к новым книгам по истории Советов.

Тов. Горин собрал много материалов как по истории питерского Совета, так и по истории провинциальных советов. В этом есть известная заслуга. Зачастую этот фактический

[22] *Ленин*, Соч., т. XIV, изд. 2-е, с. 15—16.
[23] «Пролетарская революция» кн. XI за 1930 г., с. 164.

материал представляет большой интерес и может сослужить известную службу уже одним тем, что он собран в одном месте. Но факты сами по себе еще не составляют науку истории. Наукой делает их тот метод, с помощью которого объясняются факты.

Увы! Здесь читателя ждет большое разочарование: т. Горин пытается по-ленински подойти к проблеме Советов, много и часто цитирует Ленина, но неверные исходные положения сводят на-нет его попытки.

Из всей проблемы Советов возьмем только вопросы об их происхождении и роли.

Одним из основных расхождений между большевиками и меньшевиками в революции 1905 г. был вопрос о формах борьбы. Ленин подчеркивал, что марксист

> «признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения» [24].

С другой стороны, — опять-таки подчеркивал Ленин, —

> «марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма» [25].

Такое забвение «азбуки диалектического материализма» и проявили меньшевики в вопросе о происхождении Советов.

Советы для них оказались формой, которую они «высидели» в кабинете, «выдумали» для рабочего класса. Вот почему и Мартов и Троцкий так постоянно подчеркивали, что Советы выросли... по инициативе меньшевиков.

> «Инициативу создания революционного рабочего самоуправления, — писал Троцкий о происхождении Совета, — взяла на себя... одна из двух петербургских социал-демократических организаций» («1905», с. 103).

Вот почему Ленин так резко выступал и против Мартова и против Троцкого, подчеркивая, что Советы не «выдуманы», а возникли стихийно, т. е. не случайно, как понимают иные марксисты вроде т. Горина стихийность, а из самых глубин пролетарских масс, не навязаны сверху, а «возникли сами собой в ходе движения», руководимого пролетарской партией.

Тов. Горин тоже выступает против меньшевистско-троцкистского объяснения происхождения Советов, но как?

> «Присвоение меньшевиками, — пишет он против Мартова, — первенства в организации Совета с легкой руки Мартова долгое время было общераспространенным мнением. Это мнение требует существенных поправок» (с. 48).

Выходит, что мнение в основном правильно, но нуждается только... в поправке. А Ленин говорил, что это объяснение в корне неверно.

Чтобы у читателя не оставалось сомнения, что мы, мол, имеем дело с неудачным выражением, приведем лучше формулировки Ленина и Горина.

Ленин:

> «...Советы рабочих депутатов стихийно возникают на почве массовых политических стачек как беспартийные организации широких рабочих масс» [26].

У т. Горина:

> «Совет не являлся в буквальном смысле слова «стихийной организацией», наоборот, он был продуктом долгой с.-д. работы среди пролетариата, разъясняющей необходимость организации рабочих масс»... (с. 106).

Или:

> «Видеть в качестве основного признака Советов их самочинное стихийное появление неверно, так как стихийность более характерна для стачечных комитетов, чем для Советов РД» (с. 22).

Как видите, т. Горин «подправляет» Ленина в борьбе с меньшевиками и Троцким. К чему?

Но т. Горин «подправляет» Ленина еще в одном моменте. Он забывает обязанность марксиста исторически подходить к тем или иным формам борьбы или организациям пролетариата и поэтому скатывается на механистические позиции, когда признает Советами только те Советы, которые прямо взялись за подготовку вооруженного восстания. На этом основании он отказывает Иваново-вознесенскому совету в почетном звании Совета. Дадим, однако, слово опять тем же авторам.

Ленин:

> «Эти Советы (стихийно возникшие) неизбежно изменяются в ходе борьбы как по своему составу, включая в себя наиболее революционные элементы мелкой буржуазии, так и по содержанию своей деятельности, превращаясь из чисто стачечных организаций в органы общереволюционной борьбы» [27].

У т. Горина:

> «...отождествление Советов Рабочих Депутатов с существовавшими ранее рабочими организациями — стачечными комитетами, профессиональными союзами и т. п. — принижает их роль в революции» (с. 7).

Или:

> «Почему даже первоначальная деятельность Совета не может отождествляться со стачечным комитетом»... (с. 57).

Ленин писал об историческом вырастании Советов, о постепенном превращении их из «чисто стачечных организаций в органы борьбы», а по Горину это — принижение роли Советов!

Это Ленин-то принижал роль Советов.

---

[24] Ленин, Соч., т. X, изд. 2-е, с. 80.
[25] Там же, с. 81.
[26] Ленин, Соч., т. IX, изд. 2-е, с. 44.
[27] Там же, с. 45.

Отметим здесь попутно, что т. Горин совершенно не поставил вопроса о Советах, как органах революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а ведь таковыми органами и должны были быть Советы в буржуазно-демократической революции. Как раз этот вопрос имеет особое значение и в Китае, да и в других национально-освободительных революциях. Писать книгу о буржуазно-демократической революции и не поставить именно этого вопроса, значит полностью расписаться в своем непонимании характера революции 1905—1907 гг.

Возьмем оценку т. Гориным роли Совета. Тов. Горин поместил в своей книге целую главу: «Два правительства». По его мнению, Совет уже в 1905 г. был правительством. Он прямо так и пишет в этой главе:

> «В ноябре мы видим уже существование двух правительств — самодержавного и советского» (с. 350).

Но ведь это явное извращение всей роли Советов в революции 1905 г. и направлено прямо против Ленина. Вот что писал Ленин о Советах, писал кстати против Троцкого:

> «Историческое развитие (Советов — Е. Я.) должно заключаться не в схематическом продолжении местных Советов рабочих депутатов, до всероссийского рабочего съезда, а в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были Советы рабочих депутатов (разрядка моя — Е. Я.), в центральные органы победившей революционной власти, в революционное временное правительство» [28].

По Ленину зачаточные органы власти, а по т. Горину — правительство, сложившееся рядом с самодержавием. Своеобразное «двоевластие» в 1905 г.!

Как раз против такого забегания вперед, против такого перепрыгивания и предупреждал Ленин некоторые «горячие головы».

> «Кадеты, — писал Ленин, — уже стали Regierungsfähig (готовы участвовать в правительстве), уже влезли на второй этаж свободы собраний (ценой опошления собраний), на этаж квазипарламентаризма. Им только того и надо, чтобы пролетариат, оставаясь на деле в подвале, возомнил себя на втором этаже, сфантазировал себя парламентской силой и пошел на условия о «поддержке» и пр.» [29].

Люди, сидящие в подполье, сфантазировали себя правительством, — это и значит итти на удочку кадетам. Идею Троцкого о «двух правительствах» Ленин считал, таким образом, чисто кадетской идеей.

Много ли стоят все цитаты из Ленина, которые приводит т. Горин, если он не справился с основным вопросом о происхождении и роли Советов.

Но идея о «двух правительствах» извращает не только действительную роль Советов в революции 1905 г., но и проблему вооруженного восстания.

И как раз основной, главный решающий недостаток книги — это оценка декабрьского восстания. На этой оценке проверяется ленинец. Вот что пишет т. Горин:

> «В декабре всероссийского вооруженного восстания не произошло. Процесс нарастания революционных сил и всероссийского вооружения революции к декабрю не успел завершиться, прорвавшись под напором усиливающейся реакции в отдельные вспышки. Эта вынужденность восстания чувствуется на каждом шагу» (с. 397).

Насколько это случайно, можно видеть из того, что т. Горин в итогах снова пишет:

> «Декабрьское выступление было вынуждено. Подобно тому как в революции 1848 г. во Франции, как уже указывалось Марксом, «буржуазия принудила парижский пролетариат к июньскому восстанию, и это уже было залогом его неудачи», точно так же и декабрьское восстание было вынужденным, спровоцированным, и в этом крылись причины его поражения. Достаточно посмотреть любую социал-демократическую газету конца ноября и начала декабря (значит и меньшевистские—Е. Я.), чтобы увидеть, насколько это выступление явилось преждевременным» (с. 469—470).

Итак, восстание вынуждено, спровоцировано, преждевременно и в этом крылись причины его поражения!!!. Ну, чем это не плехановское «не надо было браться за оружие»»! Раз преждевременно, раз заранее восстание обречено на неудачу — зачем, в самом деле, было браться за оружие?! Любопытно, что т. Горин при этом ссылается на... Ленина. Ленин в одной из своих статей действительно приводит Каутского и соглашается, что между декабрем и июнем 1848 г. есть «внешнее сходство» (слышите, внешнее!), но вся статья посвящена той мысли, что движение переливало через край, опережало организацию, что у Дубасова не было войска, — где уж тут говорить о провокации, когда войска колеблются! Прочитайте, наконец, «Уроки московского восстания», и вы увидите, можно ли Ленина подстригать под Плеханова.

Тов. Горин дальше ссылается на письмо Ленина к М. Эссен, где Ленин писал:

> «В подготовке восстания я бы советовал проповедывать тотчас везде, самым широким образом, образованье массы, сотен и тысяч автономных боевых отрядов, очень маленьких (от трех человек), которые бы сами вооружались, кто чем может, и готовились всячески. Момент восстания

[28] Ленин, Соч., т. XI, изд. 2-е, с. 151.
[29] «XVI Лен. сборн.», с. 277.

> я бы, повторяю, охотно оттянул до весны, но конечно, мне издали судить трудно» [30].

Слышите? «Момент восстания... оттянул бы, но издали судить трудно», — так пишет политический руководитель, трезво учитывающий расположение сил, а т. Горин делает из этого вывод, что «в 1905 году срок восстания не зависел от пролетариата и его партии — РСДРП(б)». Можете ли вы указать хоть одну строку после восстания, где бы Ленин филистерски, по-мещански, задним числом говорил бы о «преждевременности» восстания?

Для т. Горина «преждевременность» декабрьского восстания увязывается со всей его концепцией.

> «Мы уже видели, — пишет т. Горин (на с. 183), — что в октябре пролетариат психологически был готов к вооруженному восстанию.

Теперь все понятно. В октябре пролетариат был готов только психологически, а в декабре его вынудили выступить без подготовки технической, без оружия, ну и разбили. Вот откуда «преждевременность» восстания.

Куда же тогда деть все ленинские оценки восстания «Потемкина»? и пр. Ведь еще по поводу 9 января Ленин писал, что

> «русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание» [31].

Или дальше:

> «Стачка и демонстрация стали на наших глазах превращаться в восстание» [32].

А вы говорите, что пролетариат в октябре, после «Потемкина», был только психологически готов к восстанию. Бедный «критик» просмотрел всю борьбу Ленина с меньшевиками как раз по этому вопросу». Вот что писал Ленин:

> «Но всего бесподобнее рассуждения «Искры» по вопросу о вооружении: «Работа по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и единовременность нападения народа на правительство», объявляется «технической» (!?) задачей. А мы, конечно, стоим выше презренной техники и смотрим вглубь вещей. «Как ни важны они («технические» задачи), не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию»... «Все старания подпольных организаций не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием — жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого. Вот куда должны мы направить свои усилия — на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания» (последние два места подчеркнуты автором).
>
> Да, да, это действительно глубокая постановка вопроса, не то, что у узкого, почти дошедшего до «якобинства» Парвуса. Центр тяжести не в работе по вооружению и не в систематической подготовке организации, а в вооружении народа жгучей потребностью вооружиться и притом самовооружиться. Какое жгучее чувство стыда за социал-демократию испытываешь при виде этой филистерской пошлости, пытающейся оттянуть назад наше движение! Вооружение народа жгучей потребностью вооружиться есть постоянная и общая, всегдашняя и повсеместная задача социал-демократии, задача, применимая одинаково и к Японии, и к Англии, и к Германии, и к Италии. Везде, где есть угнетенные и борющиеся против эксплоатации классы, проповедь социалистов всегда вооружает их с самого начала и прежде всего жгучей потребностью вооружиться, и эта «потребность» имеется уже налицо, когда начинается рабочее движение. Социал-демократии приходится лишь делать эту жгучую потребность сознательной, заставлять испытывающих ее считаться с необходимостью организации и планомерного действия, со всей политической конъюнктурой... Именно от этих условий будничной работы отличаются теперь условия в России. Именно поэтому революционные социал-демократы, которые до сих пор никогда не говорили: к оружию! но всегда вооружали рабочих жгучей потребностью вооружаться, теперь все революционные социал-демократы, идя вслед за революционно-инициативными рабочими, дали лозунг: «К оружию!»
>
> И вот в такой-то момент, когда дан уже, наконец, этот лозунг, «Искра» изрекает: центр тяжести не в вооружении, а в жгучей потребности самовооружения. Разве это не мертвенное интеллигентское резонерство, разве это не безнадежное тряпичкинство? Разве не тащат эти люди партию назад от насущных задач революционного авангарда к созерцанию «задней» пролетариата?» [33].

А чем отличается ваша «психологическая» подготовка от меньшевистской «жгучей потребности самовооружиться»? Ничем! Понимаете, в какую компанию вы попали! т. Горин.

Вправе ли после всего этого т. Горин бросать нам упрек в том, что мы обошли Троцкого, «почему-то не разобрали вопрос» и т. п.

Но у т. Горина и это неспроста, это у него «стиль» в работе, один из его постоянных приемов, ибо, повторяет он его неоднократно.

«Слабее, однако, дана критика Л. Троцкого, — так пишет т. Горин на с. 171, — что объясняется, по-видимому, тем, что раздел о троцкизме в основном был

[30] Ленин, Соч., т. VIII, изд. 2-е, с. 320.
[31] Там же, с. 82.
[32] Там же, с. 106, подчеркнуто Лениным.

[33] Ленин, Соч., т. VIII, с. 125—126.

написан до выхода последних работ Л. Троцкого «Моя жизнь» и «Перманентная революция» (хотя в книге и имеется ряд цитат из этих работ»).

Это «хотя» прямо-таки умилительно!

Откройте, читатель, страницы 252, 281, 282, 283, 284, 288, 289, и вы найдете там не только цитаты из новых работ Троцкого, но прямые ссылки на эти книги с указанием страниц, развернутую критику этих положений. Оказывается, т. Горин не читал нашей книги или прочитал только несколько страниц. Написать рецензию, не читая всей книги, да на это не способен был даже барон Брамбеус, так язвительно осмеянный великим Чернышевским, приводившим примеры из его «критики» похождений Чичикова.

Кому же неизвестно, кроме т. Горина, что нижеподписавшийся в целом ряде своих статей дал соответствующую оценку новым работам Троцкого, ссылался на них, цитировал их еще до выхода второго тома «Истории ВКП(б)». Почему бы он отказался от этой оценки в своей новой работе?

«Стиль» т. Горина, метод его «критики» сказались еще в ряде примеров. На с. 166 он пишет:

> «Неверно считать эсеров социалистами (см. с. 173, 344 и др.). Воспоминания Бурцева, Зензинова и др. убедительно свидетельствуют, с какого рода «социалистами» приходилось иметь дело в лице эсеров...»

Тов. Горин на сей раз постарался быть точным и указал даже страницы нашей книги. Открываем, читаем и... буквально ничего подобного. Напротив, мы разжевываем, что эсеры облекали «свое революционно-демократическое существо социалистической фразеологией». Мы подчеркиваем, что у эсеров социалистической была только фразеология, иллюзии, а «рецензент» утверждает, что мы считаем эсеров социалистами. Можно ли после этого спорить с таким «критиком» по существу?

На с. 171 т. Горин обвиняет нас в «недостаточном вскрытии роли примиренчества» в рядах партии, этим он опять подчеркнул, что не читал всей нашей книги, ибо помимо главы II, где имеются следующие подглавки: в) начало открытого проявления примиренчества в ЦК; д) против меньшевиков и примиренчества в рядах большевиков; и) борьба Ленина с примиренчеством к меньшевизму, — в гл. XI есть целая большая подглавка, посвященная борьбе с примиренчеством. Мало того, обвиняя нас, т. Горин «бьет нам челом нашим же добром», ибо приводит против нас цитаты Ленина, которые имеются у нас же в главе XI.

Кстати, т. Сидоров упрекает нас в том, что мы дали не все цитаты из Ленина, что «становится обидно, когда их не видишь в соответствующих местах» (с. 165). А в начале статьи т. Сидоров жалуется, что много у нас цитат! Пойми, кто может!

Со взглядами т. Сидорова вообще кто-то произвел странную операцию. Незадолго до появления его статьи в «Пролетарской революции», на диспуте в Комакадемии по поводу литературы о 1905 годе т. Сидоров подчеркнул вполне определенно свою солидарность с нами в вопросе о перерастании. Вот что он говорил там:

> «Когда я получил отдых от своей работы, я взялся проштудировать II том, над которым работал коллектив под руководством Ярославского. Проштудировал его я как преподаватель и написал рецензию. К чему сводится моя оценка? Так как сегодня шла речь об оценке литературы, посвященной 1905 году,—что этот том является крупнейшим событием в истории историко-партийной литературы и недооценивать его глубоко неправильно. Подчеркиваю, что II том является крупнейшим событием, коллективная проработка обусловила глубокую постановку вопроса, дала материал в глубоком многообразии и в отношении стратегии и тактики как революционных партий вообще, так и большевистской партии. Тов. Горин пытался критиковать проблему перерастания, являющуюся одной из основных, в связи с анализом 1905 года. По-моему, эта проблема во II томе разработана, во-первых, правильно, а, во-вторых, резче, чем где бы то ни было, за исключением Ленина. Тот, кто читал II том, с этим согласится».

Что случилось с тех пор, т. Сидоров, что ваши оценки подверглись такой переработке?

На с. 173 наш ретивый критик, т. Горин пишет: «Нам также кажется не вполне точным, когда авторы, рассматривая IV Объединительный съезд, пишут, что «съезд уничтожил раздельное существование фракций»... Но ведь это мысль Ленина, взятая из его оценки итогов съезда.

> «Крупным практическим делом,—писал Ленин (т. IX, изд. 2-е, с. 222), — является слияние фракций меньшинства и большинства. Раскол прекращен. Социал-демократический пролетариат и его партия должны быть едины», и т. д.

Что это—как не уничтожение раздельного существования фракций? Любопытно, что именно эта цитата Ленина идет у нас в книге после той мысли, против которой ополчился т. Горин (см. с. 627). И тут бедный критик подтвердил, что не читал всей книги.

Также «обоснованно» выглядит на с. 170 обвинение, что «недостаточно показано, что уже в 1905 г. ленинское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, собственно, и было большевистским учением о перерастании». Но мы именно такой трактовке посвящаем целых три раздела (см. с. 197—208), не говоря о том, что десятки раз возвращаемся к ней в целом ряде других мест. И тут интересно, что т. Горин привел место из статьи Слепкова, разобранной нами в нашей книге. Именно на с. 206 подчеркнуто, что Слепков в своей критике т. Сталина сползает к троцкизму. И эту главу, видно,

чем читал наш критик. И тут т. Горин пробует скрестить свое оружие с... впрочем, читатель сейчас увидит, в кого попадает т. Горин.

«Нам кажется странным, — пишет т. Горин, — когда авторы II тома пишут, что «Ленин в 1905—1907 гг. прямо ставил вопрос о том, что в тот период (1905—1907 гг.) без «Запада» русский пролетариат не может непосредственно совершить социалистическо революции. Да это и совершенно понятно, поскольку материальных предпосылок для такого переворота в России еще не было». Насколько нам известно, Ленин так категорически нигде не зарекался, что пролетариат в случае успеха буржуазно-демократической революции не должен бороться за социалистическую революцию» (с. 167).

Позвольте. Мы пишем, что пролетариат без Запада непосредственно не может совершить социалистической революции, т. е. немедленно сейчас же начать социалистическую революцию, а т. Горин передергивает нашу мысль и приписывает нам дичь, что пролетариат не должен бороться вообще за социалистическую революцию! А, во-вторых, мы только повторили мысль Ленина о революции 1905—1907 гг. Возьмем наугад несколько выдержек.

«Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса» [34].

«...Такая победа нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую, демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимает до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции» [35].

«...Мы не должны бояться... полной победы социал-демократии в демократической революции, т. е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот» [36].

Метил т. Горин в нас, а попал в Ленина. Насколько нам известно, — пишет т. Горин, — полагаться на свою память — мало, если речь идет о Ленине. Тут надо изучать, знать точно. Помните, что писал в подобном случае т. Сталин в статье «К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве»:

«Вы спросите: где же выход из «недоразумений?» Выход, по-моему, один: изучать Ленина не по отдельным цитатам, а по существу, изучать серьезно и вдумчиво, не покладая рук. Другого выхода я не вижу».

По существу нашей книги о революции 1905—1907 гг. у т. Горина есть еще только замечание о Крестьянском союзе, но и тут с «критиком» произошел большой конфуз. Нас обвиняют в том, что мы «умалчиваем о борьбе внутри Крестьянского союза». Но у нас на с. 350 написано:

«Большинство съезда приняло по этому вопросу (о земле) указанное выше компромиссное решение о выкупе. Это решение было победой зажиточных слоев крестьянства... Именно эти соображения руководили зажиточным большинством съезд, когда оно принимало компромиссное предложение о выкупе...» (с. 350).

Где же здесь «умолчание» о борьбе? Может быть, надо было подвергнуть деятельность Крестьянского союза более тщательной критике, но это другой вопрос.

Мы думаем, всего приведенного достаточно, чтобы помочь читателю самому дать определение или характеристику «критике» т. Горина.

Прежде чем подвести итог, нельзя пройти мимо выпада т. Сидорова. «Меньшевизму авторы уделили очень много страниц... Местами дается чрезмерно пространное изложение меньшевизма. Если быть последовательным, тогда надо и эсерству уделить некоторое место, а о них авторы во всем томе ничего не сказали».

Тов. Горин говорит, что об эсерах сказано много, что мы даже идеализируем эсеров, даже скатываемся к ним, а т. Сидоров говорит: «Ни звука нет об эсерах».

Нехорошо это, недобросовестно! Тов. Сидоров, вы загляните хотя бы на с. 342—351. Там у нас целая глава: «Народнические партии и аграрный вопрос» и особый заголовок — «Эсеры». Или эсеры не народники? Но дело не в этом. Как выглядит выпад т. Сидорова о том, что много страниц посвящено меньшевикам сейчас, в свете процесса над «Союзным бюро» меньшевиков-интервенционистов! И это пишется на страницах боевого партийного органа, издаваемого Институтом Ленина! Тов. Сидоров упрекает нас в том, что мы даем положительное изложение взглядов меньшевиков. А каждый, кто захочет это утверждение проверить, легко убедится, что т. Сидоров неправильно ориентирует читателя, что мы даем везде ленинскую критику меньшевистских взглядов.

Чему нас учил в этом отношении Ленин? Прочтите главу III «Главные этапы в истории большевизма» в «Детской болезни левизны»

---

[34] Ленин, Соч., т. VIII, изд. 2-е, с. 40—41.
[35] Там же, с. 62—63.
[36] Там же, с. 83.

Ленин дает исчерпывающую постановку вопроса о том, надо ли изучать историю борьбы с меньшевиками (и эсерами). Мы не боимся в этом вопросе разойтись и с т. Сидоровым, и с т. Гориным. Но *мы не расходимся с Лениным*. Именно взгляды, советы и указания Ленина мы положили в основу нашей коллективной работы о 1905 годе. Вот что Ленин писал:

«Годы подготовки революции (1903—1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически все основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарско-революционного с ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов. *Все* вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 гг, можно (и должно) проследить в зародышевой форме по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее: в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизовываются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв» [37].

Процесс меньшевиков показал, какое важное значение имеет знание *прошлого* нашего противника, умение *на всем опыте* нашей борьбы с меньшевизмом, эсеровщиной воспитать, закалить наши молодые кадры. А нас поучают, что мы слишком подробно освещаем эту вреднейшую породу мелкобуржуазных помощников капитализма. Неправильно это!!

Точно так же не соответствует действительности утверждение т. Сидорова, будто мы правильно, показывая «связь организационных и тактических суждений троцкизма с аксельродовщиной», *забываем*, что существует «своя характерная черта троцкизма — его «лево»-фразистая идеология». «Троцкизм, — поучает нас т. Сидоров, — это не просто разновидность меньшевизма. Это такая разновидность меньшевизма, которая пытается осуществить в наиболее ответственные переломные моменты революции служебную роль прививки оппортунизма рабочему классу под видом «левой» фразы»... Упрек, как видите, серьезный. Позабыть об этой особенности троцкизма — это большая ошибка. Но, оказывается, не мы «позабыли» об этой своеобразности меньшевизма, а т. Сидоров, *действительно, позабыл* прочитать то, что написано, хотя бы, например, на с. 256 II тома «Истории ВКП(б)». А там написано:

«Но Парвус и Троцкий своей «теорией» подкрепляли меньшевизм в таких социально-политических условиях (именно — в эпоху максимального подъема революции), когда обычных аргументов, «классических» для оппортунизма, было недостаточно для оказания развращающего буржуазного влияния на рабочий класс и подчинения его *гегемонии либералов*. Последнее могло быть успешнее и удачнее выполнено мнимолевым «революционным» фразерством, каковым являлась троцкистская теория перманентной революции. Так, в наше время, обманывая массы, «левая» социал-демократия выступает на сцену тогда, когда языком Шейдеманов и Носке говорить неудобно.

Парвус и Троцкий «левой» теорией политически укрепляли позиции Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова и пр.».

Теперь всякий видит, *кто что позабыл*. Но допустимо ли *так* критиковать, вводя в заблуждение читателя, как это делает т. Сидоров?

Несколько особо стоит критика т. Елина, который, сравнивая две работы о 1905 годе — II т. «Истории ВКП(б)» и книгу «О советах» т. Горина, дает вполне положительную оценку нашей работе, считая, что книга т. Горина является *шагом назад* в разработке истории революции 1905—1907 гг. Но мы никак не можем согласиться с т. Елиным, с его критическими замечаниями по нашему адресу. Он приводит следующее место из нашей книги:

«Специальное значение российского промышленного кризиса заключалось в том, что он обнаружил основное противоречие между развитием капиталистических производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями».

И пишет по этому поводу:

«Если бы авторы подробно осветили вопрос о борьбе двух путей развития аграрного капитализма и их влиянии на экономику России, они не допустили бы такой формулировки, *из которой можно сделать вывод*, будто в России, перед революцией 1905 года, не было капиталистических производственных отношений» (с. 53).

А вы не делайте таких выводов, иначе вполне заслужите упрек в непонимании Ленина. В чем же по-вашему причина революции, как не в противоречии между капиталистическими производительными силами и крепостническими производственными отношениями. Это ведь объясняет весь революционный кризис. Нельзя же отсюда так механистически делать вывод, что Ленин отрицал наличие *капиталистических* производственных отношений. Они были, но преобладали крепостнические отношения. Именно их надо было снести и смести в революции.

В заключение нам хотелось бы отметить еще одно. Мы писали историю партии. Простая добросовестность критика требует с его сто-

[37] Ленин, Соч., XXV, с. 175—176.

роны указать, что в книге впервые дана борьба партии после декабря 1905 г., что в книге дан весь период раскола, что в книге разобраны вопросы теоретической борьбы, вопросы политического поведения партии, ее тактики, вопросы организационного строительства. А т. Горин почти не затронул всех этих вопросов, указав лишь на то, что следовало бы осветить историю возникновения нац-организаций партии. И это неспроста. Тов. Горин не понимает, что такое история партии. «Изучение истории нашей партии, — пишет т. Горин, — в первую голову должно показать читателю, как партия боролась с попытками ревизии революционной теории и как идейные единомышленники организационно оформляли партийные ряды». И только. Конечно, само это положение правильно, но оно совершенно недостаточно. Забыты указания Ленина об истории партии. Забыты решения Всесоюзной конференции по преподаванию истории партии, — конференция, после которой мы еще не успели истоптать сапог (несмотря на плохое качество этих сапог, что признает и Кожсиндикат).

В одном т. Горин прав. Партия «никогда не пугалась обывательского сюсюкания в защиту ошибающихся», как фигурально выражается сам т. Горин. И верно. Надо беспощадно разоблачать все ошибки, надо выполнить идею Сталина о выкорчевывании всяких буржуазных предрассудков», «распространяемых — к стыду нашему — и нашими товарищами-коммунистами, мешающими нам бороться за выполнение ленинской линии партии. Посильную задачу эту мы и выполняем в этом вынужденном ответе.

Нет спора, в нашей книжке есть ошибки, недостатки, и мы будем крайне благодарны за каждое указание, мы найдем в себе большевистскую смелость их признать и исправить, чему свидетельство — наши новые издания. Дело писания истории нашей партии ведь не может быть делом одного маленького коллектива, хотя и насчитывающего добрых три десятка участников.

В нашей работе, действительно, имеются недостатки, которые мы исправляем в следующем издании, подготовляемом к печати.

У нас недостаточно освещено развитие национальных соц.-дем. организаций в период первой революции, хотя мы уже во II томе сделали большой шаг вперед, посвятив национальным организациям ряд страниц. Правильно указание некоторых товарищей, что надо было дать специально критику взглядов Троцкого на вооруженное восстание. Мы эту задачу выполнили в докладе о вооруженном восстании в Коммунистической академии (доклад напечатан в № 20 «Историка-марксиста»). Во 2-м издании нашей работы мы развернем эту критику в особую подглавку. Точно так же следует более подробно осветить нашу военную и военно-боевую работу. Теперь имеется достаточно обширный материал для такого освещения. Недостаточно освещенной мы считаем и роль Советов крестьянских депутатов и смешанных Советов рабочих и крестьянских депутатов, которые возникли еще летом 1905 г. в Алапаеве, Надеждинском и других районах Урала (в специальной работе т. Горина о Советах эти Советы даже не упоминаются). Наконец, в связи с 25-летним юбилеем 1905 года вышел целый ряд местных и общих работ, монографий и сборников — из них особенно значительны работы по Уралу, Владимиру, Казани, Баку, Воронежу, Украине, Московской области и сборник «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.», изданный Секцией истории пролетариата СССР. Мы для 2-го издания нашей работы о 1905—1907 гг. считаем для себя обязательным изучить эти новые работы и переработать этот новый материал.

Происходящая теперь дискуссия историков Запада дает интересный материал для расширения и уточнения главы о международном значении революции 1905—1907 гг. и уяснения роли различных течений во II Интернационале.

Эти и другие исправления мы обязаны сделать в нашей работе, встретившей среди преподавателей комвузов в общем вполне положительную оценку. Мы ждем еще, что найдутся критики которые поставят перед нами ряд новых задач. Но если наши критики будут вносить только новые ошибки, как это делает т Горин [38], если наши критики будут требовать от нас, чтобы «каждая гайка имела не только физическое, но и социальное качество — качество гвоздя» (ст. т. Горина в «Историке-марксисте», с. 164), мы будем вынуждены им напомнить, что они очень смахивают на одного из крыловских критиков, и ответить им тем же, чем великий сатирик Свифт ответил своим критикам: «Большинство наших новейших сатириков сильно заблуждается, полагая, что, так как крапива имеет свойство жечь, то и другие сорные травы должны обладать тем же свойством».

Ем. Ярославский

---

[38] Кстати, об «общем итоге» горинского рассмотрения II тома «Истории ВКП(б)», который сей критик сводит к тому, что «книга нуждается в дальнейшей тщательной редакции и в изданном виде требует критического, внимательного отношения читателя». Мы не только ничего не имеем против «критического внимательного отношения читателя» к нашей работе, мы думаем, что такое критическое, внимательное отношение следовало бы проявить т. Горину прежде всего к самому себе, чего, к сожалению, до сих пор мы не видели. А что касается «дальнейшей тщательной редакции», то после настоящего нашего ответа всякому ясно, что эта редакция должна итти отнюдь не в духе критики т. Горина.

Ответственный редактор **М. Н. Покровский**. Ответственный секретарь **И. Л. Татаров**.